

ВЛАДИМИР ЧАГИН

«Минувшее проходит предо мною...»

Путешествие в 1863 год

Красноярск
ООО «Издательство Поликор»
2017

Поводом к написанию книги стала находка подлинника большой фотопанорамы города Красноярска, снятой с Караульной горы и датируемой 1863 г. Самая ранняя из известных, фотопанорама представляет Красноярск таким, каким он был почти за двадцать лет до катастрофического пожара 1881 г. В книге рассказывается о первых фотографах центра Енисейской губернии, о том, кто мог быть автором фотопанорамы.

Основное содержание книги — описание необычного путешествия по Красноярску 1863 года. Это и своего рода комментарий к фотопанораме, и рассказ о городе, каким он был во времена юности Василия Сурикова.

Одна из глав книги посвящена рассказу о чрезвычайно редком издании «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал» (СПб., 1870), в которое включены фотографии Енисейской губернии, в том числе города Енисейска до пожара 1869 года.

При подготовке книги использованы материалы Российской национальной библиотеки, Красноярского краевого краеведческого музея, Государственного архива Красноярского края, частных архивов.

В качестве вкладок в книгу представлены фотопанорамы Красноярска 1863 года и северной и южной частей города Енисейска (предположительно 1866 г.).

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

Часть 1.

ПАНОРАМА
КРАСНОЯРСКА
1863 ГОДА

ЗАГЛЯНУТЬ В ПРОШЛОЕ

...Я очень люблю старые фотографии. Они меня просто завораживают. У меня возникает ощущение, что каким-то чудом я подглядел в замочную скважину времени и увидел навсегда канувший мир таким, каким он был на самом деле.

*Борис Акунин.
Любовь к истории. 2012 г.*

Старые фотографии — как окно в прошлое. В прошлое своей семьи, своего города, страны... И чем более почтенного возраста эти фотографии, чем старше они, тем интереснее их разглядывать. Вот только возраст самых ранних фото ограничен 1839 годом — временем, когда была изобретена фотография.

А что, если бы каким-то чудом искусство светописси было изобретено раньше? Лет хотя бы на десять... Да что на десять — раньше на сто, на двести, на четыреста лет! Дух захватывает от того, что мы могли бы увидеть на дошедших до нас из глубины веков светописсных картинках!

Ну, например, Александра Сергеевича с Натальей Николаевной на великосветском балу... Да даже и Пушкина-лицеиста, читающего стихи на выпускном экзамене.

Утро стрелецкой казни — и не на картине Сурикова, а так, как это в действительности происходило.

Ермака со товарищи... А то ведь изображают завоевателя Сибири и в образе почтенного русского князя, и в латах испанского конкистадора. А в реальности-то каким он был?

Но — 1839-й, и ни годом раньше.

К этому году относятся и самые первые в мире видовые снимки: здания, улицы Парижа, Мадрида, Лондона, Мюнхена...

Новейшее искусство светописси стремительно распространялось, несмотря на дороговизну громоздких «фотографических машин». В 1840-е годы первые фотоателье появились в Москве. В 1840 году газета «Московские ведомости» так рекламировала дагерротипы (первые светописсные аппараты, названные по имени их изобретателя Луи Дагера): «...кому не будет приятно срисовывать всякого рода виды лучше самых искусных рисовальщиков и срисовывать, никогда не учившись рисованию!.. И все без малейшего труда: стоит вам только навести на желаемый предмет камеру-обскуру, вложить дощечку, посидеть несколько минут сложа руки, и вы получите рисунок, который после того нужно только подвергнуть действию паров (труд, не требующий собственных хлопот, — его можно поручить слуге)». Да, всего-то делов — поручил слуге, и готово. Этот простодушный совет очень напоминает то, как изготавливаются фотографии сегодня, — скинул с флешки все, что отснял, на компьютер в «Express-фото», и получай через час снимки!

DAGUERRE.

Луи Дагер, один из тех, кому человечество обязано изобретением фотографии. Впрочем, если быть точным, Луи-Жак-Манде Дагер (1787–1851) не изобрел фотографию, но сделал все, чтобы это изобретение воплотилось в жизнь. Как пишет историк фотодела Питер Поллак, автором первой фотографии был «Жозеф Нисефор Ньепс — за семнадцать лет до того, как Дагер опубликовал свое важное сообщение в 1839 году. А за четыре года до сообщения Дагера Фокс Тальбот получил негативное изображение на бумаге (размером в один квадратный дюйм!), которая была помещена в фотографической камере». Портреты отцов-основателей Ньерсе, Talbot и Daguerre в маленьких медальонах помещали на своих паспорту многие владельцы фотоателье, в том числе, например, и красноярцы Аксельрод и Лухтанская.

Возможности светописы представились замечательно широкими для коммерции — в продаже появляются фотографические виды выдающихся архитектурных сооружений, событий, портреты знаменитостей, начиная с царствующих особ, и даже «безнравственные и соблазнительные карточки» (предлагались любителям оных уже в 1860-е годы).

В Москве к 1864 году насчитывается около сорока фотографических заведений, которые конкурируют между собой. В 1850–1860-е годы фотоателье открываются во многих российских городах.

Но от самого раннего периода фотографической истории сохранилось немного изображений российских местностей и городов, а некоторые из них впервые в объектив фотокамеры попали лишь в 1870–1880-е годы. Ранние фотографии в большинстве своем известны, описаны; они сохраняются в музеях, архивах как уникальные историко-художественные памятники.

Ни одно из иллюстрированных изданий, посвященных ушедшим временам, не обходится без подобных фото. Например, в 2011 году в Иркутске издан альбом, состоящий из нескольких десятков фотографий, запечатлевших город таким, каким он был до грандиозного пожара 1879 года, уничтожившего значительную его часть. Альбом так и называется — «Иркутск допожарный». «С выходом настоящего альбома, — сообщается в аннотации, — читателям представляется уникальная возможность взглянуть на творения дореволюционных мастеров, побывать в Иркутске позапрошлого века».

В Красноярске выявлением самых ранних фотографий города, тоже сгоревшего наполовину в катастрофическом пожаре в 1881 году, подсчетом их, составлением каталога никто, кажется, специально не занимался. В собрании Красноярского краевого краеведческого музея таких снимков немало. Часть из них происходит из коллекции известного купца-библиофила Г. В. Юдина. Но в большинстве своем дореволюционные фотографии Красноярска относятся к концу XIX — началу XX века.

И поэтому находка подлинника фотопанорамы, на которой запечатлен город Красноярск, каким он был полтора века назад, задолго даже до пожара 1881 года, может считаться событием неординарным.

Город В «ДЛИННОМ» ФОРМАТЕ

Одним взглядом вы охватите видные окрестности юга и севера, а между ними Красноярск, представляющийся одним из величайших городов. Сначала взоры ваши разольются по длинным и прямым улицам его, на которых по местам возвышается несколько церквей, но концы сих улиц погружаются в сады.

*Александр Степанов.
Енисейская губерния.
СПб., 1835 г.*

Панорамный снимок — фотография «длинного» формата, собранная из отдельных (двух, трех, четырех и больше) кадров. Панорамы замечательны своей всеохватностью, возможностью обозреть огромную часть пространства, увидеть здания и объекты, давно утраченные, их расположение на городских улицах. Обычно лучшие места для выполнения панорамного снимка — колокольни, пожарные каланчи, горы и сопки, наконец, если таковые есть поблизости.

Красноярску повезло — над ним Караульная гора, с которой можно обозреть весь город и его окрестности. Известны несколько фотопанорам Красноярска, сделанных с Караульной горы. Наиболее ранние относятся к 1890-м годам, что можно определить по наличию или отсутствию на них тех или иных городских зданий.

Самая известная из фотопанорам — та, что воспроизведена на почтовой карточке, так называемой «раскладушке» (общей длиной в четыре обычных карточки). Город уместился на ней почти весь: от Стрелки с Воскресенским собором до предместья Теребиловка, то есть той части города, которая начиналась от нынешней улицы Горького и тянулась до железнодорожного вокзала. В начале 1910-х годов «раскладушку» выпустила (причем тремя тиражами) владелица книжного магазина в Красноярске и издательница почтовых карточек М.И. Григоровская (имя фотографа «раскладушки», к сожалению, неизвестно).

И когда вдруг обнаружилась еще одна фотопанорама Красноярска — большого размера, почти в метр длиной (точнее, 95×18 см, то есть при соотношении сторон примерно 1×5) — показалось, что это все та же хорошо известная открытка-«раскладушка», отпечатанная с того же самого негатива, но во много раз увеличенном формате. Однако же при ближайшем рассмотрении вдруг выяснилось, что на новонайденной фотопанораме отсутствуют:

- занимающий почти целый квартал архиерейский дом (построен в 1899 году),
- здание мужской гимназии (построено в 1889 году; на фотопанораме можно разглядеть, правда, первоначальное здание гимназии, но оно построено бог знает когда — в 1830-х годах),
- здание женской гимназии (построено в 1885 году)...

Да что гимназии — вокруг кафедрального собора (строительство закончено в 1861 году) нет еще ни каменной ограды, ни отдельно стоящей часовни. А ведь часовня была построена в 1867 году. И ее нет... А это может означать только то, что съемка фотопанорамы производилась где-то между 1861 и 1867 годами.

Так что же — перед нами самая ранняя панорама Красноярска из известных, вернее, из неизвестных?! Фантастика! Мы впервые видим весь город Красноярск того времени, когда в нем жил юный Суриков! Лишь через несколько лет он уедет в Петербург поступать в Академию художеств. А пока Суриков где-то здесь, в этих улицах! Здесь и его современники, известные и нет, — губернатор Замятнин, епископ Никодим, купец П. И. Кузнецов, ссыльный Петрашевский и проч.

Фотопанорама, о которой идет речь, была случайно найдена среди бумажного хлама одной из общественных организаций, когда она покидала в 2000-х годах свое помещение в старом здании в центре Красноярска. Каким образом оказалась панорама в этом помещении, никто уже не скажет. Единственная связь с фотографической темой здесь такая: в одном квартале с упомянутым старым зданием находился деревянный дом, в котором проживал известный в свое время красноярский фотограф Л. Ю. Вонаго. Он умер в 1935 году, но вдова его, будучи на много лет моложе мужа, еще очень долго жила в этом доме. Дом был снесен в 1970-е годы, и, может быть, именно тогда (рассказывают, что при сносе дома Вонаго были уничтожены, как мусор, стеклянные негативы, какие-то материалы из архива фотографа) кем-то из соседнего здания был подобран и сохранен приглянувшийся панорамный снимок Красноярска. Хотя это лишь предположение. Тем бо-

лее что сам Вонаго не мог быть автором фотопанорамы (ко времени ее съемки он еще даже не родился). Но он мог хранить у себя фотопанораму как уникальный образец работы какого-то раннего фотомастера.

Фотопанорама была отпечатана в хорошем качестве на альбуминовой бумаге (очень тонкой, изготавливаемой на основе яичного белка), цвета сепия. Состояла она из четырех частей, соединенных между собой в единое целое очень точно, без зазоров, наклеенных на тонкий картон.

Время, небрежное хранение оставили на ней свои следы — загрязнения и разрывы. Один из владельцев панорамы (принимая во внимание ее приличный возраст, она, судя по всему, не раз переходила из рук в руки), чтобы сберечь раритет, наклеил панораму на плотную бумагу. Можно заключить, что сделано это было после 1910–1911 годов, поскольку в качестве плотной бумаги были использованы обложки одного из большеформатных художественных изданий, выпущенного именно в эти годы. Но не сохранила в целостности панораму и эта плотная бумага: в конце концов от частых перегибов она разорвалась пополам. Помимо того, что хранилась панорама небрежно, можно заключить, что разворачивалась, складывалась-раскладывалась она довольно часто. От чего, собственно, и пришла в печальное состояние, но, к счастью, сохранилась полностью, без каких-либо утрат.

Некто под панорамой сделал карандашную надпись: «Городъ Красноярскъ», сбоку поставил дату — 1863 г. Дата, разумеется, первоначально не произвела никакого впечатления. Что за ерунда — 1863 год?! Быть этого не может! И только когда началось более пристальное изучение панорамы, дата эта, к огромному удивлению,

стала подтверждаться — да, действительно, скорее всего, на фотографии Красноярск 1860-х! Город, каким он был почти за двадцать лет до пожара 1881 года.

Как уже отмечалось, фотопанорама была снята, очевидно, между 1861 и 1867 годами, поскольку Кафедральный собор на фото есть, а каменной часовни нет, как нет и каменной ограды вокруг собора. В заметке «Богородице-Рождественский собор в Красноярске» В.Д. Касьянов сообщает: «В 1860-х годах кругом собора тем же Щеголевым сделана каменная, с чугунными решетками, ограда, с тремя чугунными же воротами». Но еще и в 1863 году этой ограды нет, как можно заключить по гравированному изображению собора, помещенному в «Памятной книжке Енисейской губернии на 1863 год». Часовня же, «с иконостасом и иконами», была построена в 1867 году (см. *«Краткое описание приходов Енисейской епархии», Красноярск, 1916*).

Напротив Всехсвятской церкви нет еще двухэтажного каменного дома (ныне ул. Красной Армии / Обороны, 12/1) — он был построен в 1870 году купчихой Т.И. Щеголевой для городской богадельни.

Немного дальше по Всехсвятской улице на панораме хорошо просматривается усадьба с каменным двухэтажным домом (ул. Красной Армии, 18). На крыше дома ясно видны стропила, они еще не накрыты кровлей, а дом окружен строительными лесами. Все говорит о том, что до сдачи дома осталось совсем немного времени. И действительно, из архивных данных известно, что его постройка была закончена купцом М.К. Сажиним в 1863 году!

(В дальнейшем этот дом перешел к купцам Даниловым. Знаменит был тем, что в 1873 году в нем бывал великий князь Алексей Александрович, а в 1891-м — наследник престола Николай. В доме находилась квартира губернатора Светлицкого.

В советское время тут открылся Дом колхозника, была гостиница, где в 1930 году проживали артисты и писатель Александр Фадеев, приехавшие в Красноярск для съемок фильма «Разгром»... Казалось бы, стены дома должны украшать памятные доски, дом следовало беречь, охранять и водить к нему экскурсии, но... В 1985 году дом в одночасье был снесен! Но это уже другая история. Да и мало ли какие примечательные исторические здания разрушили и снесли в Красноярске в разные годы...)

На Всехсвятской улице далее особняка, возводимого купцом М.К. Сажиним, — пожарная часть с каланчой, еще дальше — одноэтажный дом, который в будущем получит известность как дом-музей П.А. Красикова. Эти здания и должны быть на фотопанораме 1863 года — они более ранней постройки.

Итак, 1863 год. И тот, кто проставил эту дату под панорамой, сделал это, получается, вполне осознанно. Фотосъемку фотограф производил в начале или середине лета: деревья в листве, а уровень воды в Каче довольно высок. Но кем в 1863 году могла быть профессионально изготовлена фотопанорама города Красноярска?

Прежде чем высказать предположение о возможном авторе панорамы, попробуем совершить небольшой экскурс в начальную историю фотографического дела в Красноярске.

Изначальный фотографический период в истории Красноярска был, можно сказать, немецким, что и неудивительно, ибо в России одними из первых, кто стал заниматься фотографическим ремеслом, были именно выходцы из Германии.

Неудивительно это, и если припомнить, что представители «сумрачного германского гения» отмечались как в Красноярске, так и в Приенисейском крае в целом и много ранее. Вспомним натуралиста-академика Иоганна Гмелина, историка Герхарда Миллера, возглавлявшего Вторую Камчатскую экспедицию, «природного немца, родом пруссака» выдающегося естествоиспытателя Петра Симона Палласа...

Первую фотографию в Красноярске открыл в сентябре 1865 года прусский подданный из Ганновера, почетный член Немецкого фотографического общества Генрих Христианович Кеппель. В Госархиве Красноярского края сохранилось его прошение на имя Енисейского губернатора А. Д. Лохвицкого:

«Желяя заниматься присвоенным мне аппаратом фотографии в городе Красноярске, имею гестъ погтительнейше просить Ваше Превосходительство не оставить своим разрешением о снабжении меня для сего предмета установленным Свидетельством, для сего представляю гербовую марку 40 коп. достоинства, и билет мой за № 13812 о звании моем прошу по миновании в нем надобности возвратить мне обратно вместе с просимым Свидетельством.

*Августа 17 дня 1878 года
Пруссии подданный Генрих Кеппель».*

На документе приписка:

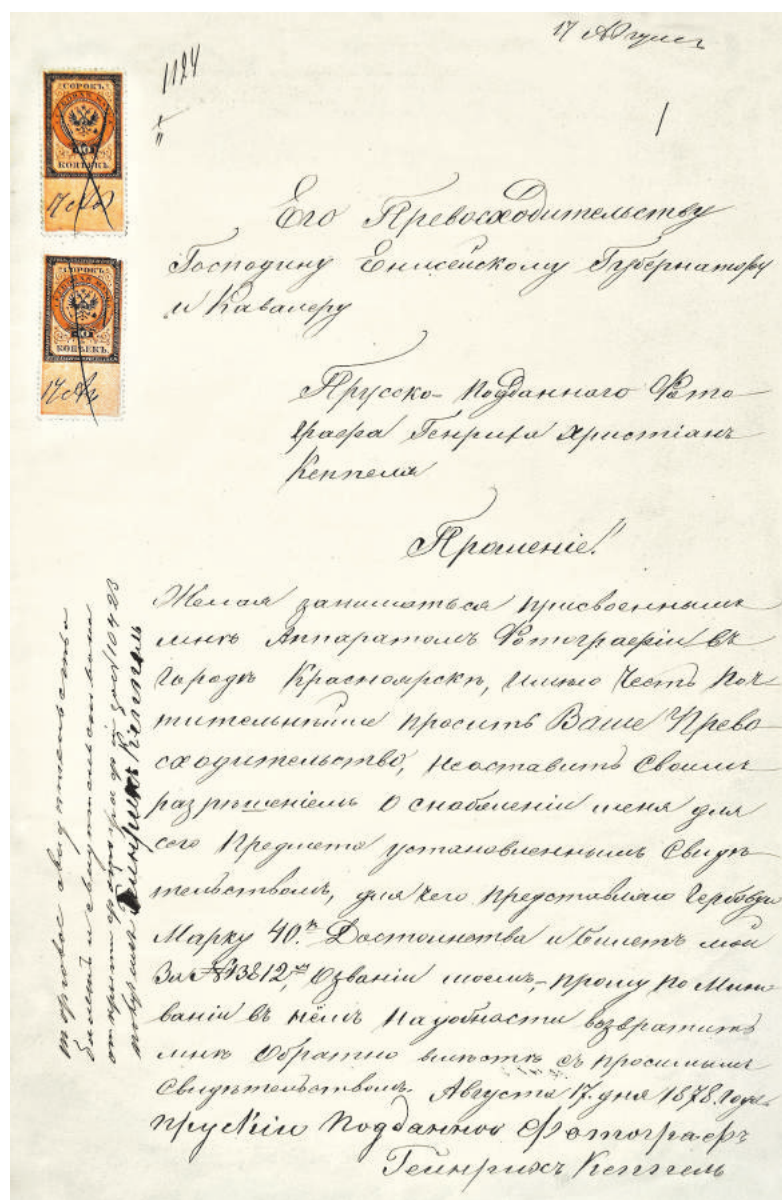
«Торговое свидетельство, билет и Свидетельство на открытие фотографии за № 10423 получено. Генрих Кеппель».

Можно предположить, что герр Кеппель еще недостаточно освоил русский язык, отчего и в прошении его не сразу сообразить, что к чему. А такое изящное, гм, выражение, как «присвоенным мне аппаратом фотографии», следует понимать так, что Кеппель в своем распоряжении имеет фотоаппаратуру и обладает необхо-

ПЕРВЫЕ ФОТОГРАФЫ И ФОТОАТЕЛЬЕ КРАСНОЯРСКА

Люди XIX века с удивлением и восторгом приняли новое изобретение и охотно позировали перед фотографической камерой. И времени это занимало меньше, чем утомительные сеансы перед художником для миниатюрного живописного портрета. И по цене оказалось доступно для публики. Чудо светописы вошло прочно в быт людей.

*Татьяна Шипова.
Московские дагерротипы.
«Мир музея», 1993, №4.*

Прошение Генриха Кеппеля от 17 августа 1878 года о получении
свидетельства на право открытия в Красноярске фотоателье

димым опытом в фотографическом деле. Но из прошения также следует, что открытие фотоателье Г.Х. Кешпеля произошло в августе 1878 года. А откуда тогда — сентябрь 1865 года?

Дело в том, что соответствующих документов за вторую половину 1860-х — начало 1870-х годов, которые могли бы дать точный ответ, когда в действительности было открыто фотоателье Г.Х. Кеппеля, в архиве нет. Предполагается, что все они сгорели в большом пожаре 1881 года: огонь прошелся и по городскому архиву, архивные бумаги горели, разлетались по ветру...

Но сегодняшними работниками архива не так давно в одном из более поздних дел, содержащем сведения о существующих в губернии типографиях, литографиях и фотографиях, напротив фамилии Г.Х. Кеппеля в графе «Кем и когда разрешено открытие» была обнаружена сделанная по старой орфографии (с ятями) карандашная приписка: «Енисейским губернатором в сентябре м-це 1865 г.» Дата эта подтверждается и, так сказать, визуально — сохранилось немало фотографий известных красноярцев, которые относятся к середине 1860-х годов, атрибутируются как фото Г.Х. Кеппеля.

Таким образом, официальную дату начала фотографического дела в Красноярске можно отнести к сентябрю 1865 года, а пальму первенства в этом деле следует, очевидно, отдать Г.Х. Кепелю.

Впрочем, и до Кеппеля красноярцы о фотографии представление имели. Так, еще в 1845 году предприимчивый владелец одного из дагерротипных заведений в Санкт-Петербурге Адольф Давиньон предпринял длительное путешествие по Сибири, где снимал декабристов и их близких. Свои портреты находившиеся

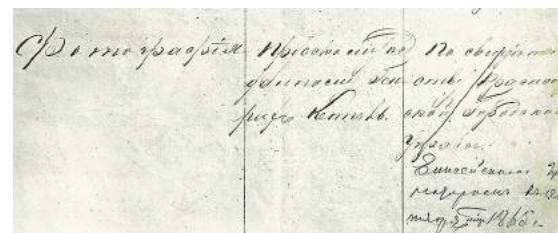
на поселении декабристы посылали родным и друзьям. Давиньон делал портреты в Томске, Иркутске и окрестных селах, в Кяхте. В Красноярске он снимал В. А. Давыдова с семьей. Но от тех дагерротипов Давиньона мало что сохранилось. Отправленные из Сибири портреты Волконского, Поджою и некоторых других декабристов были перехвачены жандармами, на Давиньона завели дело. Портреты, снятые «посредством дагерротипа с некоторых государственных преступников», были изъяты, а самому Давиньону вскоре пришлось покинуть Россию, уехать во Францию.

А вот и 1863 год, к которому у нас интерес особый. В дневнике епископа Никодима есть запись от 19 августа этого года: «Принесли мне фотографические карточки. Шесть больших и 10 маленьких. Стоят 40 руб.» На счастье, в нашем распоряжении имеются копии именно этих фотографических карточек — одной большой и одной малой!

Особо интересно маленькое фото. Оно наклеено на белую бумагу или картон и подписано самим Никодимом: «Никодим, епископ Енисейской и Красноярской епархии. Родился 5 сентября 1803 года. Посвящен в епископы 14 февраля 1854 года. Изображение снято в Красноярске 7 августа 1863 года».

В отличие от бесконечного множества безымянных фотографий — информация полная! И только одного, к сожалению, в этой записи недостает — отметки о том, кто изготовил фотокарточки! Остается гадать: может быть, это был некий гастролирующий фотограф: отработал месяц — другой в Красноярске, сфотографировал всех желающих, отпечатал, раздал снимки и дальше отправился. Так, может быть, этот фотограф и был автором панорамы?

Нашлись в дневнике епископа Никодима сведения о другом заезде фотографе. В ноябре 1864 года он записал: «Был у фотографа на Воскресенской М. Е. Фельдман, юноша, волосы курчавые, черные: красивый (не еврей ли). Четыре раза снимали с меня, и все неудачно, будто я трясую головою — отложили до другого времени». О Фельдмане упоминают и «Енисейские губернские ведомости». В номере от 8 февраля 1864 года в информации о прибывших в Красноярск сказано: «Из Мариинска. Рижский мещанин Марц

«Енисейским губернатором в сентябре м-це 1865 г.» — карандашная запись в документе, датированном 1877 г., проясняющая истинную дату открытия фотографии Г. Х. Кеппеля

Епископ Никодим. Фотография подписана самим епископом 7 августа 1863 г.

Фельдман». Вероятно, в Красноярске могли останавливаться на какое-то время и другие заезжие фотографы.

Но первым фотографом, получившим официальное разрешение городских властей на открытие фотоателье, был Г.Х. Кеппель. Конечно, фотоателье открывались для того, чтобы, прежде всего, обслуживать горожан: фотографировать их крупным планом и в полный рост, по отдельности и парами, семьями, с детьми, в интерьерах и без, с любимыми домашними животными и т. д. Печатались карточки в нескольких форматах, самые популярные форматы — визитный и кабинетный. Заказчикам фото выдавались наклеенными на паспарту, в первые годы — на обычном картоне, затем — типографской работы, украшенном различными сюжетами, виньетками, с фамилией владельца фотоателье.

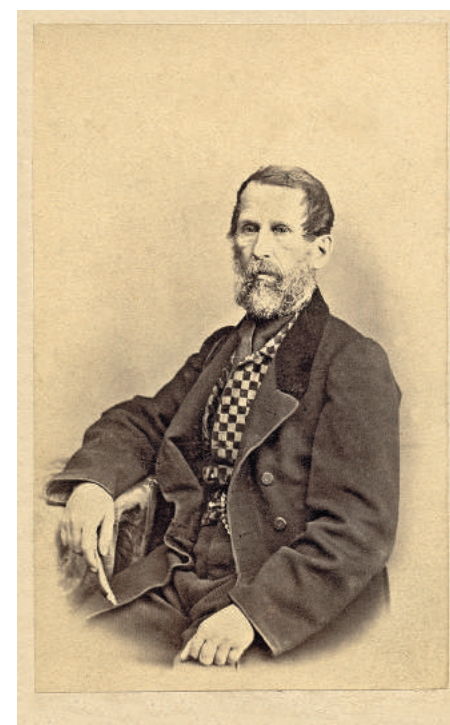
В 1872 году Свидетельство на право заниматься в Красноярске фотографией получил Август Егорович Нитрам. В конце 1880-х А.Е. Нитрам числится по Красноярской почтово-телеграфной конторе чиновником IV разряда в чине коллежского регистратора, самом низшем из классных чинов. Вероятно, где-то в это же время его фотоателье закрылось.

Красноярцы на фотографиях второй половины 1860-х гг., выполненных в ателье Г.Х. Кеппеля, как указано в аннотациях большинства из них, хранящихся в Красноярском краевом краеведческом музее

Девушка Екатерина Замятнина, дочь губернатора П. Н. Замятнина. Фото Г. Кеппеля, 1860-е гг.

Дочь золотопромышленника Анна Александровна Лопатина, 21 год. Фото Г. Кеппеля, 1866 г.

Александр Николаевич Лопатин, золотопромышленник, отец известного геолога И. А. Лопатина. Фото Г. Кеппеля, 1866 г.

Красноярские золотопромышленники А. Л. Завадский (крайний слева) и И. В. Кусков с женами. У Ивана Васильевича Кускова от двух жен было 14 детей, и многие из его потомков оставили о себе добрую память в разных областях деятельности. Стоит обратить внимание на напольное покрытие в помещении, где происходила съемка, — с таким же точно рисунком оно и на двух других снимках Г. Кеппеля. Фото Г. Кеппеля второй половины 1860-х гг.

Золотопромышленник М. С. Безносовых. В дневнике епископа Никодима есть запись: «Безносовых числится в числе золотопромышленников, а мне кажется лучше причислить его к числу золотопромотаев (ибо он уже сидел за долги)». Фото Г. Кеппеля, 1866 г.

П. И. Ларионов. На обороте фото пометка: «В июле 1865 г.». Между тем, ателье Г. Кеппеля, как мы определили, открылось в августе 1865 г. Может быть, Г. Кеппель еще до получения официального разрешения начинал снимать красноярцев?

Фирменные знаки фотоателье Кеппеля и Нитрама.
Паспарту фотоателье Г. Х. Кеппеля известны как с указанием только фамилии фотографа, так и с указанием фамилии и инициалов «А. Ф.» (?).

Третьим же по счету красноярским фотографическим заведением могло стать фотоателье Ильи Петровича Небольсина, коллежского асессора, который в марте 1877 года подал прошение на имя губернатора о выдаче ему свидетельства на открытие такового. Увы — прошение Небольсина было оставлено губернатором «без последствий, ввиду того, что проситель состоит под следствием по делу о растрате сумм в Енисейской духовной консистории».

В том же 1877 году разрешение на «производство фотографических занятий по Енисейской губернии» просит красноярский мещанин Михаил Яковлевич Литвинов. Разрешение «содержать фотографическую лабораторию для съемок портретов и видов» ему было дано. Но вот что любопытно: Красноярское городское полицейское управление перед выдачей разрешения собирало сведения о поведении и образе жизни просителя. У Литвинова они признаны «хорошими». Что же касается «знания им фотографического искусства, то полицейское управление заключения об этом дать не может, так как гг. фотографы проэкзаменовали Литвинова в знании им помянутого искусства отказались по неимению на то времени». Оказывается, будущий владелец фотоателье должен был еще и подтвердить свои знания в фотографическом искусстве! Однако это требование, вероятно, не было столь уж обязательным к выполнению. Да и городские фотографы (Кеппель и Нитрам?) попросту отмахнулись от роли экзаменаторов. Разрешение в 1877 году М. Я. Литвинов получил. Однако в последующие годы его фотоателье в списках имеющих в Енисейской губернии фотографических заведений не значится. Неизвестны и паспарту с фамилией Литвинова.

Исходя из сведений о владельцах существующих в Енисейской губернии, в частности, в городе Красноярске, фотографических заведений (почерпнутых из хранящихся в Государственном архиве Красноярского края дел за 1877–1879, 1881–1886, 1890, 1894, 1904–1905, 1907–1908 годы, фонд 595), можно составить последовательность, в которой они их открывали до конца XIX столетия.

В октябре 1881 года разрешение на открытие фотоателье получила Регина Осиповна Аксельрод, «жена поселенца (из свободного состояния) Красноярского округа Сухобузимской волости». В деле указаны и ее приметы: «Лет — 23. Рост — средний. Волосы, брови — черные. Глаза — карие. Нос, рот, подбородок — обыкновенные. Лицо — чистое. Особые приметы — нет». Отмечено, что «веры иудейской». В 1881 году Р. О. Аксельрод

вать по разосланным по полицейским участкам фотографиям розыску сбежавших. Красноярский краевед Е. Владимиров в своей статье, посвященной фотографии Кеппеля, сообщает:

«Для задержания беглых на Ангаре и Енисее летом патрулировали наряды сельской полиции во главе с помощниками исправников Красноярского, Енисейского, Канского округов. Чтобы успешнее опознавать бегжавших революционеров, генерал-губернатор Восточной Сибири 24 октября 1877 года специальной секретной телеграммой за № 1960 предложил Енисейскому губернатору, «чтобы с государственных политических преступников, поступающих прямо в Енисейскую губернию, снимались фотокартки по одной дюжине с каждого». Согласно этому распоряжению Енисейский губернатор предписанием от 8 ноября 1877 года предложил губернскому правлению приступить к фотографированию прибывших в Красноярск государственных и политических ссыльных, как уже находившихся в пределах губернии, а также и содержащихся в пересыльной распределительной тюрьме».

На паспорту фотоателье,
открытого Региной Аксельрод,
вензель с ее инициалами — «Р. А.»

Паспорту фотографического
заведения М. Б. Аксельрода

С 1879 года контракт на съемку ссыльных и каторжан заключил Г.Х. Кеппель. Где-то в это же примерно время заключил такой же контракт и А.Е. Нитрам.

А что же Регина Осиповна Аксельрод? Ведь есть немало публикаций, в которых речь идет о красноярской пересыльной тюрьме и где упоминается «ателье красноярских фотографов Регины Аксельрод и Генриха Кеппеля», «компаньонка Кеппеля — Аксельрод».

Есть 300-страничная книга Григория Хаита «Поиск продолжается» (Красноярское книжное издательство, 1970). Книга — своего рода краеведческий детектив, ее основной сюжет — история поиска снимков политических ссыльных, сделанных в Красноярске в «фотографии Кеппеля — Аксельрод».

Но откуда взялась эта связка: Генрих Кеппель — Регина Аксельрод?! Из одного только частого упоминания этих двух фамилий рядом Регина Осиповна становится фигурой почти исторического масштаба! А зачем, собственно, опытному Кеппелю, почетному члену Немецкого фотографического общества, нужно было брать в компаньонки 23-летнюю супругу поселенца, делиться, очевидно, с нею, как с компаньонкой, доходами?!

Но дело в том, что никакого совместного фотографического предприятия и не было! Нет об этой совместной фотографии никаких упоминаний в архивных делах. Неизвестны и паспорту с двумя фамилиями, Кеппеля и Аксельрод. Паспорту же с инициалами «Р. А.» (Регина Аксельрод) множество.

Между тем работник по фамилии Аксельрод в ателье Кеппеля был — работник, но не компаньон. За разъяснением обратимся к архивным документам.

...В декабре 1882 года у ведущих фотографов Красноярска возникли некоторые неприятности. Исполняющий делами начальника Енисейского жандармского управления майор Кузмин сообщал в секретном донесении Енисейскому губернатору:

«Из производимого при вверенном мне Управлении дознания между прочим видно, что отобранные по обыску у административно высланной Ольги Рубингик в г. Енисейске фотографические карточки некоторых государственных преступников были приобретены из фотографии Кеппеля в Красноярске. Привлеченные вследствие этого к спросу фотограф Кеппель и бывший его помощник Аксельрод, ныне служащий в фотографии Нитрам, не отрицают того обстоятельства, что карточки с государ-

Паспорту фотографий
А. М. Злобкова и И. Е. Упаткина

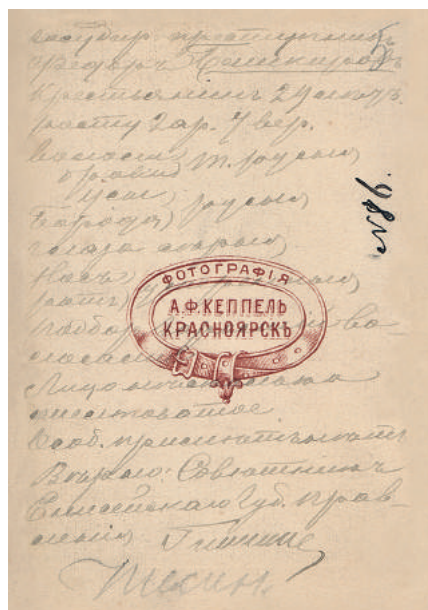
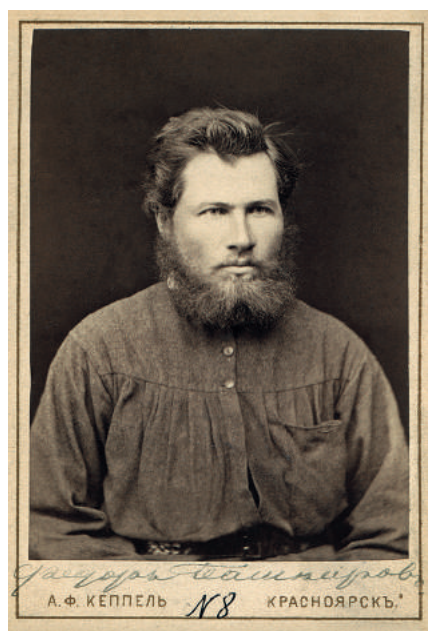

Фото крестьянина Федора Башкирова с указанием его примет как образец снимка государственного преступника, выполненного в ателье Кеппеля

ственных преступников, раз снятые, впоследствии по заказу их же и согласно разрешения местного начальства выдавались во многих экземплярах не только заказчикам, но иногда и другим лицам...

...Обстоятельства эти считаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства и просить надлежащих распоряжений о предварении фотографов, что подобная раздача картожек государственных преступников, ссылаемых в каторжные работы, не может быть дозволяема».

Провинившиеся фотографы, не прошло и недели, поспешили дать расписку в том, что более не будут продавать на сторону фотокарточки государственных преступников:

«Мы, нижеподписавшиеся, владельцы фотографических заведений, находящихся в городе Красноярске, дали сию подписку в том, что Енисейским Губернским Правлением от 30 декабря 1882 за № 384 о недозволении производить продажи фотографических... картожек, снятых с государственных преступников, нам объявленном, обязуемся продажу таковых не производить. В тем и подписались

фотограф Кеппель
фотограф А. Нитрама».

Но в данном случае нас более интересует упоминание в донесении губернатору фамилии Аксельрода. И вот что получается: у Г.Х. Кеппеля служил помощником — не более того — Михаил Борисович (как он сам себя называл) Аксельрод, потом перешел в фотографию А.Е. Нитрама. О Регине же Осиповне тут и речи нет. В донесении майора Кузмина М.Б. Аксельрод упоминается, кажется, вообще впервые.

Собственное ателье М.Б. Аксельрода, зарегистрированное первоначально на имя супруги Регины Осиповны, а затем и на его собственное в 1884 году (к этому времени, возможно, вышел срок его ссылки), начинало приобретать известность где-то с середины 1880-х годов.

Любопытный артефакт этих лет: фото самого Аксельрода в формате визитки с его автографом на обороте: «В знак памяти от фотографа Мих. Бор. Аксельрода». Можно предположить, что Аксельрод дарил свои фото-визитки клиентам — как ныне их раздают таксисты, всяческие салоны, да мало ли кто в качестве рекламы. А к концу столетия Михаил Борисович становится самым, наверное, успешным и продуктивным красноярским фотографом.

К этому времени и он, видимо, получает контракт на фотографирование ссыльных. Обнаруживается любопытный факт: М.Б. Аксельрод был родственником, наверное братом, Пинхуса (Петра) Боруховича (Борисовича) Аксельрода (1859–1928), известного социал-демократа, вначале народника, затем марксиста — соратника Ленина, а потом меньшевика и даже противника советской власти, окончившего жизнь в эмиграции в Берлине.

О родственной связи этих двух Аксельродов пишет Григорий Хаит в книге «Поиск продолжается». Источник его информации — мемуары революционера М. А. Сильвина. Вместе с партией политических ссыльных в мае 1898 года Сильвина снимали для полицейской карточки в фотоателье Аксельрода, где он и узнал об этом родстве. В представлении Б. Яковлева, автора документального очерка «Ленин в Красноярске», сцена в фотоателье выглядела так:

«Михаил Сильвин спросил как-то фотографа:

— Не родственник ли вы известного эмигранта?

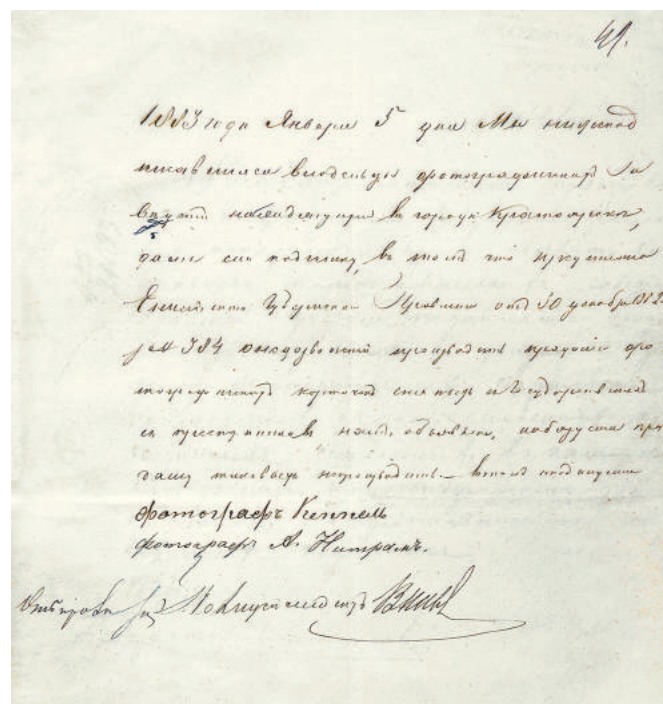
Крайне удивив собеседника, смущенный старик ответил полушепотом, на неважном французском языке:

— Фрер...

— Как, вы брат Павла Борисовича? — изумился в свою очередь Сильвин. — Как же вы оказались в Сибири?

— Сослан по уголовному делу, — слышалось смущенное признание».

Вот как бывает: один брат — профессиональный революционер, борец за народное счастье, другой осужден как уголовный преступник, сослан в Сибирь. Может быть, П. Б. Аксельрод в своих воспоминаниях «Пережитое и передуманное» (изданы З. И. Гржебиным в Берлине в 1923 г.) что-то сообщает о брате? Нет, всего-то и сказано: в бедной еврейской семье Аксельродов в Могилевской губернии Пинхус (Петр) был старшим сыном, и было у него два брата и сестра. Ни имен, ни иных подробностей...

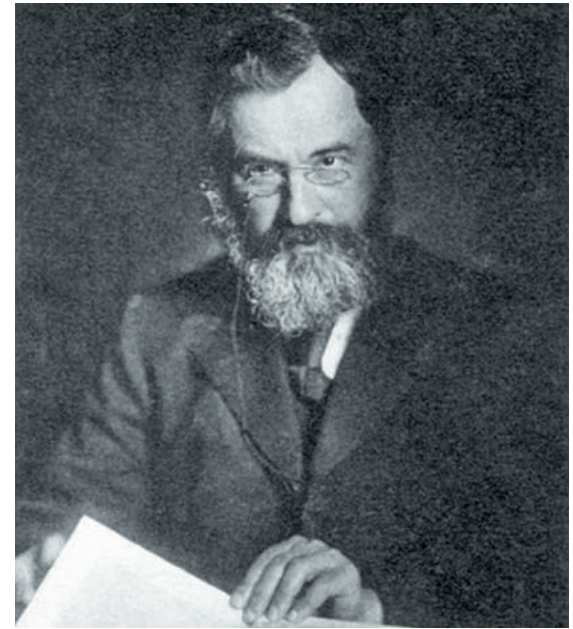
5 января 1883 г. фотографы Кеппель и Нитрам дали обязательство не производить продажу снимков государственных преступников

Жаль, нет сведений и о том, по какой статье, за какое преступление М. Б. Аксельрод оказался в Енисейской губернии. Но, какая бы это статья ни была, в Красноярске Аксельрод получил широкую известность в качестве профессионального фотографа, владельца фотоателье, через которое прошли тысячи красноярцев.

Хорошо известно впечатляющее издание М. Б. Аксельрода — альбом «Великий путь», состоящий из 124 видов Обь-Енисейского участка Сибирской железной дороги. Снимки для альбома выполнял И. Р. Томашкевич, штатный фотограф управления Средне-Сибирской железной дороги. Фотографии в альбоме большого формата; они сопровождаются пояснительным текстом. Замечательна обложка альбома — красочная, тисненая, с таежными дебрями, разбуженным в берлоге рычащим медведем и паровозом, мчащимся через эти дебри, — образ заснеженной спящей Сибири, в которую врывается XX век... Обложка выполнена по эскизу знаменитого художника той поры Николая Каразина. М. Б. Аксельрод выступил издателем альбома; отпечатан он был в 1899 году в Вене. Впоследствии фотографии из альбома не раз издавались в виде почтовых карточек, бесчисленно воспроизводились в самых разных изданиях.

С развитием фотографического дела фотоаппаратами стали обзаводиться многие состоятельные красноярцы. Так, например, город и окрестности часто снимал нотариус Николай Ставровский. Некоторые свои фотографии он помечал в нижних углах инициалами «Н. С.» и датой. Окрестности, Столбы, дачную жизнь фотографировал Роман Брагин, инспектор землемерного училища. В конце XIX — начале XX вв. человек с фотоаппаратом даже в провинции уже не был в диковинку.

С началом массового выпуска видовых почтовых карточек фотографии Красноярска и окрестностей целыми сериями печатали столичные издатели Д. П. Ефимов и А. С. Суворин, фототипия Шерера, Набгольда и К°. В Красноярске их выпускали А. Ф. Комаров, Ю. М. Кохановский, Б. С. Нови, М. И. Григоровская, братья Н. А. и М. А. Шапиро, Л. Ю. Вонаго. На почтовых карточках помещались общие виды города, улицы и отдельные здания, различные события, окрестности и даже отдаленные, глухие местности, куда с громоздким фотоаппаратом добираться было очень непросто.

Известный политик Павел Борисович Аксельрод (верхнее фото) и ссыльный по уголовной статье красноярский фотограф Михаил Борисович Аксельрод (нижнее фото) — родные братья?

Хорошо известен минусинский фотограф и издатель Н. В. Федоров, выпустивший более ста почтовых карточек с видами родного города, озера Шира, Енисея. В Канске видовые почтовые карточки издавал А. Г. Васильев, в Ачинске — П. Н. Дмитриев, Н. Г. Шадрин.

Обычно на карточках не указывалось имя фотографа. Но бывали и исключения — в серии почтовых карточек с видами Красноярска и окрестностей, выпущенной братьями М. А. и Н. А. Шапиро, на обороте каждой карточки указаны их фамилия, инициалы с пометкой «Снято лично» (можно уточнить, что «лично» снимал один из братьев — Моисей Шапиро, Наум был его компаньоном по издательской деятельности). Собственные фотографии печатали на открытках Ю. М. Кохановский и А. Ю. Вонаго, служивший лесным кондуктором — помощником лесничего. По долгу службы Вонаго разъезжал по губернии, и с собою у него всегда был фотографический аппарат. В его объектив попадали то «старая лесосека в мало-кемчугской даче», то «рыболовная избушка на речке Четь», другие глухие таежные места — их можно увидеть на выпущенных Вонаго почтовых карточках. В основном же красноярские издатели помещали на своих почтовых карточках снимки, выполненные фотографами, чьи имена установить очень сложно.

...Такова вкратце фотографическая история Красноярска до начала XX столетия. В полном объеме эту увлекательную историю с упоминанием имен всех ее непосредственных участников, рассказом о каждом из них еще предстоит написать. Здесь же она затронута вскользь для того лишь, чтобы приблизиться к ответу на интригующий вопрос: кто же он, автор фотопанорамы города Красноярска 1863 года?

Обложка фотоальбома «Великий путь», изданного М. Б. Аксельродом

Реклама фотоальбома «Великий путь»

КТО АВТОР ФОТО- ПАНОРАМЫ?

По ряду признаков – размерам, качеству паспарту, стилю исполнения отпечатков и другим, легко предположить, что все они – произведения одного автора. Более того, для нас сомнений в том, что автором указанных фотографий является профессиональный фотограф Август Карлович Гофман, давно уже нет.

Сергей Медведев.

Август Гофман и его завещание Иркутску.

«Земля Иркутская», 2004, №1.

Начнем с того, что этот человек в своем распоряжении должен был иметь дорогую, достаточно сложную в обращении аппаратуру, иметь и опыт обращения с ней, пройти необходимую выучку.

Можно ли выбрать из всех упомянутых в предыдущей главе фотографов кандидата в таковые? Нет, конечно. И прежде всего по несовпадению по времени. Все красноярские фотографии начинали свою деятельность в городе несколько позже, иногда и значительно. Но вот разве предположить, что Г.Х. Кеппель еще за несколько лет до того, как получить в 1865 году разрешение на регистрацию своего фотоателье, открыть его на Воскресенской улице, в доме чиновника Вавилова, начинал в городе свои фотографические съемки. Тоже вряд ли. Ведь Кеппель, открывая фотоателье, прежде всего рассчитывал на успешный бизнес по изготовлению фотопортретов горожан. Притом что с собой он должен был привезти в Красноярск специальный фотоаппарат, позволяющий изготовить масштабную панораму. Нет, не годится Кеппель по всем обстоятельствам в авторы фотопанорамы Красноярска 1863 года.

Зададимся вопросом: а кто вообще занимался фотографией в 1850–1860-е годы в Восточной Сибири, в соседних с Красноярском сибирских городах? И тут в первую очередь возникает имя А.К. Гофмана, иркутского фотографа.

Разрешение на открытие в Иркутске своего фотоателье «курляндский уроженец» Август Карлович Гофман получил в 1858 году. Что ж, в это время Иркутск считался культурным центром Сибири, являлся купеческим городом с населением раза в три больше, чем в Красноярске, был столицей Восточно-Сибирского губернаторства. Где же еще, как не в Иркутске, открывать фотоателье?

Август Карлович Гофман с перерывами проработал в Иркутске до 1906 года. Фотографировал горожан разных слоев, чинов и достатка, снимал поляков, оказавшихся в ссылке в Иркутской губернии после мятежа 1863 года, и т. д. Но, как пишет иркутский исследователь С.И. Медведев, «в отличие от других иркутских фотографов Гофману было тесно в привычных рамках мастерской. Его тянуло, как выражаются художники, на пленэр». Так, на публичной выставке, проходившей в Иркутске в октябре 1868 года,

помимо портретов Гофман выставил две панорамы Иркутска, виды озера Байкал, другие видовые фото.

На выставке в следующем, 1869-м году Гофман представил, как сообщала газета «Иркутские губернские ведомости», «разнообразнейшую коллекцию видов Восточной Сибири, большую фотографическую группу в четыре лица в половину натурального роста, два портрета (один раскрашенный) натуральной величины, тройку лошадей, одну группу в 58 человек, снимки с паразитов, увеличенных в микроскоп, и карту. Все эти работы совершены с известным г. Гофману искусством, благодаря превосходным фотографическим аппаратам, которые он имеет, но лучшими, безукоризненными по исполнению остались виды». В редких фондах научных библиотек, фотографических собраниях Иркутска и Санкт-Петербурга С. И. Медведевым было выявлено более пятидесяти фотографий допожарного, т. е. до 1879 года, Иркутска, выполненных А. К. Гофманом.

Что интересно в биографии А. К. Гофмана — по каким-то неведомым причинам он несколько раз уезжал из Иркутска. И возвращался вновь, каждый раз вынужденно испрашивая разрешение в городской Думе на открытие своего фотоателье.

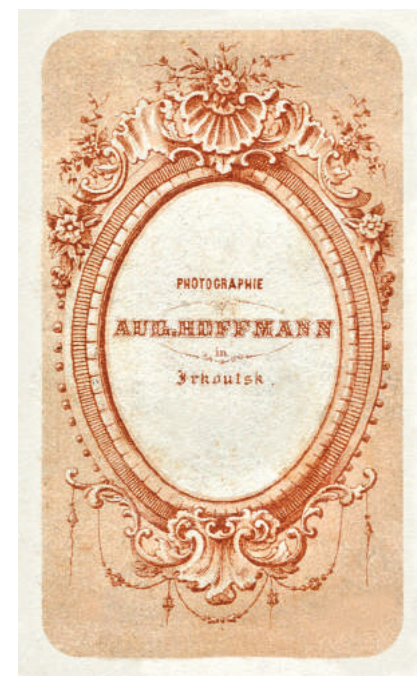
В первый раз — и тут причина как раз известна — он уехал из Иркутска в начале 1860-х годов, скопив «необходимое количество денег для поездки в Европу с целью совершенствования в своем фотографическом ремесле», как пишет С. И. Медведев. Вернулся Гофман в Иркутск, вероятно, не позднее осени 1863 года, поскольку известно, что в октябре этого года он предьявлял городской Думе диплом Императорского русского Географического общества, которым был отмечен.

Во второй раз Гофман уезжает из Иркутска в 1878 году, продает свою фотографию купцу Каминеру. Куда уезжает, по какой причине — неведомо.

В 1891 году он возвращается в Иркутск и в третий раз открывает фотоателье.

В последний раз о фотоателье А. К. Гофмана сообщается в «Восточно-Сибирском календаре на 1906 г.» Что было с Гофманом и его заведением после 1906 года, сведений нет. Может быть, он вновь уехал из города, может быть, умер и был похоронен на одном из городских кладбищ. Так или иначе, но в историю Иркутска имя А. К. Гофмана вписано прочно и навсегда благодаря его фотографическому наследию.

Нас же должно интересовать, мог ли А. К. Гофман быть автором фотопанорамы Красноярска 1863 года. Известно, что первые фотопанорамы Ир-

Фирменные бланки фотоателье А. К. Гофмана в Иркутске

кутска он выполнил в 1865 и 1866 годах. Съемка фотопанорам — занятие непростое, как уже было сказано, требующее и умения, и опыта, и необходимой аппаратуры. Всем этим Гофман обладал. Так, в газетной информации о выставке 1869 года говорится, что Гофман представлял помимо своих снимков «Дальмейеровский фотографический аппарат, до сих пор лучший в Европе снаряд этого рода». Одна из панорам Гофмана — общий вид города из предместья Глазково — состояла из двух соединенных между собой частей размером 100х23,5 см, что, кстати, близко размеру красноярской фотопанорамы. Вот если бы найти какие-то сведения, указывающие на связь Гофмана с Красноярском...

И вот что удивительно — такие сведения есть!

В газете «Иркутские губернские ведомости», в номере от 17 ноября 1862 года (повторено в номерах от 24 ноября и 1 декабря), в отделе объявлений Август Гофман, фотограф, сообщает (информация любезно предоставлена С. И. Медведевым):

«Возвратившись из-за границы, где я в лучших фотографических заведениях упражнялся в фотографическом искусстве, долгом считаю известить, что в непродолжительном времени я приеду в Иркутск и <...> открою опять свое фотографическое заведение <...>. 1 ноября. г. Красноярск».

Получается, что после заграницы Гофман останавливался на какое-то время в Красноярске. И вполне возможно, что здесь он задержался до середины следующего, 1863-го года, а в один из его летних дней поднялся со своей фотоаппаратурой на Караульную гору, заснял панораму города, применив на практике знания, полученные за границей. Пребывая в Красноярске, он не мог не оценить, какие преимущества для съемки панорамы города дает возвышающаяся над ним Караульная гора. Так почему бы не воспользоваться ими?

О связях Гофмана с Красноярском говорит и такой факт. В дневнике красноярского протоиерея В. Д. Касьянова в записи от 11 октября 1872 года отмечено: «Видал бывших за границей фотографов Кеппеля и Гофмана». Запись относится ко времени краткого пребывания В. Д. Касьянова в Иркутске; из нее следует, что оба фо-

Панорама, снятая А. К. Гофманом от Кругобайкальского тракта, охватывает город Иркутск, расположенный на правом берегу Ангары, от Чудотворской, Троицкой, Харлампиевской, Крестовоздвиженской церквей до дома генерал-губернатора Восточной Сибири

тографа были знакомы не только между собой, но и с красноярским священником.

Кстати, связи красноряца Кеппеля и иркутянина Гофмана, двух соплеменников, первопроездов фотографического дела на берегах Енисея и Ангары, могли быть значительно более тесными, нежели обычное знакомство, перерасти в какое-то сотрудничество.

Наконец, фамилия Гофман встретилась в книге красноярского краеведа О.П. Аржаных «Что в имени тебе моем...»

В ней на странице 367 упоминается «имение дочери курляндского уроженца девицы Марии Августовны Гофман», проданное в 1881 году купцу Полякову. Имение располагалось в Красноярске на Воскресенской улице (ныне пр. Мира, 51). Очень похоже, что отцом девицы был именно «наш» Гофман — фотограф Август Карлович Гофман, уроженец прибалтийской Курляндской губернии, с конца XVIII века входившей в состав Российской империи.

Можно добавить, что дата — 1881 год, скорее всего, здесь не случайна. Имение (подразумевается, конечно, городская усадьба) девицы Марии Гофман с домом и постройками, вероятно, сгорело в пожаре в апреле 1881-го. И Поляков купил уже само место и впоследствии выстроил на нем новый двухэтажный каменный дом, который и ныне здесь располагается (с надстроенным в 2000-е годы третьим этажом).

Еще одно любопытное совпадение, не имеющее, впрочем, непосредственного отношения к нашей фотографической теме. В XIX веке был такой довольно известный ученый, геолог и географ Эрнест Карлович Гофман (1801–1871), тоже из прибалтийских немцев. Он много путешествовал по свету, в разные годы занимался геологическими исследованиями на Урале, а в 1843 году исследовал золотоносные россыпи в Восточной Сибири, заезжал и в Красноярск. Не мог ли он быть одним из родственников фотографа Августа Карловича Гофмана, может быть, его старшим братом?

К сожалению, в биографии А.К. Гофмана очень много пробелов. И стопроцентной уверенности в том, что именно он был автором панорамы Красноярска 1863 года, конечно, нет. Но очень многое говорит в пользу его авторства.

Подлинник фотопанорамы был найден почти ровно через 150 лет после того, как она была сделана.

Где, у кого он хранился и вначале, и в последующие годы, десятилетия? Может быть, панорама была выполнена по заказу Сибирского отдела Императорского географического общества, с которым А.К. Гофман сотрудничал в 1860-е годы? И тогда в архивах общества, если они сохранились, могут быть обнаружены какие-то сведения на этот счет...

ФОТОГРАФИ- ЧЕСКИЕ ВИДЫ СИБИРСКИХ МЕСТНОСТЕЙ

К. А. Риккер в течение 34 лет стоял во главе первого русского издательства, специализировавшегося на выпуске медицинской и технической литературы и сыгравшего значительную роль в культурной и научной жизни России.

*Памятные книжные даты. 1983.
Москва: Книга, 1983.*

Неужели же фотопанорама Красноярска за много лет никогда и нигде не «засветилась», не была представлена на тех или иных выставках, не отмечалась в каких-либо изданиях и т. д.? Не была, наконец, напечатана? На этот счет в краеведческой красноярской литературе ответа найти не удалось.

И вот когда работа над подготовкой данного издания близилась к завершению, открылись новые сведения касательно красноярской фотопанорамы, да и не только ее.

...Во второй половине 1850-х гг. в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге был основан фотографический фонд, куда отовсюду доставлялись фотодокументы по этнографии, портреты, видовые, хроникальные и проч. снимки. В создании фотографического фонда принимал участие Вл. В. Стасов, в последующем известный русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, общественный деятель.

В 1885 году он издал каталог «Фотографические и фототипические коллекции Императорской публичной библиотеки», в котором описал основные коллекции фонда. Этот каталог есть и в Красноярской краевой научной библиотеке (он хранится в составе Юдинской коллекции книг). Обратимся к нему.

Приступая к описанию фотографического фонда Императорской библиотеки, Стасов сообщает:

«...Что касается дальних местностей Империи, по ту сторону Уральских гор, то в библиотеке находится также значительное количество фотографий, их воспроизводящих.

Самое видное место между ними занимает монументальное, можно сказать, издание под заглавием: «The countries of the Amour, East and West Siberia and the Oural». Оно выпущено в свет в Петербурге в 1870 году книгопродавцем Риккером, и состоит из 5-ти томов, заключающих в себе 371 фотографию, с русскими и английскими подписями, в большом листе. Фотографии были сняты на месте бароном Брэном и должны были, по первоначальному плану быть изданы петербургским фотографом Бауманом, но по недостатку средств у него, перешли в собственность книгопродавца Риккера. Английский текст прибавлен в издании в том соображении, что оно может найти особенное распространение в Англии. В настоящее время все издание распродано. За наш экземпляр было заплачено 500 рублей. В I-м

томе помещается Амур, во II-м и III-м томах — Восточная Сибирь, в IV-м — Западная Сибирь, в V-м — Урал. В числе этих видов есть огромное количество таких, которые представляют сибирские местности, полные поразительных красот: горы и реки, долины и ущелья, леса и поля, заключают здесь, в своих разнообразных сопоставлениях, неисчерпаемое богатство картин, можно сказать почти вовсе незнакомых не только Европе, но и самим русским. Другие фотографии представляют крайнюю противоположность предшествующим: они представляют виды русских городов и деревень по Амуру и в Восточной и Западной Сибири, лишенных всякой красоты и построенных в совершенно заурядном виде, но имеющих все-таки значение в том отношении, что дают точное представление о том, какого склада и вида существовали в нашу эпоху села, деревни и города на восточной, азиатской половине России».

Фотографии Енисейской губернии, а также Иркутской, содержатся во втором томе издания. Под снимками — подписи на двух языках, русском и английском. К сожалению, авторы ни одного из снимков в альбомах не указаны!

Стасов отмечает: «фотографии были сняты на месте бароном Брэном». Что же, фотографии во всех альбомах выполнил барон Брэн? При всем желании невозможно поверить в то, что некоему барону за несколько, вероятно, лет удалось сделать сотни фотографических изображений по всей Азиатской части России от Амура до Урала, начиная от губернских городов и кончая самыми отдаленными таежными ее уголками. И кто этот Брэн? Почему о нем ничего нет в энциклопедиях, в разнообразных описаниях путешествий по России XIX века? О великом Брэме есть, а о бароне Брэне ни слова...

Краткие сведения о нем отыскивались в книге «Годы и друзья старого Николаевска». Ее написал краевед из Николаевска-на-Амуре, директор в 1965–1987 гг. местного краеведческого музея В. И. Юзифов (1931–2005). Он сообщает: «В 1868–1869 годах английский путешественник барон Брэн объехал все азиатские окраины России и в 1870 году выпустил пятитомное монументальное издание, названное «Амур, Восточная и Западная Сибирь и Урал». Первый том этого издания посвящен Амуру, где наряду с авторскими фотографиями значительную часть снимков с видами Амура, Ни-

À propos

В свое каталоге Вл. В. Стасов отмечает и другие выдающиеся фотоальбомы, коллекции фотоснимков. Он пишет:

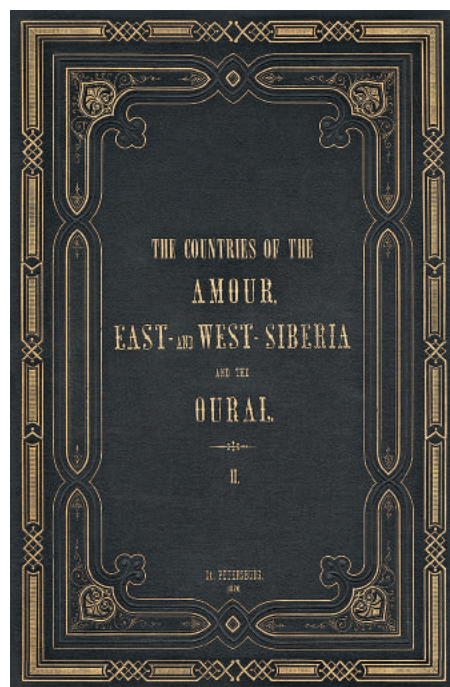
«...собрание амурских видов, принадлежащее Императорской Публичной Библиотеке, приобретено в 1871 году от приезжего с Амура купца Вл. П. Мыльников (сколько нам известно, эти фотографии почти вовсе не получили распространения в Сибири). Коллекция эта, снятая с натуры местным фотографом В. В. Ланиным в 1875–1876 годах, состоит из 154 фотографий, расположенных в трех альбомах».

«Не менее любопытную коллекцию представляет собою Алтайский альбом, — сообщает далее Вл. В. Стасов. — Он состоит из 44 листов, содержащих в себе 53 фотографических снимка, выполненных на Алтае».

В подробностях рассказывает Стасов об «Альбоме костюмов России», хранящемся в отделе «Народные типы и портреты» библиотеки. Он состоит «из 532 фотографий, разного формата (начиная от маленькой кабинетной карточки и кончая большими фотографиями, вершков в 6 вышины). Он был передан в библиотеку в 1878 году бывшим министром внутренних дел Л. С. Маковым. Фотографии, входящие в его состав, выполнены были, по распоряжению министра внутренних дел, во всех местностях России, в то время, когда установлена была общая воинская повинность, и имелось ввиду дать, по возможности, народную форму обмундирования государственному ополчению».

Есть в числе фотографий «Альбома костюмов России» и две фотографии, представляющих Енисейскую губернию. Одна из них изображает «Летний костюм (рубаша поддевка)», другая — «Осенний костюм (однорядка)». Авторы большинства фотографий в «Альбоме», к счастью, указаны: снимки из Енисейской губернии получены от красноярского фотографа А. Е. Нитрама.

После снимков Енисейской губернии в «Альбоме» следуют фотографии, представляющие Иркутскую губернию. Их автор, кстати, — фотограф А. К. Гофман.

Обложка второго тома альбома «The countries of the Amour, East and West Siberia and the Oural» (СПб., 1870). Из этого же тома и все фотографии, размещенные на стр. 28–34.

колаевска, местных народностей и т. п. Брэн использует с негативов Ланина (В. В. Ланин — один из первых дальневосточных фотографов. — В. Ч.). Нам неизвестно, подарил ли ему эти негативы автор или продал, но барон использовал их без всяких сносок и оговорок»!

Получается, барон Брэн путешествовал по востоку России, встречался с местными фотографами, получал от них заинтересовавшие его негативы, а что-то, может быть, и сам фотографировал.

«Причем, — пишет В. И. Юзев, — считая некоторые из фотографий Ланина (да и часть своих) статичными и желая их оживить, Брэн впечатывает изображение лодок, пароходов, телег, пролеток, человеческих фигур. Но так как в большинстве случаев масштаб впечатанных изображений совершенно не совпадал с масштабами ланинских фотографий, то эти снимки теряли документальность, а иногда даже производили комическое впечатление»!

Впрочем, и фамилия барона Брэна в пятитомнике, изданном К. А. Риккером, также нигде не упоминается. Но отдадим должное барону уже за то, что ему удалось собрать, составить единственную в своем роде фотоэнциклопедию Азиатской части России 60-х годов XIX века.

Вид с крыши одного из красноярских домов на Кафедральный собор. В правой стороне — Всехсвятская церковь. Левее от нее — двухэтажный дом, окруженный лесами, постройки купца М. К. Сажина.

Всехсвятская церковь.
На втором плане —
«Красный Яр, от которого
город получил свое название».
При большом увеличении
видно, что часовня на вершине
горы со всех сторон обнесена
основательной оградой.

Неизвестно, каким тиражом К.Л. Риккер отпечатал свое издание. Наверное, очень небольшим. Причем почти весь его тираж ушел за границу, в Англию.

Еще одна существенная подробность: в Российской национальной библиотеке — наследнице Императорской Публичной библиотеки хранятся два комплекта издания «Амур, Восточная и Западная Сибирь и Урал». Одно от другого отличается лишь только тем, что название на обложках в одном случае дается на английском языке, в другом — на русском. Возможно, это единственные комплекты этого редкого издания в стране. Во всяком случае, все, кто о нем писал или как-то упоминал его, ссылались на тома, хранящиеся в РНБ в Санкт-Петербурге.

В статье «Его превосходительство Фотограф» (журнал «Наука из первых рук», 2009, № 2 (26)) ее авторы Н.П. Матханова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, и Е.В. Бархатова, кандидат искусствоведения, зав. отделом РНБ, указывают, что для большой Российской этнографической выставки, состоявшейся в 1867 году в Москве, «много фотографий из Сибири было доставлено в Москву бароном Брандисом». «Вероятно, — пишут далее авторы, — именно его стараниями сделаны и снимки, вошедшие в состав пятитомного «Альбома Амура, Восточной, Западной Сибири и Урала». Еще один барон-фотограф!

Казацкая станица Базаиха на реке Базаихе

Главная улица Красноярска
от Почтамтского переуллка на восток.
В центре — усадьба с двухэтажным
зданием почтовой конторы.

Но каких-либо конкретных данных относительно участия этого барона Брандиса в «Альбоме» К.Л. Риккера авторы статьи, к сожалению, не приводят. Их общий вывод такой: «Это фундаментальное издание еще ждет своего исследования»...

Иркутский раздел из второго тома «Альбома» изучал иркутский краевед, историк фотографии С.И. Медведев. Снимков — восемь Иркутска и пригородов и еще семь видов Кругобайкальского тракта. Медведев пишет (статья «Фотограф Август Гофман и его завещание Иркутску» в журнале «Земля Иркутская», 2004, № 1 (24): «...по ряду признаков — размерам, качеству паспарту, стилю исполнения отпечатков и другим легко предположить, что все они — произведения одного автора. Более того, для нас сомнений в том, что автором указанных фотографий является профессиональный фотограф Август Карлович Гофман, давно уже нет. Что свидетельствует в пользу такого утверждения?» Далее приводятся различные доказательства авторства Гофмана.

Но наш интерес прежде всего — к снимкам, представляющим в том же втором томе Енисейскую губернию. На них, как и на самом пяти томный альбом «Амур, Восточная и Западная Сибирь и Урал», указал нам красноярский исследователь С. К. Черепанов.

Таких фотоснимков — они все пронумерованы — более пятидесяти. В это число входят и панорамные снимки, состоящие из двух – трех, а то и четырех фото. Собственно, панорама из четырех фотографий всего одна: «65–68. Красноярск, главный город Енисейской губернии». Это и есть та самая панорама, оригинал которой был найден в Красноярске!

Панорама, как и все фото в альбомах, отпечатана светлой желто-коричневой краской, как если бы она пожелтела от времени, окружена овальной тонкой рамкой. Среди других фото:

69. *Новый собор.*

70. *Красный Яр, от которого город получил свое название.*

71–72. *Вид главной улицы в Красноярске.*

73. *Другой вид главной улицы в Красноярске.*

74. *Казацкая станция Базаиха на реке Базаиха при впадении ее в Енисей.*

77–79. *Южная часть города Енисейска.*

80–82. *Северная часть города Енисейска.*

83. *Собор в Енисейске.*

84. *Мужской монастырь в Енисейске.*

Ряд фотографий в альбоме изображает прииски: Рязановой и К°, Паткуля, Григорова, Бенардаки и др. Далее следуют такие, например, снимки, относящиеся к северу Енисейской губернии:

106. *Туруханск, самый северный город на реке Енисее.*

107. *Пароходы на стоянке близ Туруханска.*

108. *Церковь в селе Дудинском по Енисею к северу от Туруханска.*

113–114. *Бреховский остров в устье Енисея.*

118. *Место, где найдены были остатки мамонта.*

119. *Последнее человеческое жилище на севере по Енисею.*

Все снимки Красноярска из «Альбома», насколько нам известно, не воспроизводились когда-либо в красноярских изданиях. Все они, как можно заключить, по времени съемки относятся к 1863 или около того году. Так, вокруг Кафедрального собора, так же как и на фотопанораме, еще нет ограды, нет и часовни с восточ-

83. Собор в Енисейске.

83. Cathedral of Yeniseysk.

84. Мужской монастырь в г. Енисейске.

84. The monastery of Yeniseysk.

ной стороны собора — и это определенно указывает на то, что фотосъемка выполнялась ранее 1867 года. Вполне вероятно, выполнял снимки тот же фотограф, что и снимал панораму, т. е. А. К. Гофман. Эти несколько снимков, сделанных на улицах города, замечательно дополняют его панорамный вид. Словно бы фотограф, спустившись с Караульной горы, решил еще и поснимать в самом городе...

Не менее интересны фотографии Енисейска — виды города, еще не испытавшего на себе огненную стихию пожара 1869 года! На панорамных фото (из трех частей) северной и южной частей Енисейска, снятых с высоких точек, можно видеть многочисленные деревянные постройки и дома, которых уже не найти в отстроенном после пожара городе. Остались только на панораме высокие старинные крыши над некоторыми

каменными домами. Дома после пожара восстановлены, но их крыши уже вполне обычные...

В «Альбоме» одни из последних снимков Енисейской губернии относятся к ее отдаленной северной части. В подписях под ними, также как и под всеми прочими снимками в альбоме, отметим еще раз, нет имени фотографа. Но о том, кто это мог быть, можно судить, пожалуй, вполне определенно.

Летом 1866 года в Туруханском крае, в низовьях Енисея побывали сразу две экспедиции. Одну из них, организованную в Иркутске Сибирским отделом РГО, возглавлял И. А. Лопатин, выдающийся исследователь Сибири и Дальнего Востока (красноярец по месту рождения, да и по месту ухода из жизни тоже). Из Москвы в Туруханский край Академия наук командировала магистра (впоследствии академика) Ф. Б. Шмидта. Он отправлялся главным образом для описания остатков мамонта, найденных на реке Гыде; ученого сопровождал препаратор. Участники экспедиции И. А. Лопатина, числом пять человек, съехались из разных мест в Енисейск и уже отсюда отправились на торговых баржах вниз по Енисею. Обе экспедиции встретились в Дудинке и в дальнейшем совместно и порознь исследовали Бреховские острова, вели разнообразные изыскания в низовьях Енисея, в районе Дудинки, у Норильских гор, на месте находки остатков мамонта на реке Гыде

Туруханск. В центре — каменная Преображенская церковь, построенная в 1829 г., и отдельно стоящая деревянная колокольня.

Суда на стоянке у Туруханска

Село Дудинское с берега Енисея. На фото справа — деревянная церковь.

(«Шмидт с П. Лопатиным направились к мамонту, где в течении двух недель производили раскопку мамонта остатков», — отмечено в недавно изданной в Красноярске «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии» А. И. Кытманова) и т. д.

Таким образом, все северные фотографии, включенные в «Альбом», могли быть выполнены во время работы этих двух экспедиций. А был ли в числе их участников фотограф? Да, конечно: Петр Лопатин, младший брат И. А. Лопатина, исполнявший в экспедиции роль фотографа. Он упоминается и в статье Н. П. Матхановой и Е. В. Бархатовой: «Первые снимки в Сибири были сделаны в 1866 г. фотографом П. А. Лопатиным во время Туруханской экспедиции, возглавляемой его братом».

Не исключено, что и фотографии соборов Енисейска, панорамы с колокольни Воскресенского собора тоже выполнил П. А. Лопатин во время недолгого пребывания в этом городе перед началом путешествия на север. В любом случае в число кандидатов в фотографы, снимавших Енисейск до пожара 1869 года, П. А. Лопатин попадает определенно.

Ни одна из фотографий допожарного Енисейска, помимо «Альбома» К. Л. Рикера, нигде не воспроизводилась, не перепечатывалась. Нет их и в большом фотоальбоме «Енисейск на рубеже веков» (Красноярск, 2015), составленного в основном на основе собраний Красноярского краевого краеведческого и Енисейского краеведческого музеев и приуроченного к предстоящему 400-летию старинного города.

Отчасти восполняет этот пробел публикация в данном издании фотопанорамы, снятой с Воскресенского собора, охватывающей центральную часть, северную окраину Енисейска. Она дает представление о том, каким был этот старинный город на Енисее всего за несколько лет до катастрофического пожара 1869 года, нанесшего ему огромный ущерб.

Часть 2.

ПЕШКОМ
В ИСТОРИЮ

Из отрывного календаря на 1863 год

В России правит царь Александр II. Еще и не Освободитель — так его станут называть после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., избавившей славян на Балканах от ига Османской империи. Русская Америка еще не продана. Ее уступят Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867-м за 7,2 миллиона долларов.

Енисейская губерния входит в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, которым управляет генерал-лейтенант М. С. Корсаков; его резиденция находится в Иркутске. Енисейскую губернию возглавляет генерал-губернатор П. Н. Замятнин. Городской голова Красноярска — купец первой гильдии, золото-промышленник, домовладелец П. И. Кузнецов.

По переписи населения число жителей Красноярска в 1863 году — 9997 человек обоего пола. Городские ремесленники занимались всем понемногу, статистики насчитали 32 вида ремесленных профессий — кузнецы, печники, плотники, стекольщики, медники, сапожники и проч. В Енисейске построен пароход «Енисей». Но до Красноярска ему не давали подняться грозные Казачинские пороги, пароход ходил в низовья Енисея.

В 1863 году в Красноярске открылись первый общественный банк, а также первое начальное училище.

Красноярск становится крупным пересыльным пунктом, через который осужденные в ссылку и каторгу направлялись далее — на север, восток, на юг Восточной Сибири, в Забайкалье. После восстания 1863 года в Польше через город прошло более 44 тысяч польских повстанцев. На лицах особо злостных преступников еще выжигали клеймо «ВОР» (отменяют в 1864 году).

Узник Алексеевского равелина в Санкт-Петербурге Николай Чернышевский в 1863 году заканчивает роман «Что делать?». Вскоре и он окажется в Красноярске, следуя в якутскую ссылку. Писатель народнического толка Л. Ф. Пантелеев, оказавшись в Красноярске в ссылке несколько позже, в 1866 году, заметил: «Не было и следа того, что называется местной интеллигенцией; таковая в Енисейском крае стала сказываться лишь в половине 80-х гг.»

В 1863 году единственная красноярская газета — еженедельные «Енисейские губернские ведомости». Вышла «Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год». Ее редактировал

С. С. Шашков, публицист, этнограф, житель на то время Красноярск.

А под Томском в 1863 году на заимке купца Хромова доживает свой век таинственный старец Федор Кузьмич, которого народная молва выдает за императора Александра I. До заимки Хромова старец жил несколько лет в Енисейской губернии, в Боготольской волости, и однажды якобы выразился так: «Стоит мне только гаркнуть слово в Петербурге, то весь Красноярск содрогнется от того, что будет!»

С 1 января по всей Восточно-Сибирской губернии была введена вольная продажа вина. Сообщалось: «Дешевая водка неумеренным употреблением ее вызвала много несчастных случаев, особенно во время святок».

Купцу-библиофилу Г. В. Юдину, прославившему Красноярск едва ли не во всемирном масштабе своей библиотекой, в 1863 году 23 года, и он лишь начинает заниматься коммерцией.

В Калуге в возрасте семидесяти лет умер Гавриил Батеньков, декабрист, писатель, по проекту которого в Красноярске построено здание Общественного собрания.

В 1863 году в Красноярске начала действовать телеграфная станция: «Телеграммы для отправления принимаются на станции во все часы дня и ночи, на русском, французском и немецком языках по Высочайше утвержденному тарифу».

В Енисейской губернии в 1863 году на более чем двухстах приисках было добыто 713 пудов золота. В целом добыча шла на спад — еще лет двадцать назад только отдельные прииски давали в год до 900 пудов...

...Таким был год от Рождества Христова 1863-й, от основания Красноярска 235-й, от образования Енисейской губернии 41-й.

Город с Караульной горы

...Часовня была выстроена (как идет предание) вместе с началом города Красноярска на самой возвышенности горы за речкою Качею и впоследствии возобновляема, вероятно, в память того, что когда был до города острог казацкий, на этой вершине горы был постоянный караул в предосторожность от нападения кочующих по речке Каче татарских орд (впоследствии казаками отогнанных и поселившихся по реке Абакану Минусинского округа под именем качинцев); ныне состоит лишь из четырех столбов, покрытых крышею с железным на оном крестом и деревянным помостом.

*Из «Репорта священника Иноземцева
Красноярскому духовному правлению».
Май 1852 г.*

Сто пятьдесят с лишним лет в масштабах всемирной истории — вроде бы и не столь уж поражающий воображение срок. А если это последние полтора века, то в разной мере они прожиты каждым из нас. У кого-то за плечами четверть этих полутора столетий, а у кого-то — не меньше половины. Так что умозрительное путешествие в прошлое — это странствие в какой-то мере по уже знакомому, пройденному пути...

Зато путешествие в будущее — фантастика в чистом виде. Каким будет город через десяток лет, еще вообразить можно. А каким он станет через сто пятьдесят лет? Что за панорама откроется с Караульной горы в 2167 году? Потрясение от увиденного — это то, что должен испытать и сегодняшний красноярец, окажись он благодаря чудесной, как говорится, машине времени в 2167-м, и житель Красноярска 1863 года, попав в нашу эпоху.

У путешественника в прошлое все-таки поменьше сильных впечатлений по причине некоторых имеющихся о нем знаний и представлений. Тут весь интерес в том, чтобы увидеть утраченное, то, что не дошло до наших дней, разрушилось, забылось... И фотопанорама полуторавековой давности дает определенную возможность для совершения такого путешествия.

...Итак, один из летних дней 1863 года, Красноярск, Караульная гора. То место на горе, где расположился фотограф, навешивая на город объектив своего фотографического аппарата. Выше по склону за его спиной — часовня. Несколько лет назад ее отстроил из камня Петр Иванович Кузнецов, городской голова, богач-золотопромышленник, меценат, благотворитель.

Но в городе еще хорошо помнят часовенку деревянную, издали больше напоминавшую беседку. По описанию она состояла «из четырех столбов, покрытых крышею с железным на оной крестом и деревянным помостом». Часовенка сгорела. Однако это строение оказалось запечатленным на акварели, датируемой 1842 годом. Акварель не раз воспроизводилась в современных изданиях, авторство ее традиционно приписывается «ссылному французу Алиберу».

Окончательно поставить точку в вопросе авторства акварели 1842 года «Вид Красноярска» возможно. Для этого следует изучить материалы, касаемые акварели, ее происхождения, в Отделе изо-

Акварель 1842 г. «Вид Красноярска»,
авторство которой приписывается
«ссылному французцу Алиберу»

бразительного искусства ГИМ. Поближе ознакомиться с коллекциями, которые собирал в Сибири Иван Петрович Алибер. Вдруг в них обнаружатся и другие сибирские изобразительные материалы, а также документы, связанные с пребыванием в нашем городе предприимчивого француза. Но для этого нужно всего лишь отправиться во французский город Риома, в местный музей...

Под Караульной горой, называемой также Часовенной, — весь город Красноярск со всеми его ближними и дальними пределами, всем своим десяти тысячным населением.

«Город под ногами как на блюде; широкий Енисей холстом окружает город, за ним разнообразные горы, вдали на восток, как черная туча, виднеются тоже горы... Они черные, следовательно покрыты лесом... Теперь я вижу, что Красноярск на прекраснейшем месте...», — записал свои впечатления от увиденного преосвященный Никодим.

Никодим — житель города недавний, в 1861 году он назначен первым епископом Енисейским и Красноярским. Магистр богословия, за плечами которого ректорство в нескольких россий-

À propos

Но, как ни ищи, никаких сведений о ссылке (за какое преступление?) французцу Алибере не найдешь. Зато хорошо известен Жан-Поль Алибер (1820–1905), промышленник, коммерсант. В 1840–1850-е годы, будучи совсем молодым человеком, он занимался предпринимательством в Сибири.

В Иркутске и Красноярске Иван Петрович Алибер, как его здесь именовали, торговал галантерейными товарами. В воспоминаниях красноярского старожилы И. Ф. Парфентьева есть запись: «В 1844 г. я сшил себе модное летнее пальто-сак по примеру жившего здесь француза — Алибера». И как-то очень сомнительно, чтобы в одно и то же время в Красноярске проживали два француза, один ссылный, другой предприниматель, и оба — Алиберы!

Реальный Алибер Иван Петрович известен открытием в Восточных Саянах, в верховьях реки Урик, богатого месторождения графита. Он запустил первый в Сибири графитовый рудник, снаб-

жал высококачественным графитом Европу. (См. о нем статью в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири». Новосибирск, 2012. Том 1.)

Алибера на все хватало. В Иркутск он завез из Европы новейшее изобретение — дагерротип. Освоив дагерротипию, снимал на фотопластины горы и долины Восточных Саян, виды своего графитового рудника. Из Сибири Алибер навсегда уехал в 1859 году, оставив о себе добрую память.

Акварель, приписываемая Алиберу (который «ссылный француз»), хранится в Москве в Государственном Историческом музее.

«Акварель — название на французском языке — наклеена на картонный альбомный лист и имеет владельческий типографский знак «Алибер», сообщает Г. Ф. Быконя, красноярский историк, доктор исторических наук.

Но, скорее всего, типографский оттиск «Алибер» поставлен именно Иваном Петровичем Алибером и поставлен как владельческий, а не авторский. Известно, что в Сибири он собирал различные коллекции, большую часть которых вывез во Францию. Ныне они хранятся в музее Риома, города, где Алибер в последние годы жил и умер. Да и потом — как-то привычнее, естественнее художнику подписывать свои работы от руки, ставить автограф, нежели заказывать специальный штампель для утверждения своего авторства. А вот для коллекционера метить предметы из личного собрания штампом со своим именем — обычное дело. Вспомним хотя бы книжный знак экслибрис.

Тогда вопрос: автор акварели — кто же он? Из красноярцев, живших в городе в 1840-е гг., им мог быть, например, И. М. Хозяинов (1774–1856), дальний родственник В. И. Сурикова, художник-иконописец, не чуждавшийся и светской живописи. Возможно, ему же принадлежит и еще один «Вид Красноярска», акварель 1841 года, также изображающая город с Караульной горы, но с другой точки. Ныне она приписывается неизвестному художнику середины XIX века (хранится в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге)...

ских семинариях, прочие высокие церковные посты. Никодим — автор нескольких брошюр на церковные темы и обстоятельного дневника, который вел в Красноярске и к которому еще не раз придется обратиться. Человек любознательный, в один из ясных летних дней он совершил путешествие на Караульную гору, и вид, открывающийся с горы, чрезвычайно его восхитил.

...Узнаваемая для красноярцев любых времен линия гор на правом берегу Енисея — от Каратага (Черной горы) на востоке до торчащего гнилым зубом Такмака. Пустынный берег. Все правобережное население в обозримом пространстве сосредоточено всего в двух селениях — Базаиха и Торгашино. Основаны они давно, еще во времена царя Алексея Михайловича. В марте 1862 года Торгашино постигла большая беда — оно сгорело почти полностью: из сотни с лишним дворов уцелело меньше двух десятков. Погибли и люди, и скот.

Енисейские острова тоже пустынные, и только по их берегам кучерявятся заросли тальника. Как, должно быть, безжалостно дерут их ледяные торосы во время весеннего ледохода! А что представляли из себя острова еще раньше, в пору, когда острог Красный Яр лишь начинал строиться? Наверняка лишь речные отмели, заливаемые водой в половодье. А может, и отмелей никаких еще не было.

Под Караульной горой — долина Качи во всех подробностях. Протоки, отмели, старицы и болотца. Запруды и мельницы, мостки, усадьбы и немалые огороды. Возможно, есть какая-то агротехническая выгода в том, чтобы устраивать огороды в пойме реки, где все лето сохраняется избыток влаги. В отдаленные же геологические эпохи Кача текла, конечно, настоящей полноводной рекой во всю ширину этой долины.

Следует сказать и об одной странности фотопанорамы Красноярска 1863 года: она совершенно безлюдна! Фотограф находился на значительном расстоянии от города, но все равно где-то на улицах, площадях, у домов, у моста через Качу, в усадьбах под горой должны быть видны фигурки людей, да и повозки тоже. Но даже под лупой их невозможно найти. Город будто вымер...

Объяснение такой странности находим у Бориса Акунина в его сборнике исторических миниатюр «Любовь к истории». Вот что он пишет (миниатюра «Фото как хокку»):

«Недавно мне подарили календарь с фотографиями Москвы времен «Азазеля» (действие в романе происходит в 1876 году. — В. Ч.). Чем-то они меня разбедрили. Была в них какая-то нехорошая, пугающая тайна. Я долго не мог понять, что меня так растревожило.

А потом сообразил — и ахнул.

На улицах не было людей! Город остался, а населяющие его жители...

Потом, конечно, я понял, в чем дело. Видержка на тогдашних несовершенных камерах была очень длинной. Прохожие и движущиеся экипажи просто не успевали запечатлеться в кадре...»

Тем более не могли уловить и запечатлеть движения фотокамеры 1860-х годов.

Главная сибирская дорога — Московский тракт — в Красноярск заходила с юго-западной части города (эта городская окраина панорамой не захвачена). Другой тракт — Енисейский, — спустившись с Караульной горы, вступал в город через Покровский мост.

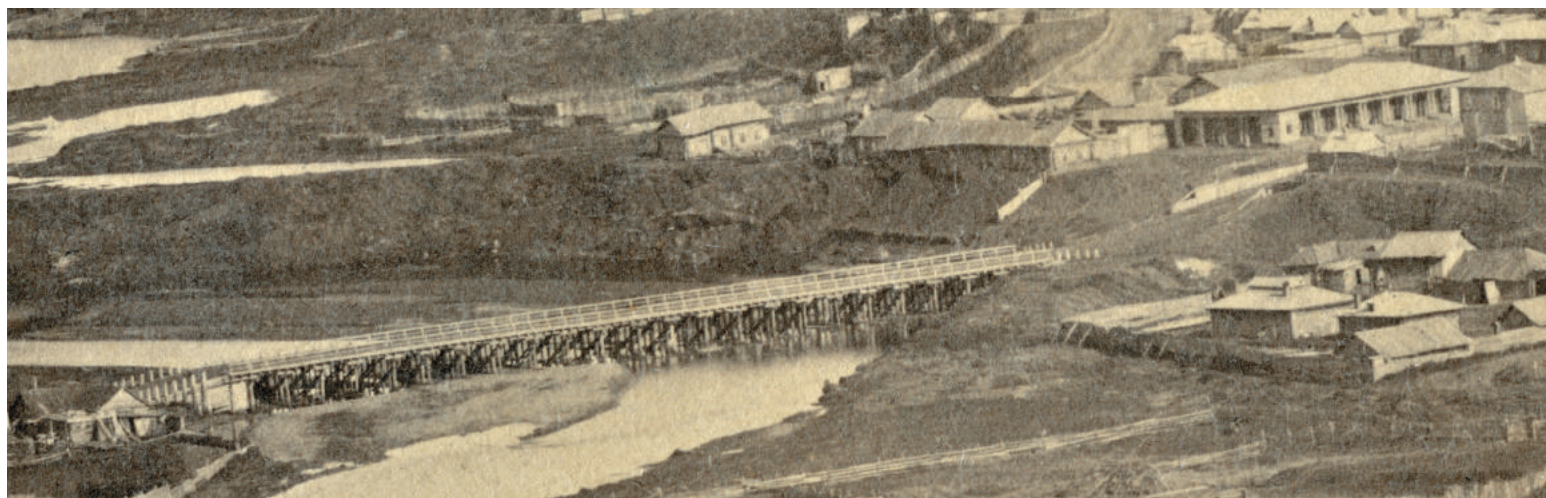
Мост построили в 1843 году в одной версте от устья Качи, и спустя двадцать лет он оставался единственным основательным, доступным для гужевого транспорта мостом через Качу в городской черте. Покровский мост хорошо виден на панораме, и даже все сваи в его основании можно посчитать.

Покровские мост и взвоз — своего рода Покровские ворота Красноярска. Далее — переулочек, опять же Покровский (нынешняя ул. Сурикова), и Покровский собор, уютно расположившийся на углу переулочка и Воскресенской улицы.

Представим: к Покровскому мосту после долгой дороги подъезжает повозка, запряженная парой лошадей, подхлестываемых возницей...

**Подписи к фрагментам
панорамы 1863 г. здесь
и далее даются курсивом**

Покровский мост через Качу

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

...Красноярск показался чуть
не столичным городом, хотя его
немощенные улицы по весне и осени
утопали в непролазной грязи.
А по ночам город погружался
в непроглядный мрак: уличных
фонарей и в помине не было, а про
водопровод и говорить не приходилось.
А дворы!.. Глухие высокие заборы,
за которыми жили большими семьями,
засветло запирая от лихих людей двери
и ставни на болты!

*Наталья Конгаловская.
Дар бесценный. М., 1974.*

Раннее утро. Прогрохотав колесами по мосту, повозка сходу одолела взвоз, приостановилась. Вот и губернский город Красноярск!

Но не увидим мы здесь величественных городских ворот с аркой. И в целом место отнюдь не парадного вида, хотя для города значимое, известное, — с давних пор оно отдано мясным рядам. Для них на высоком берегу, на углу Мало-Качинской и Покровского переулков, построено довольно протяженное одноэтажное здание. Напротив него лошади чуть сбавили ход.

К мясным рядам с утра уже подтягиваются первые покупатели. Почему говядина? Три рубля за пуд! Много или мало это в 1863 году? Смотря с чем сравнивать: вино, тоже важный продукт, — шесть рублей за ведро. Столько же хороший плотник за неделю трудов зарабатывает. Шесть целковых запросят и за овчинный тулуп — одежду для сибирской зимы обыкновенную и необходимую.

Повозка движется дальше. В повозке — мешки, корзины. В них молодая картошка, огурцы, прочие овощи с крестьянского огорода на продажу. В Покровском переулке налево, направо — усадьбы, избы, заборы, редкие двухэтажные дома. Повозка пересекла Больше-Качинскую, миновала Благовещенскую. А вот и главная — Воскресенская улица. Возница, оборотившись налево, троекратно перекрестился на купола Покровского собора. Куда дальше-то — налево, направо?

Направо — к почтовой станции, это две куртины (т. е. два квартала) проехать. Здесь и номера для проживания есть. А после отдыха, получив свежих лошадей согласно подорожной, можно и в дальнейший путь отправляться.

Налево — это в конечном счете к Старобазарной площади. Крестьянину, везущему для продажи в базарный день с Солонцов, Дрокино или какой-нибудь Вознесенки «произведения сельской промышленности», лучше туда. Кто-то скажет, что вот-де на Новобазарной площади новые каменные торговые ряды построены, да и прямо с телег, из крытых ларьков можно торговлю вести. Ну уж нет, знает крестьянин, где лучшие цены, где продажа веселее: в старой части города! Здесь и богатые дома, и усадьбы купеческие, чиновничьи квартиры. Тут товар не залежится, и до полудня все разберут.

Новобазарная, конечно, свое возьмет в будущем, всю главную торговлю города в себе сосредоточит. Но до этого времени еще лет эдак двадцать — тридцать должно пройти. Еще и большой пожар, пронесшийся и над Старобазарной площадью, случится. Но кто ж о том в 1863 году может знать?

Свое пешее путешествие по Красноярску 1863 года начнем, пожалуй, и мы со Старобазарной площади. Для этого, оставаясь человеком из ХХI века, некоторым усилием воображения попытаемся перенестись в изображенный на панораме город, представив себя путешественником во времени. Своего рода путеводителем по его улицам нам послужит фотопанорама. В помощь будут кое-какие имеющиеся знания по истории Красноярска, почерпнутые из разных источников, да даже и собственный опыт жизни в этом городе.

Старобазарная площадь — это на Стрелке (Стрелке — с прописной буквы, как городской топоним), высоком мысу, образованном Енисеем и Качей, где Андрей Дубенской с казаками заложил острог Красный Яр. За два с половиной столетия, прошедших с той поры до нашего 1863 года, ничего не осталось ни от сторожевых и проезжих башен острога, ни от амбаров, изб и прочих строений изначального города. Все стало тленом: разрушилось, сгорело, снесено, сгнило, ушло в землю...

Нарос новый город. Вместо острожных башен и стен — усадьбы за крепкими заборами, бревенчатые, а то и кирпичные дома в два этажа. На месте древнейшей Преображенской церкви поднялся в 1773 году Воскресенский собор.

Раз уж выпал нам редкий случай оказаться на Старобазарной площади, подойдем поближе к собору. Слева от входа, за железной оградой — основательное сооружение из каменных блоков, с коринфской вазой наверху, символизирующей скорбь и печаль. На большой отлитой из чугуна плите, закрепленной на памятнике, надпись: «Лета 1831-го августа 16-го дня воздвигнут иждивением

Здание мясных рядов

Покровская церковь

Воскресенский собор на Стрелке

Воскресенский собор. Фото начала XX в.

Памятник на могиле Н. П. Резанова.
Фото начала XX в.

Российско-Американской компании в ознаменование незабвенных заслуг, оказанных ей Действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, который, возвращаясь из Америки в Россию, скончался в городе Красноярске 1-го марта 1807-го года, а погребен 13-го числа того же месяца».

Две недели Резанова не хоронили — якобы «живописцы снимали с него портреты для отправки в Петербург». И еще: погребен в 1807-м, а основательный памятник поставлен спустя четверть века! Нечасто так бывает. Наверное, кто-то помнил о Николае Петровиче Резанове и его заслугах.

Некоторые историки считают, что этим человеком был А. П. Степанов, первый Енисейский губернатор. Человек просвещенный, он и поднял вопрос о достойном мемориале. Год установки памятника совпал с последним годом нахождения А. П. Степанова на должности начальника Енисейской губернии.

У красноярцев же особого интереса к действительному камергеру, кажется, не было. В городе Резанов никогда не жил, только умер, будучи проездом. Наверное, был большим начальником, коли такой памятник на могиле отгрохали, судачили обыватели и Резанова на всякий случай называли адмиралом. Епископ же Никодим вообще намеревался убрать памятник из соборной ограды. В соборе служба идет, а у памятника бездельники толкуются, службой манкируют, болтают, табак курят...

Чудо случилось в конце XX века. Кто ж теперь Резанова не знает! Назови его имя — и тут же взор затуманится, волнующая музыка зазвучит, строки сами собой поплывут: «Я тебя никогда не увижу, я тебя никогда не забуду...»

Направо от Воскресенского собора, в той части Старобазарной площади, что обращена к Енисею, стоит устроенное по чертежам архитекторов позднего классицизма здание Гостиного двора. Оно и спустя полтора века будет находиться на этом месте. Но вот первое открытие едва начавшегося путешествия: над крышей здания Гостиного двора возвышается довольно высокая башенка!

В описании Гостиного двора, относящемся к 1866 году, сказано: «Сверху сего корпуса сделана деревянная на столбах, обшитая тесом каланча в два этажа, крытая железом». Не башенка это, а пожарная каланча! Известно пожелание, высказанное губернато-

ром П. Н. Замятниным насчет того, чтобы устроить на крыше Гостиного двора пожарную каланчу. Выходит, она и была устроена посреди крыши на специальной кирпичной площадке в некотором противоречии, как нам кажется, с традициями классицизма. А пропала она — сгорела без остатка (даром что пожарная каланча) в пожаре 1881 года. Потому и нет ее на многочисленных изображениях Гостиного двора после 1881 года.

Пожар 1881 года, сжегший полгорода, выделял, по воспоминаниям очевидцев, странные фортели. Огненная стихия вдруг закручивалась таким дьявольским образом, что оставляла нетронутым одно из двух соседствующих зданий. Дойдя до Стрелки, огонь обошел Воскресенский собор, дома и усадьбы вокруг площади. А вот в Гостином дворе основательно потратил второй этаж, где содержался городской архив. Горелые архивные бумаги находили потом за много верст от Красноярска.

Гостиный двор отстроили, а от того места на крыше, где возвышалась деревянная каланча, осталась квадратная кирпичная площадка. Ее накрыли декоративным куполом — он и в XXI веке увенчивает здание, полностью отданное по традиции Госархиву Красноярского края.

От Стрелки исходит, как из рога изобилия, весь город, с каждой верстой расширяясь, рассеиваясь, распространяясь по местности. Это и на фотографической панораме хорошо видно. У собора все густо и плотно, крыша к крыше, а ближе к Новобазарной площади — и усадьбы с пространными огородами, и свободной земли еще много.

От Стрелки, Воскресенского собора происходит Воскресенская улица, главный проспект Красноярска, прямой как стрела, в дальней перспек-

тиве приближающийся к подножию Афонтовой горы. Вот вдоль по Воскресенской и отправимся.

В самом ее начале в одноэтажном каменном здании напротив собора с 1820-х годов располагалась вся красная власть — городская дума и городская управа. В 1863 году должность городского головы уже во второй раз занимал Петр Иванович Кузнецов. Впервые Петр Иванович избирался городским головой десять лет назад. А в будущем он будет выбран в городские начальники еще и в третий раз.

Дальше — усадьба, другая. И вот большой дом, который могла бы украсить не одна памятная доска, сохранился он на века.

В доме в 1791 году содержали Александра Радищева, сосланного в кандалах из Петербурга в Илимский острог вскоре после издания его «Путешествия из Петербурга в Москву», вызвавшего гнев одной из читательниц книги. Правда, читательницей этой была сама Екатерина II. Кандалы с Радищева сняли вроде как еще в Тобольске, и ехал он не один, а в сопровождении то ли стражников, то ли слуг. Как могли государственного преступника, «бунтовщика похуже Пугачева», коим якобы являлся Радищев, поместить в один из самых значимых на то время домов в городе?

С другой стороны, дом принадлежал коменданту подполковнику Брингаузену, и при доме, возможно, имелось некое помещение для временного содержания поднадзорных особ высокого, дворянского происхождения. Да и о снисходительном отношении сибиряков к опальным персонам тоже известно.

Однажды, это было в самом конце февраля 1807 года, когда дом уже принадлежал Г. О. Родюкову, красноярскому капитан-исправнику, у дома

остановилась тройка лошадей, запряженная в сани с крытым верхом. Из саней спешно вынесли на руках человека, одетого в шубу, укрытого поверху еще и дохой. Среди внесенных следом вещей была и шпага. Вскоре в дом прибыл городской лекарь. А через три дня стало известно: путник, простудившийся в дороге, впавший в горячку, умер. Это был камергер Н. П. Резанов, один из организаторов Российско-Американской компании, возвращавшийся из Калифорнии в Петербург...

Впоследствии владельцем дома стал сын Г. О. Родюкова коллежский асессор, председатель губернского правления И. Г. Родюков. Некоторое время в доме жил первый Енисейский губернатор А. П. Степанов — на съемной, как говорится, квартире. Через пару лет он перебрался с семьей в новые апартаменты на Воскресенской же улице, но отдаленнее от Стрелки квартала на два.

Дом Родюковых — он на углу улиц Воскресенской и Базарной. Базарная же начинается от высокого берега Качи, и в самом ее начале над рядовой застройкой несколько возвышается двухэтажное каменное здание. Его видно и на панораме. К нему, кстати, можно подойти и в XXI веке — здание сохранилось (ул. Ленина, 3). В его домовую книгу, если бы таковая велась до наших дней, содержались бы записи почти за два века. Дом изначально принадлежал Ларионовым, крепким купцам-предпринимателям, участвовавшим и в городском самоуправлении. Над этим домом, как и над домом

Дом у Старобазарной площади, на углу улиц Воскресенской и Базарной (в центре, деревянный), когда-то принадлежавший семейству Родюковых. Фото начала XX в.

Александр Радищев, государственный преступник, проследовавший через Красноярск в ссылку в Илимск

Первый Енисейский губернатор
А. П. Степанов

Родюковых, мог бы трепетать флажок Российско-Американской компании: известно, что купцы Ларионовы были держателями акций компании, возможно, и строили свой дом с доходов от этих акций.

Шествовать по Воскресенской, удаляясь от Стрелки, все равно что отдаляться от XVIII века в сторону века XIX.

Идем, осматриваемся, приглядываемся к домам, сравнивая, что было, что стало, припоминая, как это выглядит спустя полтора века.

Направо — двухэтажное каменное здание, в 1863 году в нем разместились главные финансовые учреждения губернии: Казенная палата и Губернское казначейство. Их назначение — собирать налоги, акцизы с продажи вина и водки, заниматься всеми городскими доходами и расходами, ценными бумагами, переводить деньги и принимать вклады и проч. Не хватает здесь еще одного финансового столпа — Красноярского отделения Госбанка. Но оно откроется только через два года, в 1865-м, да и не на Воскресенской, а на Гостинской улице.

В отдаленном будущем двухэтажное здание с учреждениями финансового характера будет снесено, а на его месте построят четырехэтажное, первый этаж которого займут залы современного искусства Художественного музея им. В. И. Сурикова.

Дальше по улице, по левой стороне, через сотню метров — трехэтажный особняк, у которого стоит подзадержаться. В 1863 году он еще оставался в своем изначальном виде, таким, каким его построил купец И. Я. Суханов в конце 1820-х годов.

1820-е годы — в зодчестве эпоха классицизма. Архитекторы Петербурга (а среди них и такие известные зодчие, как В. П. Стасов, В. И. Гесте) разрабатывают образцовые проекты зданий разного назначения. Проекты рассылаются по губерниям для обязательного применения. По одному из таких проектов и построил Суханов в Красноярске на Воскресенской улице здание в три этажа, с двумя двухэтажными флигелями по обе его стороны. Если принять во внимание, что напротив этой усадьбы в те же годы в том же стиле был выстроен двухэтажный дом (пр. Мира, 14), то получался небольшой архитектурный ансамбль эпохи классицизма!

Дом купцов Ларионовых (ул. Ленина, 3).
Фото 2016 г.

Здание, где размещались Казенная палата
и Губернское казначейство. Фото начала XX в.

Здание (пр. Мира, 12), на первом этаже которого
расположены залы Художественного музея
им. В. И. Сурикова. Фото 2016 г.

À propos

Имя М. К. Сидорова не раз будет упоминаться на страницах книги, и есть, вероятно, необходимость познакомиться с ним чуть ближе.

...Все у Сидорова в жизни поначалу удачно складывалось! Приехавши молодым человеком в Красноярск, позанимавшись всякой чепухой вроде домашнего учительства, Сидоров взялся за настоящее дело — подался в тайгу искать золото. И пока бывалые приискатели посмеивались над новичком-старателем, он умудрился и золота лотком намыть, и застолбить за собой новооткрытые золотые россыпи. Вскоре явился в красноярское общество миллионером. Женился на дочери известного купца Латкина. Занялся разработками сибирского графита, каменного угля на севере Енисейской губернии, пытался организовать его поставки в Европу по Севморпути...

Но как-то не сложились его отношения с новым губернатором, прибывшим в Красноярск в 1862 году, П. Н. Замятниным. В ноябре 1864 года городская дума выбирает Сидорова в городские головы на очередное трехлетие — Замятнин и слышать об этом не хочет. Сидоров ищет защиты в Санкт-Петербурге. Но на стороне Замятнина брат — министр юстиции и генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский. И вообще, Замятнин — это власть. Тут же Сидорову шьется дело по надуманному предлогу; он подвергается аресту, почте дано указание задерживать все суммы, поступающие на его имя...

Епископ Никодим, симпатизировавший Сидорову, не раз с ним встречавшийся, потрясенно записывает в дневнике: «Впервые я слышу о таком вопиющем злоупотреблении власти!» В итоге Сидоров городским головой так и не стал, а продвинул был на эту должность сын купца С. Г. Щеголева. Трехлетнее правление Щеголева-сына прошло как-то незаметно, бесцветно, и сказать об этом нечего.

А вот к портрету Сидорова, представляющего во многих современных публикациях в сусальном образе купца-благотворителя, просветителя без страха и упрека, можно и ложку дегтя добавить. Впрочем, кто из «эльдорадцев», разбогатевших в одночасье, не шиковал, не купался в шампанском, не ходил по ковровым дорожкам, раскинутым в дорожной грязи. Не носил, в конце концов, малиновый или синий клубный пиджак (но это уже значительно позже)?

По канонам классической архитектуры большинство зданий должны были украшать колонные портики, колоннады. Старинное трехэтажное здание на Воскресенской улице, вполне благополучно существующее и в XXI веке, местная литература краеведческо-архитектурного направления относит к особнякам в стиле русского классицизма. Но никто и никогда не приводил его изображения с излюбленным классицизмом колонным портиком. Уместно задать вопрос: а был ли он вообще?

Был! В 1863 году особняк купца Суханова предстает перед нами в изначальном классическом варианте: с портиком о четырех колоннах! Таким он видится на фотопанораме: колонны, завершающиеся треугольным фронтоном, верхний полуэтаж. Подобное здание, возведенное в начале XIX века и сохранившееся доныне, есть в Иркутске. Когда-то в нем располагалась резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского, затем — Научная библиотека Иркутского госуниверситета. У красноярского особняка своя история. В 1826 году в нем тоже жил генерал-губернатор Восточной Сибири — А. С. Лавинский, правда, проездом. В середине века квартировал известный золотопромышленник Михаил Константинович Сидоров.

И еще об особняке Суханова. В 1863 году в него вдруг уткнулось самое острое технического прогресса: здесь разместилась первая в городе телеграфная станция.

А в 1868 году «ветхую» усадьбу Суханова купила купчиха Т. И. Щеголева. К этому времени век классицизма давно закончился. И уже не архитектор определял, каким должен быть фасад здания, а богатый заказчик. Так что вскоре особняк на Воскресенской лишился и колонн, и портика, и прочего налета высокого классицизма. Всего того, что как-то связывало его с временами Пушкина, Кипренского, Глинки, кавалергардов, декабристов...

В 1874 году реставрированный и перестроенный особняк Т. И. Щеголева подарила городу для устройства в нем первого в Красноярске ремесленного двухклассного училища. С тех пор усадьба стала называться Щеголевским ремесленным училищем.

Напротив усадьбы Суханова на четной стороне улицы здание, в середине XIX века принадлежавшее Приказу общественного призрения (то есть приюта), иными словами, органу здраво-

охранения и сощобеспечения. Оно примечательно тем, что в нем находилась первая в Красноярске частная аптека. Ее владельцем был обрусевший немец Николай Иванович Наттерер, фармацевт.

В Сибирь Наттерер прибыл из Малороссии с братом Фердинандом и двумя сестрами, Анной и Эльзой. Через всю страну продвигался в собственном тарантасе — изготовленном на заказ транспорте такой длины, что в узких улочках малых городов ему было не развернуться, и такие городки приходилось даже объезжать. По воспоминаниям, Николай Иванович был человеком энергичным, ловким. В Сибири он надеялся обогатиться, да и сестер не первой молодости «пристроить». В Енисейске, где остановился удивительный транспорт Наттерера, фармацевт купил аптеку и начал дело. В центре золотопромышленности, жившем на широкую ногу, каким был на то время Енисейск, он перезнакомился с управляющими приисков, их владельцами, торговцами. Для помощи в работе выписал из Малороссии Ивана Зелинского, тоже фармацевта, с которым был знаком. Выдал за него сестру Эльзу (получилось обрусевшее польско-немецкое семейство, о котором по мере продвижения по Воскресенской возможно еще будет рассказ). А сестру Анну отдал за горного комиссара Швикарта. Енисейскую аптеку Н.И. Наттерер продал, купил аптеку в Красноярске — ту самую, что на Воскресенской улице, — и перебрался со всем образовавшимся кланом Наттереров-Зелинских-Швикартов в губернский центр.

Красноярской аптекой на пару стали управлять, а потом и владеть Иван Зелинский и Фердинанд Наттерер. В одной из комнат аптеки приготавливались лекарства: микстуры, порошки, мази, — находился медицинский инструмент. Деревенские жители собирали и привозили аптекарям травы — ромашку, богородскую траву и многие другие. Заготавливались черника и малина, из которой делался сироп. Самые дорогие, употреблявшиеся в небольших количествах лекарства выписывались по почте от московских фармацевтов, по преимуществу

Золотопромышленник М. К. Сидоров

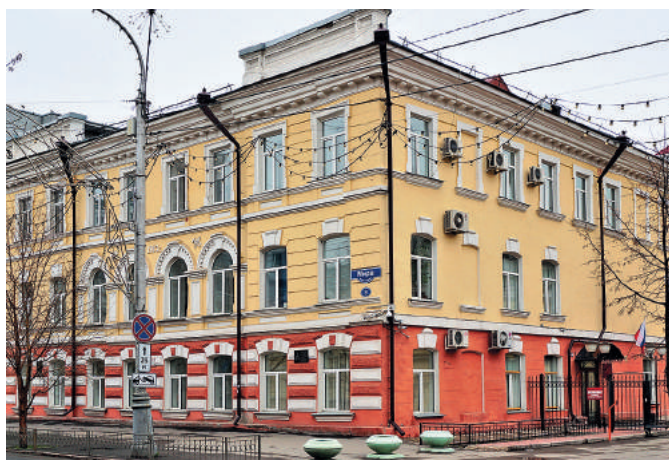

На одной линии, одно за другим — Благовещенская церковь, особняк купца И. Я. Суханова (еще до реконструкции, с колоннами и портиком), а также Гостиный двор с пожарной каланчой над его крышей

от знаменитого Феррейна и других. На их доставку, считая от отправки письма с заказом, уходило более двух месяцев.

А Николай Иванович Наттерер, продавши аптеку брату и Ивану Зелинскому, взялся за осуществление своей давней мечты, с которой, вероятно, и ехал в Сибирь, — занялся золотопромышленностью. По воспоминаниям его внучки Ц.И. Смирновой, «первый и второй год у него шло все хорошо, но его компаньон М.К. Сидоров недобросовестно (вот и еще капля дегтя к образу известного купца. — В. Ч.) захватил у него 40 тысяч по ассигновкам и дело расстроилось. Н. И. вел с Сидоровым процесс в протяжении 18 лет и, несмотря на то, что Сидоров владел большими средствами и у него были руки в Сенате, Н. И. процесс выиграл и деньги получил. Но и время изменилось и неиссякаемая энергия Н. И. ослабела и хотя возобновились приисковые работы, вести их не смог и совершенно сошел на нет».

Путешествие по Воскресенской улице лета 1863 года не предполагает подробного отчета обо всем том, что встречается на пути. Руководством к тому, чтобы остановиться, присмотреться, а где-то и завернуть в пере-

Дом, в котором располагалось ремесленное училище Т. И. Щеголевой (пр. Мира, 9)

Дом в стиле раннего классицизма (пр. Мира, 14), где размещалась первая красная частная аптека

улок к заинтересовавшему дому, служит фото-панорама. Она должна помочь увидеть, каким был город до пожара 1881 года и что унесло время, не оставив следа в рисунках, чертежах, снимках. К сожалению, не все в тесноте городской застройки можно разглядеть на панораме. Но иногда даже часть дома или крыши позволяет восстановить все это строение (так Кювье восстанавливал по одной кости весь облик доисторического животного). А исторические документы, воспоминания, работы историков помогают оживить картину, наполнить ее историей, людьми, жизнью...

После аптеки Зелинского-Наттерера пройти еще сотню метров — и вот Кузнецовское подворье, занимающее почти половину квартала, единственное в своем роде в Красноярске городское купеческое поместье. С одно- и двухэтажными каменными домами, флигелями, пристройками, вместительными амбарами, ледниками и ждущим сноса деревянным старьем, двориками, садиками, заборами и широкими въездами в подворье...

Начинал создавать подворье Иван Кириллович Кузнецов, родоначальник семейства, торговец, золотопромышленник, самый в свое время богатый красноярский купец. В расцвете лет его запечатлевали кистью Карл Брюллов и сибирский живописец Михаил Васильев. В эти же годы Иван Кириллович и приобрел на Воскресенской улице первый каменный дом подворья. Потом другой дом, прикупил еще деревянное строение, пару участков земли... Кстати, когда он взялся за возведение двухэтажного флигеля, то при рытье фундамента строители наткнулись на гробы — здесь находилось одно из первых кладбищ города. В дальнейшем подворье разрасталось стараниями его сына Петра Ивановича Кузнецова, также одного из богатейших купцов Красноярска.

В 1863 году Ивана Кирилловича уже давно не было на свете — он умер в 1847 году. У Петра Ивановича к этому времени было девять детей — законнорожденных, незаконнорожденных усыновленных... Все они получили его отчество и фамилию. Самой старшей Евдокии — 17 лет.

О семействе Кузнецовых — богачах, меценатах, благотворителях, путешественниках, исследователях, собирателях коллекций — рассказывать можно подробно и долго. Но об истории семейства уже написано достаточно. Благо что с конца 1980-х по 1990-е годы купеческая тема в исторических публикациях превратилась едва ли не в одну из популярнейших. Пожалуй, только об одном стоило бы сказать.

Обширное семейство Кузнецовых благодаря своей предприимчивости, разворотливости, разного рода талантам процветало целое столетие или около того.

Потомки Петра Ивановича Кузнецова продолжали семейные традиции и в конце XIX, и в начале XX века. Занимались золотопромышленностью, торговали, участвовали в городском управлении, меценатствовали. В гуманитарной сфере проявил себя Иннокентий Петрович, известный как Кузнецов-Красноярский, археолог, этнограф, историк, публикатор материалов по истории Сибири.

Но Россия, к сожалению, не та страна, где семейные кланы, подобно Ротшильдам или Рокфеллерам, могут существовать столетиями, приумножая семейные активы. Что случилось с особняками, усадьбами, фабриками, землей, накоплениями, коллекциями и прочими богатствами частных лиц в России после 1917 года, да и самими их владельцами, хорошо известно. Но потомков П. И. Кузнецова ни реквизиции, ни жес-

Дом Е. П. Кузнецовой

токие репрессии по большому счету и не коснулись. По той простой причине, что наиболее известные, состоятельные из них ушли из жизни еще до 1917 года. Иннокентий Петрович умер в 1916 году. Александр Петрович — в 1913-м, как и Евдокия Петровна.

Старшая дочь П. И. Кузнецова Евдокия Петровна замужем никогда не была, детей не имела. Перед смертью она написала завещание, в котором свой дом отдавала под школу или какое иное просветительное учреждение, доходы от приисков — женской гимназии Красноярска, минусинскому краеведческому музею, другим культурным учреждениям. Все свое имущество предназначала к продаже, а вырученные деньги также должны были быть переданы женской гимназии.

Газета «Енисейская мысль» в 1914 году сообщала об этой продаже: «Распродажа имущества покойной Е. П. Кузнецовой будет производиться 25 апреля с 12 до 15 часов дня в каменной кладовой при ее доме». В продажу поступали оригинальные картины известных художников, гравюры, статуэтки, а также «мебель дубовая и красного дерева, буфеты, гардеробы, ломберные столики, большой круглый стол красного дерева, зеркала, изящные столики, экраны, горки, бронзовые люстры, кареты, кучерские кафтаны и масса мелких изящных вещей». Нажитое за сотню лет

Семейство
Петра Ивановича Кузнецова

Мемориальная доска в честь
П. И. Кузнецова, купца,
городского головы, мецената

богатство рода Кузнецовых так или иначе ушло, растворилось в других частных богатствах, общественном достоянии...

Советской власти, когда пришло ее время, ни реквизиовать что-либо у Кузнецовых, как представителей класса эксплуататоров, ни репрессировать их самих (в 1930-е годы, например, как «изменников Родины» или «иностранных агентов» какой-нибудь экзотической страны) уже не пришлось. Из более 180 репрессированных граждан обоего пола, носящих фамилию Кузнецов или Кузнецова, занесенных в «Книгу памяти жертв политических репрессий Красноярского края», нет ни одного из знаменитого купеческого рода.

...В 1990-х мне довелось побывать в гостях у правнучки Петра Ивановича Кузнецова, доживавшей свой век на правобережье города, на первом этаже хрущевской пятиэтажки. Увы! — никакой ауры, никаких теней предков не витало в двух комнатах этой очень скромно обставленной квартиры. Разве что фотографии да некоторые бытовые мелочи напоминали о нерядовой истории семьи. Ее подлинная история значительно представлена в краевом краеведческом музее: здесь воссоздана обстановка кабинета Петра Ивановича, представлены коллекционное холодное оружие, документы, картины, в том числе внучки П. И. Кузнецова краснойарской художницы Ксении Матвеевой.

Улица Большекачинская
от Благовещенского собора к югу

Благовещенский собор. Фото начала XX в.

На улицах Красноярска память о купеческом роде Кузнецовых живет в доме на углу Воскресенской и Благовещенского переулка — том самом, что олицетворял, да и спустя век олицетворяет богатство и изысканный вкус его владельцев. Так бывает: владелец дома давно умер, но обыватели продолжают называть дом его именем, и это название становится городским топонимом. В Красноярске есть такие дома, среди самых известных дом Щеголевой, особняк Гадаловой, дом Николая Гадалова, дом Зельмановича и дом Цукермана, дом архитектора Чернышева, дача Юдина...

На особняке Кузнецовых в 2000-е годы появилась памятная доска в честь П.И. Кузнецова. Но в этом доме он никогда, разумеется, не жил, даже и не видел и не мог видеть его. Дом построила в 1894 году Евдокия Петровна Кузнецова.

А в 1863 году здесь стояло одноэтажное деревянное здание, о назначении которого, будем откровенны, мы не знаем.

От Красноярска эпохи классицизма совсем просто попасть в Красноярск практически острожный, воеводского правления. Достаточно с Воскресенской свернуть вправо, за угол, в Благовещенский переулок. Пройти вдоль ограды Кузнецовского подворья, затем вдоль ограждения территории Благовещенского собора, миновать и сам собор и свернуть налево.

И вот уже перед нами глухие заборы, амбары, избы с маленькими, прорубленными в толстых бревнах окнами, под высокими крышами — как семейства старых, потемневших, гниловатых гри-

бов-боровиков. Такой предстает улица Большекачинская, самая крайняя к речке Каче и ее долине. Улица неожиданно довольно широкая — это на панораме все выглядит очень тесно, скученно.

Фонарей, конечно, нет. В городе с 1854 года существовало освещение спирто-скипидарными лампами, но только на главных улицах: Воскресенской, Благовещенской, Гостинской. Потом появились керосиновые лампы, которые при сильных ветрах тухли. А в лунные ночи их и вообще не зажигали. В 1891 году в Красноярске зажглась первая электрическая лампочка в доме Н. Г. Гадалова на Воскресенской улице. К сожалению, это эпохальное событие не осталось, кажется, ни на одном фотоснимке.

Зато художница Ксения Матвеева, та самая, внучка П. И. Кузнецова, запечатлела его в своей картине «Первая лампочка в городе». По всему городу электрические лампочки зажглись лишь на Пасху 1912 года, когда была построена электростанция.

Дома с очень высокими крышами, высоко вырубленными окнами — особенность строений русского архангельского и вологодского севера, откуда пришли казаки, начинавшие осваивать Сибирь в XVII веке. Сложенные из лиственничных бревен дома простояли удивительно долго, несколько столетий. Клонились, кривились, но держались. Их любил рисовать В. И. Суриков — дома Охотникова, Юшкова, Арбекова, Черкашина...

Да даже и в работах раннего Андрея Поздеева они запечатлены — а это пятидесятые — шестидесятые годы! Могли бы простоять и еще десятки лет. Улочка или хотя бы переулок из бревенчатых изб времен едва ли не Андрея Дубенского в XXI веке — это был бы настоящий парк изначального периода истории Красноярска!

Дома старого Красноярска на фотографиях начала XX в. И как странно видеть на лавочке у одного из этих покосившихся сооружений времен изначальных, старинных, даму в белом платье, шляпе эпохи модерн!

Рисунок В. И. Сурикова «Дом Арбекова в Красноярске». 1890 г.

Рисунок В. И. Сурикова «Дом Юшкова». 1890 г.

Где-то здесь, на Большаекачинской, во второй куртине*, находится один из домов, которыми владели предки В. И. Сурикова. Он был построен в конце XVIII века. Суриков вспоминал о нем: «Старый суриковский дом... я в развалинах помню. Там уже не жил никто. Потом он во время большого пожара сгорел» (по записи М. А. Волошина). Есть и в воспоминаниях художника М. А. Рутченко запись об этом доме: «Нередко мы с ним (Суриковым — В. Ч.) гуляли по улицам Красноярска. Идем как-то по Качинской улице, близ старого базара. Суриков указывает мне на старый домишко с острой крышей: «Вот откуда я взял характер домов в своей картине «Боярыня Морозова».

Суриковский дом сгорел в апреле 1881-го, но в 1863 году он еще цел. Вот только какой это дом из тех, что можно разглядеть на фотопанораме? Без подсказки не определить.

Гулять по Большаекачинской улице — удовольствие сомнительное. Дома выглядят не очень-то приветливо. Насупленные, насторожившиеся. Что там за этими высокими тусклыми оконцами? Чудится — мир угрюмый, грубый, жестокий даже... Хотя, наверное, это далеко не так.

Палисадников перед домами нет — еще не пришла мода на палисадники. Но есть лавочки: сидеть, судить-рядить, семечки лузгать — точно как у подъездов «хрущевок». Улица пыль-

* Куртина — взятое из французского языка странное название городских кварталов. Куртина — это дома и кварталы между поперечными, от Качи до Енисея, улицами: от Степановского переулка до Благовещенского (от ул. Каратанова до ул. 9 Января) — первая куртина, от Благовещенского до Дубенской (ул. Парижской Коммуны) — вторая куртина и т. д. Одна из последних куртин — городской сад и Новобазарная площадь с Кафедральным собором и Всехсвятской церковью (от ул. Диктатуры Пролетариата до ул. Горького).

Двухэтажный дом (слева), в конце XIX в. принадлежавший купцу С. Ф. Васильеву, и кирха

ная, в дождь будет утопать в непролазной грязи. К крутому берегу долины Качи, к которому обращены хозяйственные постройки, бани, огороды, и подходить не стоит. Средневековая традиция выносить мусор, вываливать отходы прямо за жильем, за дворами, а лучше — так и в саму речку, еще долго будет существовать.

По ночам Большекачинская и вся окружающая местность погружаются во тьму. Повстречать здесь вора или грабителя — дело обыкновенное. Епископ Никодим в ноябре 1863 года записывает в своем дневнике: «На площади на днях сняли шубу с нашего звонаря, шедшего к утрени, с барышни сняли салоп на улице. К одному гражданину лезли трое в магазин...» Уж если в центре города, на площади, снимают с обывателей шубы, то что говорить об окраинах?

...Благовещенский переулок (ул. 9 Января), потом переулок Дубенского (ул. Парижской Коммуны). Отсюда, пожалуй, вернемся на Воскресенскую. Сворачиваем налево, и через два квартала — вновь главная улица города, которую мы оставили, чтобы заглянуть в мир Красноярска изначального.

Площадь на перекрестке Воскресенской и Дубенского, куда мы вышли, станут называть Владимирской. Красноярск здесь опять почти узнаваемый: типичный губернский город где-то примерно середины XIX века. На Воскресенской, отвлекшись на поход по Большекачинской, мы пропустили целый квартал. Но не возвращаться же! Впрочем, среди главным образом деревянной застройки этого пропущенного квартала два здания нельзя не отметить — на них можно и оглянуться.

Кирха на улице Воскресенской.
Фото начала XX в.

Дом С. Ф. Васильева, в котором в начале XX в. располагались квартира и канцелярия Енисейских губернаторов. Фото начала XX в.

А так выглядит этот дом спустя век (пр. Мира, 21–23). Его можно вычленить из офисно-ресторанного объекта, узнать по семи окнам второго этажа, ведя им счет справа налево.

По левую сторону, если идти по Воскресенской от Стрелки, выделяется своею основательностью двухэтажное каменное здание. Причем основательности некоторую легкомысленность придает большой открытый балкон на фасаде, на котором легко представить вышедших на свежий воздух господ, дам, приветствующих кисейным платочком знакомых прохожих.

Здание было построено купцом С. Ф. Васильевым, виноделом, владельцем винного склада, водочного завода. Много позже в нем снимали квартиры Енисейские губернаторы — Н. А. Айгустов, В. Ф. Давыдов, А. Н. Гирс, Я. Д. Бологовский. Здание пережило и царизм, и советское время. Существует на своем месте и в XXI веке. Однако в текущей эпохе узнать его без подсказки стороннему человеку совершенно невозможно. И сверху, и справа, и слева здание достроено, лишено, конечно, и балкона и вписано в более масштабный объект банковско-ресторанного назначения, полностью вобрано им в себя. Получилась своего рода инсталляция, могущая символизировать собою всепоглощающую силу коммерческого начала.

Другое здание, через улицу, наискосок, безусловно, конфессиональный объект — лютеранская кирха, иными словами, немецкая церковь. Та самая деревянная кирха, что вроде как сгорела в пожаре 1881 года, а через три года возрождена была уже в камне. Но вот какая штука: кирха с панорамы 1863 года в общих своих чертах и пропорциях совершенно подобна кирхе восстановленной (которая уже окончательно и навсегда была разрушена и снесена при советской власти, но сохранилась в фотографиях).

Может ли быть так, что деревянное строение сгорело, а потом заново построено один к одному в камне? И не была ли эта кирха уже изначально, т. е. и в 1863 году, каменной? А в пожаре 1881 года горела, но уцелела и после была лишь восстановлена в своих утратах?

Еще одна загадка связана с двухэтажным домом (пр. Мира, 29) на углу Воскресенской и переулка Дубенского, напротив которого мы и стоим.

Дом построил в 1817 г. купец, городской бургомистр в 1808–1811 гг. А. П. Терской. После 1881 г. наследники Терского продали дом купчихе М. А. Гусевой. Дом, выстроенный в соответствии с архитектурным стилем классицизма, — одно из самых старых зданий современного Красноярска.

В конце 1820-х годов в доме заседал губернский совет во главе с Енисейским губернатором А. П. Степановым. Впоследствии помещения дома стали сдаваться под жилье, на его первом этаже располагались две лавки. В 1863 году дом на фотопанораме выглядит таким образом, что по его фронтальной стороне на втором этаже семь окон, на боковой стороне тоже семь.

А вот на позднейших снимках дом на углу Воскресенской и Дубенского (да и в реальности, в XXI веке — на углу пр. Мира и ул. Парижской Коммуны) предстает о пяти (!) окнах по фронту. А где еще два окна?! Как ни ходи вокруг да около дома — дом не такой, каким предстает в 1863 году. Семь окон по боковой стороне, а по фронту — пять! В чем тут причина — вопрос к историкам городской архитектуры. Одно из возможных объяснений: дом изрядно пострадал в пожаре все того же недоброй памяти 1881 года, и его пришлось при ремонте несколько перестроить (на два окна по фронтальной стороне «ужать»).

В 1860–1864 годах в доме жил чернобородый с высоким лбом человек. Это был Михаил Петрашевский, ссыльнопоселенец, занесенный судьбой на берега Енисея после отбытия забайкальской каторги и поселения в Иркутске.

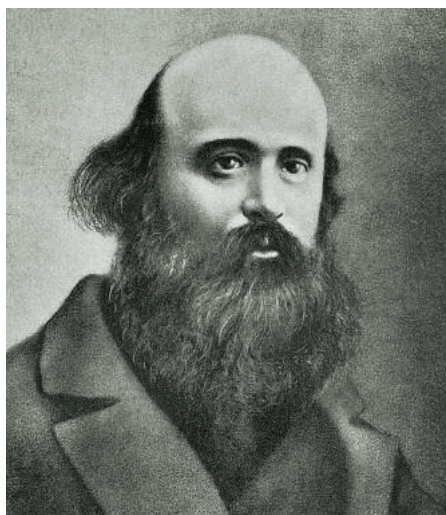
И ссыльными, и каторжанами Сибирь не удивить. Но нашумевшее дело Петрашевского — это не подделка векселей и даже не ограбление банка. Именем Петрашевского названо целое отдельное направление в истории свободомыслия в России. Петрашевцы — диссиденты середины XIX века. Запрещенные книжки читали, в кружки собирались, разные либеральные теории обсуждали. По делу петрашевцев и Федор Достоевский проходил (какие же диссиденты без литератора в их компании?) — всего лишь номером девятнадцатым из двадцати трех подсудимых. Потому-то

Дом А. П. Терского у Владимирской площади

Дом А. П. Терского (пр. Мира, 29). Фото 2016 г.

Михаил Васильевич
Буташевич-Петрашевский

к тому времени, когда Петрашевский (номер первый) появился в Красноярске продолжать отбывать ссылку, Достоевский уже лет пять как был помилован, успел написать «Записки из Мертвого дома» — своего рода отчет о своей каторге и ссылке, — да и другие произведения, ставшие со временем классикой.

Красноярского ссыльного Михаила Васильевича Петрашевского местные дамы обожали за горячие убедительные речи, прогрессивные взгляды, а более всего, вероятно, за импозантность. Просто карбонарий какой-то! А сам Петрашевский был не в восторге от города и его обитателей. В подробных письмах домой, родным он писал:

«Красноярск мне весьма не нравится. Здешняя верхушка господ чиновников — они суть, за неимением лучшего, аристократы, их нравственностью и понятиями вполне напоминают времена воеводских управлений провинциями, они тужды всякого умственного движения до такой степени, что глядя на них сомневаешься, совершается ли в них процесс мышления, или что-либо ему уподобляющееся. От тяготящей их долго неизвестности, кто здесь будет губернатором, они похожи на сонных мух, понависшихся мухомора. Крайне нужен сюда дельный губернатор, по крайней мере знающий дело, как Падалка, а не дождевые пузыри — Муравьевские губернаторы, вырощенные Муравьевым как бы из его собственных плевков, которых едва давить, кроме трухи и удушливой пыли ничего не выйдет. Весь послед Муравьевского управления с мертворожденным наследником его неограниченной, безумствующей и деспотической власти, следует вырвать. Эта эпидемическая болезнь, осложненная местными сибирскими язвами, скотскими и нескотскими, требует настоящего врагевания...»

О первом лице губернии Петрашевский отзывался коротко: «Начальство здешнее, т. е. губернатор Замятнин дурак из дураков». Это написано как раз в 1863 году*.

Власти платили Петрашевскому тем же: терпеть его не могли. Губернатор П. Н. Замятнин всеми силами старался «поносителя всех начальников» выставить из города, заслать куда-нибудь подальше в масштабах подведомственной территории. У духовной власти — епископа Никодима — отношение к ссыльному менялось. Вначале, еще до непосредственного знакомства с Петрашевским, Никодим писал в своем дневнике: «Нечестивый

* Буташевич-Петрашевский М. В. Письма из ссылки // Звенья. Сб. II. М.—Л.: Academia, 1933. С. 339, 343.

ссылный Петрашевский... сущий враг религии, а потому и наш. Это тот, что замышлял убить императора Николая, истребить всю царскую фамилию и основать республику...» Насчет убийства Николая I и всей его семьи епископ Никодим, конечно, хватил — поверил в слухи, которые из мухи часто делают слона.

После первой встречи с Петрашевским в дневнике Никодима появилась запись: «Был у меня ссылный Петрашевский... Мужчины выразительного лица, с огромной красивою черною с проседью бородою. Говорит: “Я малоросс, православный, по происхождению серб”. Впрочем, речи его пустые, несвязные, проглядывает вольнодумство и критика».

И все-таки Никодим не мог не оценить такую интеллектуальную диковинку, как ссылный столичный мыслитель, заброшенный в сибирскую глушь. Ничуть не сомневаясь в своем умственном превосходстве, он из любопытства, наверное, да и как человек пишущий, позволил Петрашевскому передать ему на прочтение его рукописные сочинения. Одна из «теорий» Петрашевского была посвящена улучшению положения арестантов на Нерчинских заводах, где поначалу и он сам отбывал наказание.

В резюме на это сочинение Никодим писал: «Теория почитает арестанта как бы нравственно больным, которого правительство обязано лечить и вылечить. Злодеяние злодея теория почитает протестом против несовершенства законов и администрации. Заблудший! Но есть много здравых мыслей и глубоких рассуждений...» А в своем дневнике Никодим сообщает: «Были у меня... Петрашевский — ссылный. Я возвратил ему тетрадь его сочинения о нерчинских арестантах. Сказал, что его понятие о арестанте, о преступлении, о каре за оное неверны, и указал, в чем именно — по-моему. Затем пожалел, что в его статье нет и помину о религии. Петрашевич (так в рукописи. — В. Ч.) поспорил немного, вышел».

При всей разнице взглядов на религию, общественное устройство Никодим не мог не оценить широты и глубины интересов ссылного. И когда дело уже конкретно дошло до высылки Петрашевского из Красноярска, он написал письмо губернатору с просьбой не высылать его, «если можно». Но П. Н. Замятнин был непоколебим. Петрашевский был отправлен в Минусинский округ. Сначала в Шушенское, затем в село Кебеж, оттуда в село Бельское, где он и умер и был похоронен в мае 1866 года...

Ну а летом 1863 года Михаила Васильевича Петрашевского, человека высокого роста, явно нездешнего вида, вполне можно было встретить на улицах Красноярска.

À propos

Последним, двадцать третьим по счету, в списке подсудимых по делу Петрашевского был отставной подпоручик Рафаил Черносвитов.

Сын ярославского помещика, он получил столь необычное на русских пространствах имя в честь одного из архангелов. В 1831 году во время подавления восставшей Польши Рафаил потерял левую ногу и вышел в отставку. В Пермской губернии служил исправником. В 1844 году в разгар золотой лихорадки уехал в Красноярск, а из губернского центра — в тайгу, на золотые прииски. После первых успехов открытый им прииск перехватывает некая титулованная особа. Черносвитов едет искать правду в Петербург. Здесь он каким-то образом примыкает к кружку Петрашевского, произносит речи о Сибири, отзываясь о ней с восторгом. Предвосхищая идеи сибирских областников, мечтает «о выделении этой страны в самостоятельное государство и о производстве там бунта помощью уральских рабочих».

Приговор Черносвитову в сравнении с приговорами его подельникам был относительно мягким: отправка под надзор полиции в Кексгольм.

После освобождения от надзора Черносвитов с женой и сыном вновь едет в Красноярск, потом в Иркутск, занимается золотопромышленностью.

В те годы, когда в Красноярске находился Петрашевский, Рафаил Черносвитов мог бывать здесь наездами. Встречались ли они — неизвестно. Свидетельств этого нет. Что-то могли бы прояснить записи в дневнике Черносвитова, который он, как предполагается, вел в Сибири, в Красноярске. Но судьба этого документа, уничтожен ли он или где-то все-таки сохранился, к сожалению, неизвестна.

В ЭКИПАЖЕ С ИЗВОЗЧИКОМ № 13

Вон идет барин: по осанке видно, что ноги его созданы не для ходьбы, и за делом ли, за бездельем вышел он, а следует ему взять извозчика, и лишь едва кивнул он головой — мигом встрепенулась биржа, лихачи шапки долой и обступили желанного. — «Куда, ваше благородие?» — «Со мной, батюшка, с старым извозчиком, и я допрежде возил вашу милость...» — «Возьмите, сударь, рысистую». — «На иноходце прокачу, ваше сиятельство!»

*Иван Кокорев.
Очерки Москвы сороковых годов.
М.—Л.: Academia, 1932.*

Между прочим, в 1863 году от площади на перекрестке Воскресенской и Дубенского в дальнейшее путешествие по городу можно было отправиться в экипаже. Красноярцы Иван Потехин (не родственник ли это того Потехина, с усадьбы которого начался пожар 1881 года?), Иван Красиков, Лавр Потылицын (типичные местные фамилии!) и другие, занимающиеся извозным промыслом, по контракту с городской управой должны были «содержать в городе Красноярске на двух площадях по Воскресенской улице, на переулках Дубенском и Покровском, для разъездов биржевых лошадей с приличными экипажами, как летом, так и зимой, с хорошею упряжью с тем, чтобы нам на лошадях этих отправлять разъезд по городу днем не далее как до 9 часов вечера». Извозчикам вменялось брать в пассажиры «людей добропорядочных, а если кто окажется из низкого класса подозрительным, таковых тотчас доставлять в местную полицейскую управу». С пассажирами следовало обходиться учтиво, никоим образом не грубить. Плата за один час нанятой лошади составляла 25 копеек серебром. Каждый кучер имел на спине свой номер.

...И вот, будто специально, у обочины дожидается клиента извозчик с номером 13 (владелец экипажа — Иван Красиков).

Почему бы не проехать в экипаже по Воскресенской в сторону Новобазарной площади и далее, насколько возможно. С извозчиком, наверное, и поторговаться можно, заплатить за недолгую поездку, ну... гривенник, скажем.

Городской извозчик

Как же обратиться-то в 1863 году к извозчику? Сказать: «Свободен, шеф?» — нет, так вас не поймут. В середине XIX века шеф — это полковой командир, а то и почетный начальник, чье имя носит полк. Подобным образом извозчиков в то время еще и в шутку никто не называл. Пусть хотя бы несколько по-книжному:

— Ну что, любезный, едем?

— Извольте, ваша милость. Уж услужу, вмиг доставлю. Толкуйте, куда надо.

— А вот прямо и поедem, по Воскресенской. Лучше неспешно, чтобы налево, направо поглядеть. Поездка на полчаса — за гривенник сговоримся?

— Вы, барин, с пониманием. Ежели добавите на чай, много довольны будем!

Из экипажа и обзор получше, и сам пассажир смотрит на уличную жизнь, на прохожих свысока, будто в чине возвысился.

Отъезжая от переулка Дубенского, покидаешь уголок города, где глаз может зацепиться за смутно знакомый фасад, увидеть почти те же самые дома, что стоят на своем месте и в XXI веке.

По правую сторону первый от перекрестка — каменный двухэтажный дом (пр. Мира, 46, теперь он длиннее за счет пристройки к нему с западной стороны одноэтажного дома и на два этажа выше), выстроенный купцом И.И. Коноваловым в конце 1820-х годов. В описании дома того времени отмечено: «состоит в городе под приезд господ генералов». Некоторое время здесь занимал квартиру генерал-майор Павел Николаевич Замятнин, прибывший в Красноярск в феврале 1862 года возглавить Енисейскую губернию. Получается, что жил он наискосок от дома, где поселился М.В. Буташевич-Петрашевский. Наверное, не раз из окон своей квартиры на втором этаже губернатор мог видеть спешащего по улице Петрашевского, направляющегося, к примеру, на почтовую станцию отправить очередное письмо своей матушке.

П.Н. Замятнин прежде служил полицмейстером в Москве. Знавший его петербургский генерал-губернатор А.А. Суворов называл Замятнина «страшным», при котором в Красноярске «все может быть». А.Ф. Пантелеев, революционер-«земледелец», отбывавший долговременную сибирскую ссылку, писал, что «имя Пав. Ник. Замятнина наводило страх», что был он «человек поразительно

À propos

За гривенник 1863 года в хорошей сохранности в современных антикварных лавках с вас могут запросить тысячи полторы рублей. Серебряный же рубль 1863 года относится к монетам редким. Редки и кредитные билеты от 1 до 100 рублей 1863 года. Причем если 1 и 3 рубля, чаще в «убитом» виде, еще можно найти, то редкость билетов от 5 рублей и выше возрастает в геометрической прогрессии.

А что такого мог бы прихватить с собой путешественник во времени, возвращаясь из Красноярска 1863 года, что имело бы хорошую цену как антиквариат?

Ну вот, например, не из стандартного антиквариата (вроде икон или тульских самоваров): конверт с маркой, погашенной штемпелем города Красноярска с датой 1863 год, если будет найден, составит значительную ценность — историческую, филателистическую и, как следствие, материальную. Губернская почтовая контора открылась в Красноярске в 1831 году, и корреспонденция, отправлявшаяся через нее в первые полвека ее существования, сохранилась в единичных экземплярах. Так, в работе одного из самых авторитетных исследователей почтовой истории Сибири британца П. Робинсона приводится наиболее ранний известный на почтовом отправлении круглый штемпель Красноярска — он с датой 13 мая 1865 года. А более ранние, возможно, и не сохранились или же не найдены.

Конечно, фотографии: здания, улицы, жители, известные и рядовые. Снимки торговых рядов с двухъярусной каланчой крупным планом или здание Щеголевского ремесленного училища в первоначальном виде, с портиком и колоннами, или вид улицы Благовещенской с домом семьи Суриковых. Но существуют ли существовали ли когда-либо такие снимки? Ведь даже самые ранние из опубликованных фотографий юного Сурикова датируются лишь 1868 годом.

Из антикварных книжных изданий Красноярска можно назвать «Памятную книжку Енисейской губернии на 1863 год» — тоже редкость. Да даже и какой-нибудь чудом сохранившийся коробок спичек середины XIX века может представлять огромную ценность для нынешнего филумениста.

Енисейский губернатор П. Н. Замятин

Дом И. И. Коновалова (слева).
Фото начала XX в.
Двухэтажный дом И. И. Коновалова,
надстроенный в 1930-х гг. на этаж,
объединенный с левой стороны
еще с одним домом. Фото 2016 г.

ограниченный, нередко взбалмошный, но в душе не злой». Из чего, из каких фактов могло происходить это мнение — неизвестно.

Между тем при всем при том с благословения того же Замятнина юный Суриков был отправлен на учебу в Петербургскую академию художеств. При Замятнине в Красноярске открылись мужская гимназия и десятки народных училищ в селах губернии. Открылось первое в Енисейской губернии благотворительное заведение. Да и легко ли было Замятнину исполнять свою ответственную и хлопотную должность, если, по его словам, «воровство, мошенничество и конокрадство распространяют беспрестанно прибывающие ссыльные, которых в 1863 г. считалось 44 994 души». Поселенцы были замешаны «в важнейших преступлениях, так что в числе 1249 открытых в 1863 г. преступников, заключалось 458 поселенцев и 102 ссылокаторжных, т. е. немного менее половины, тогда как число их составляет около 7-й части общего народонаселения губернии».

И, наверное, все-таки не без основания после завершения Замятниным в 1868 году своего губернаторства городская Дума присвоила ему звание почетного гражданина губернского города Красноярска.

Иван Иванович Коновалов, построивший дом «под приезд господ генералов», тоже человек достопамятный в истории города. В Красноярск приехал из Томска. В молодые годы учился в Петербургском горно-инженерном корпусе, участвовал в войне 1812 года. Неподалеку от Красноярска он построил первый в Сибири стекольный завод. Продукцией его торговал по всей Восточной Сибири, даже в Кяхту вывозил для дальнейшей продажи за границу. На хуторе разводил пчел, в чем весьма преуспел. Занимался ак-

Иван Иванович
Коновалов

À propos

Здесь уместно привести цитату из статьи К. Михайлова «Крепостничество в Сибири»^{*}:

«По сведениям, собранным накануне упразднения крепостного права, в Восточной Сибири было два имения, населенных крепостными людьми. Оба они находились в Красноярском округе, Енисейской губернии. Одно принадлежало председателю губернского правления Родюкову и заключало в себе 63 души крестьян и 9 дворовых мужеского пола и 67 крестьян и 12 дворовых женского. Второе имение находилось в Знаменском стеклянном заводе и принадлежало коллежскому советнику Коновалову. В нем было 154 мужеского и 122 женского пола; из них 71 душа обоего пола были приписаны к дому помещика в г. Красноярске, 186 к его имению в Новгородской губернии, а 19 душ к тверскому имению помещицы Павловой, у которой крестьяне были куплены... Неизвестно, каким образом явилось имение Родюкова, получившего его по наследству, но относительно Коновалова достоверно известно, что он перевел своих крепостных крестьян в Сибирь на казенные земли, отведенные под хозяйственные и промышленные заведения. Кроме того, Коновалов приписал к своему заводу крепостных людей, числившихся при его доме в Красноярске, вопреки указу 1833 года о 8-й народной переписи, которым такая приписка положительно была запрещена. При собирании сведений о крепостных пред реформой, крестьяне Коновалова были отнесены в разряд дворовых людей».

^{*} «Сибирский сборник», кн. I. СПб., 1886.

климатизацией кукурузы (!), озимой пшеницы. Высаживал сотни растений, ведя флористические исследования. Из столиц получал образовательные журналы.

Еще с Томска Коновалов состоял в масонских ложах (в Томске — в ложе «Восточного светила», в Красноярске — в местной Братской масонской ложе, о которой мало что известно). Вероятно, дворянин. В Центральной России у него было поместье, из которого он вывез в Сибирь десятка два или три крепостных крестьян. В Енисейской губернии, где числилось всего-то три — четыре помещика, Коновалов был самым крупным помещиком-крепостником.

Что стало с людьми Коновалова после отмены крепостного права в 1861 году — сведений нет. Может, вернулись в Россию, а скорее всего, растворились в населении губернии. О самом Коновалове известно, что умер он в 1862 году 69 лет от роду.

По всем статьям незаурядным человеком был Коновалов. Дворянин, масон, знался с декабристами (Александр Беляев: «Коновалов, очень любезный и внимательный человек»), пасечник (на двух пасеках — сотни ульев; любопытно бы знать, где, в какой местности находились пасеки), ботаник, которого восхищала сибирская флора, наконец создатель стекольного завода...

У дома Коновалова экипаж наш приостановился, и отсюда можно бросить взгляд налево, на противоположную сторону улицы.

Налево — дома по обе стороны переулочка Дубенского (ул. Парижской Коммуны), гадаловская вотчина. Молодые, но разворотливые купцы братья Н. Г. и И. Г. Гадаловы строиться в Красноярске начинали сразу основательно, масштабно, к чему предрасполагали имеющиеся капиталы. Вначале 25-летний Николай Герасимович в 1862 году построил двухэтажное, буквой «Г», большое, но без архитектурных излишеств здание. (Епископ Никодим в своем дневнике пометил: «Дом Гадалова каменный двухэтажный, лучший в нашем городе, построенный

Фасад дома Н. Г. Гадалова
(пр. Мира, 33 / ул. Парижской
Коммуны, 17). Фото 2016 г.

уже при мне».) Возвел его Н. Г. Гадалов крепко — и через полтора века в нем кипит жизнь: и конторская, и обычная, частная, в немногих квартирах. В одной из этих квартир на втором этаже не раз, кстати, приходилось бывать. Можно отметить: потолки в квартирах гадаловского дома столь высоки, что в одной из комнат владелец квартиры сумел устроить своего рода балкон-галерею. Ведущая к нему лестница довольно крута, но на самом балконе получилось разместить и небольшую библиотеку, и столик с компьютером.

Младший брат Иван Герасимович Гадалов свое двухэтажное каменное здание построил в переулке Дубенского напротив здания брата в 1870 году. А в 1863 году мы тут видим еще деревянные домишки, усадьбы, небольшие кирпичные беленые домики... Но разобраться, кому они принадлежат, что в них находилось, кто жил, нет никакой возможности.

Дом И. Г. Гадалова
(пр. Мира, 31 / ул. Парижской
Коммуны, 22). Фото 2016 г.

Городская застройка напротив дома И. И. Коновалова на углу Воскресенской и переулка Дубенского

Дом С. Я. Кузнецова
(пр. Мира, 35). Фото 2016 г.

Свои главные дома братья Гадаловы построят спустя годы. Николай Герасимович — в 1882 году особняк, украсивший центр города; в будущем он станет широко известен как магазин «Детский мир». Иван Герасимович — в 1884 году трехэтажное здание очень солидного вида, опять же по соседству, наискосок, на углу Воскресенской и Театрального переулка. За много лет в нем перебивало немало контор и организаций разного рода, и в конце концов здание было прочно занято сельскохозяйственным институтом, переименованным в дальнейшем в Красноярский государственный аграрный университет.

Прежде чем двинуться в экипаже далее по Воскресенской по Красноярску полуторавековой давности, обратим внимание еще на одно двухэтажное каменное здание, выходящее фасадом на главную улицу (пр. Мира, 35). Его построил в 1826 году купец С. Я. Кузнецов. В конце 1820-х годов здесь жил губернатор А. Н. Степанов. К этому зданию, стоящему на своем месте с пушкинских времен, можно подойти, прикоснуться к его стенам и в Красноярске XXI века.

В 1863 году рядом с особняком С. Я. Кузнецова теснятся дома, большинство из которых разрушит пожар 1881 года. В 1890-х годах городской голова купец П. К. Гудков снес сгоревшие, разрушенные постройки, на их месте воздвиг несколько зданий. В одном из них, известном как дом Гудкова, ныне находится краевое бюро судмедэкспертизы.

...Экипаж неторопливо едет по Воскресенской, но ни по левую, ни по правую стороны улицы увидеть что-либо знакомое почти невозможно: все здесь горело в 1881 году, потом будет построено заново, перестроено.

Направо — небольшое двухэтажное каменное здание. Налево, через улицу, усадьба: дом с колоннами, хозяйственные постройки во дворе. Впоследствии здесь будет возведен двухэтажный каменный дом, который после пожара 1881 года выку-

Памятная доска на фронтоне дома С. Я. Кузнецова

Городская застройка по обе стороны Воскресенской там, где располагались владения С. Г. и Т. И. Щеголевых

Сидор Григорьевич и Татьяна Ивановна Щеголевы — образцово-показательная купеческая семья: богатеи, оборотистые торговцы, благотворители

пит духовное ведомство, перестроит и в 1886 году откроет в нем женское епархиальное училище (пр. Мира, 37). А в 1863 году хозяева всего этого большого владения по обе стороны улицы Воскресенской — Сидор Григорьевич и Татьяна Ивановна Щеголевы, красноярские нувориши, новые богатые середины XIX века.

По легенде, Сидору Щеголеву, начинающему золотоискателю, на то место, где следует искать золотую жилу, указал во сне некий старец. В благодарность за божественный промысел Щеголев, вознесшийся в одночасье на вершины богатства, превратился в неустанного благодетеля, мецената и спонсора. Да и не он один, но и супруга его, а потом и сыновья. На свои деньги С. Г. Щеголев построил Кафедральный собор, помогал другим церквям. На средства Т. И. Щеголевой, как уже упоминалось, было открыто ремесленное училище. Щеголевские деньги жертвовались на открытие приютов, богаделен, бесплатных столовых, в помощь учебным заведениям, погорельцам и т. д.

Есть весьма выразительное фото четы Щеголевых, относящееся, вероятно, к середине 1860-х годов, т. е. к «нашему» времени. Глядя на это фото, никогда не ошибешься в том, что за люди на нем изображены. Ну конечно, это купеческая семья в самом ее хрестоматийном виде. Патриархальная супруга — в традиционных платьях, юбках и прочих нижних одеждах, как в капустных листьях; в накинутом на плечи платке, чепчике, украшенном вышивкой; руки покорно сложены перед собой. Супруг — мужик, вчерашний крестьянин, обрядившийся европейцем: светлый костюм, шляпа-цилиндр. Но куда деть большущие хваткие руки, общую кряжистость фигуры!

В публикациях о Щеголевых складывается образ богопочитаемого, праведного и невероятно щедрого семейства. И в самом деле, немалый список благодеяний совершенно прикрыл собой самих героев благотворительности. А какими они были в обычной жизни?

Епископ Никодим весной 1863 года записывает в дневнике: «Татьяна Ив. Щеголева в утреню раскричалась на кого-то в церкви так, что неслышно стало церковного чтения... Глупая и избалованная женщина!» Из записи о Сидоре Григорьевиче: «...Важничает и грубиянит, давая разуместь, будто Щеголев хозяин в соборе,

а не духовные; надо обуздать невежду». Из записи, сделанной после посещения дома Щеголевых: «Я нашел Щеголева в кураже, он и тут торопится пить рюмка за рюмкой...»

Подобные живописные подробности по-своему обогащают образ известной купеческой пары. При том что в истории благотворительности Красноярска в XIX веке супругам Щеголевым справедливо отводятся самые почетные места.

...Едем дальше — вот наконец дом из XXI века, в том смысле, что он и в XXI веке стоит на том же месте, что и в XIX, и внешне если в чем-то и изменился, то не до неузнаваемости (пр. Мира, 54). В этом доме, принадлежавшем купчихе Мавре Беловой, и квартирует преосвященный епископ Никодим (в миру Никита Иванович Казанцев), прибывший в Красноярск в 1862 году возглавить епархию Енисейскую и Красноярскую.

Предполагалось, что в доме Беловой епископ проживет с месяц, пока ему не подберут более достойную его чина квартиру. Предлагалось епископу жилье в доме Суханова на Воскресенской, где жил М.К. Сидоров, и отдельный дом рядом с домом И.Г. Родюкова на Воскресенской площади. Когда губернатор Замятнин решил отказаться от квартиры в доме И.И. Коновалова (слишком обширная, да и дороговато), Коновалов предлагал епископу переехать к нему. Но Никодим остался на прежнем месте, в доме Беловой, и переселился только в феврале 1864 года — в новый дом, специально построенный на Новобазарной площади для проживания архиепископа.

В 1863 году рядом с домом Беловой, прямо под окнами гостиной Никодима, прокладывалась телеграфная линия: вкапывались столбы, натягивались провода. Никодим возвышенно размышляет: «Телеграф сокращает тысячи верст в одну

Епископ Никодим в парадном облачении.
Судя по рисунку напольного покрытия, съемка происходила
в уже знакомом нам помещении — фотоателье Г. Х. Кеппеля.
Фото второй половины 1860-х гг.

*Дом купчихи М. Г. Беловой рядом
с Покровской церковью*

версту или, лучше, в минуты малые времени. Изменяют телеграфы и общение, и политику, и, конечно же, послужат и религии...» Есть и неудобство в этой поступи прогресса: провода воют во время ветра. Губернатор Замятнин, однако, пояснил, а Никодим записал в дневнике это пояснение: «Телеграфическая струна воет, это, значит, передают депешу, а не ветер»! То ли пошутил губернатор, то ли на самом деле так думал!

Дом купчихи Беловой, находящийся рядом с Покровской церковью, равно как и сама церковь, уцелели в пожаре 1881 года. Считается, что церковь отстояли от огненной стихии благодаря энергии, решительности и сноровке, проявленным сторожем этой церкви Евграфом Терским. Евграф Терской был из числа отставных солдат, церковь наградила его двадцатью пятью рублями. Впоследствии он был удостоен и серебряной медали.

Наискосок от Покровского собора через площадь — построенный еще во времена губернатора А. П. Степанова (в 1828 году) двухэтажный каменный дом (пр. Мира, 45). В начале 1870-х в нем откроет свое фотоателье упоминавшийся ранее фотограф А. Е. Нитрам. И этот дом, кажется, единственный во всем квар-

Дом М. Г. Беловой (пр. Мира, 54). Фото 2016 г.

тале (по старинному — пятая куртина) от Покровского переулка (ул. Сурикова) до следующего, Яковлевского (ул. Вейнбаума), который уцелеет в пожаре 1881 года! Дом не был разрушен, устоял и во все последующие годы. В современном Красноярске это одно из немногих самых старых исторических городских зданий.

Едем дальше по Воскресенской. По обе стороны улицы — избы, дома с мезонинами, заборы, усадьбы, амбары на задних дворах... Все одноэтажное, деревянное. Но вот по левую сторону — «луч света в темном царстве»: каменный особнячок с фасадом, украшенным декоративными элементами. Не тот ли это каменный домик, построенный в 1832 году для губернской библиотеки? Домик не уцелел в пожаре 1881 года. А где-то примерно здесь в 1909 году был построен по проекту архитектора В.А. Соколовского двухэтажный дом (пр. Мира, 55) для М.Я. Кохановской, владелицы типографии.

Дальше, ближе к перекрестку, — дом с мезонином. Возможно, это дом некоего купца Г.О. Хаймовича; известно, что располагался он где-то здесь.

У перекрестка улицы Воскресенской и Яковлевского переулка (ул. Вейнбаума) обычные избы, глухие заборы. На этом месте купец 1-й гильдии А.А. Смирнов построит большое двухэтажное здание, откроет в нем магазин. Но это случится уже в городе, пережившем пожар 1881 года.

Перекресток — один из самых оживленных в современном Красноярске. Через него идет прямая дорога на Коммунальный мост, связывающий берега Енисея. В 1863 году эта дорога — Яковлевский переулок — выводит на крутой берег. Ступив на него, еще и не оглядевшись, а единственно от ощущения огромности открывшегося пространства не удержаться от восклицания:

— Какой простор!

Но нам не к берегу, а по Воскресенской, прямо. За переулком налево по виду настоящее «дворянское гнездо»: большая усадьба — барский дом с колоннами, дворовыми постройками. Чуть дальше — каменный двухэтажный дом (пр. Мира, 61), один из лучших на эту пору в городе, настоящий миллионер среди трущоб.

Двухэтажный дом наискосок от Покровской церкви, построенный купцом Ф. И. Сколковым в 1828 году. В 1870–1880-е гг. в нем находилась фотография А. Е. Нутрама.

Дом Ф. И. Сколкова (пр. Мира, 45), реставрированный и достроенный. Фото 2016 г.

Золотопромышленник, купец 1-й гильдии
Никита Федорович Мясников

— Остановись-ка, братец, на минутку. Это не мясниковские ли напротив дома?

— Купцов Мясниковых, что ль? Кто его теперь разберет, чьи. По привычке называют мясниковскими. Сам-то Мясников, который строил, давно уж помер, годов, кабы не соврать, больше десятка назад. А после того тут вдова его распоряжалась, брат тоже.

— В доме теперь что? Не гостиница?

— До сего года гостиница и была, «Россия». Теперь закрылась, прогорела, должно быть. Так что если на постой, то лучше дальше проехать, к почтовой станции.

В Красноярске в свое время фамилия выходцев из города Ростова золотопромышленников братьев Мясниковых, Никиты Федоровича и Николая Федоровича, была на слуху. Известный геолог и путешественник Петр Чихачев в 1842 году записал: «Участок Мясникова начал разрабатываться всего три года назад. Первый год дал 10 пудов чистого золота, второй — 36, а третий год — более 80 пудов».

Наиболее успешный из братьев, Никита Мясников, занимался не только золотодобычей, но и пароходным делом на сибирских реках, на Байкале. В Красноярске помимо большого двухэтажного дома на Воскресенской, уставленного мебелью красного дерева, доставленной из Центральной России, который воспринимался красноярцами как настоящий дворец, Никите Федоровичу с супругой Анной Васильевной принадле-

Дом Н. Ф. Мясникова (пр. Мира, 61).
Фото 2016 г.

Дом Н. Ф. Мясникова

жал еще с десятков домов. Один из них, на углу Воскресенской и Лавинского переулка, купила, кстати, семья декабриста В. А. Давыдова. Это случилось уже после смерти Никиты Федоровича Мясникова, последовавшей в 1847 году в Санкт-Петербурге.

Управлять всеми приисками, предприятиями Никиты Федоровича после его смерти взялся через доверенных лиц третий, старший брат — Иван Федорович Мясников, столичный сановник, предприниматель. Но дело, ведущееся на расстоянии, шло неважно. К тому же Николай Федорович Мясников, младший брат, живший в Красноярске, также владевший приисками, оказался вскоре банкротом. Красноярский городской суд, считая капитал братьев Никиты Федоровича и Николая Федоровича общим, вынес решение взыскать с последнего долг в 500 тысяч рублей серебром. В. А. Давыдов в письме от 3 апреля 1848 года сообщал по этому поводу: «Анна Васильевна (вдова Никиты Федоровича. — В. Ч.) из оставленного ей по духовной капитала дает заимообразно 300 с чем-то тысяч серебром для первого удовлетворения кредиторов, остальной долг будет уплачиваться с доходов приисковых, которые будет разрабатывать Иван Федорович. Николай Мясников объявлен поэтому состоятельным, стало быть, ему и детям будет на хлеб. Будет ли шампанское? Сомневаюсь, тем более, что объявлено, что если он и с сего времени сделает еще долги, то никто за него уплачивать их не будет».

Судя по всему, не очень-то хорошая была репутация у Николая Мясникова как делового человека. Красноярский старожил и летописец И. Ф. Парфентьев сообщал о нем сведения, близкие к анекдотическим: свои визитные карточки он от-

Дом И. А. Ребикова на углу Яковлевского переулка
и улицы Большекачинской

Здание бывшей первой красноярской мужской
гимназии (ул. Вейнбаума, 36). Фото 2017 г.

ливал из чистого золота, от дома до Покровского собора на службу ходил с семьей по ковровой дорожке. А однажды взятку для губернатора Падалки, отличавшегося строгостью и честностью, ухитрился поднести в виде лаптей, но — из чистого золота!

Так что неудивительно, что спустя несколько лет он окончательно разорился и за подделку векселя был сослан на каторгу, где и умер.

(К слову, внуки старшего Мясникова, Ивана Федоровича, столичные чиновники Александр и Иван оказались замешанными в деле о подлоге завещания. Дело занимался известный русский адвокат, писатель, общественный деятель К. К. Арсеньев. Дело разбиралось в Санкт-Петербургском окружном суде целых тринадцать лет, с 1858 по 1871 год*. Братьям подлог стоил карьеры. На каторгу они не попали только потому, что основные свидетели за время долгого разбирательства умерли. Но все это уже совсем другая история).

В 1863 году в Красноярске проживал сын Николая Федоровича Николай Николаевич Мясников. В своем дневнике епископ Никодим не оставил его без внимания:

«Гражданина Мясникова, на маскараде в масленицу надевшего ослиную маску (это губернатор принял на свой счет), засадили в острог... затем поспешили лишить всех прав состояния и сослать в Якутск. Ужели есть правда?»

Хочется верить, что на этот раз имеет место выдумка, и Николай Николаевич Мясников ни-

* См.: Дело Мясниковых: Полн. стеногр. отчет с присовокуплением отзывов газ. и журн. о вердикте присяжных заседателей. Санкт-Петербург: Тип. М. Хана, 1872.

куда не был сослан. А если и был сослан, то ненадолго, поскольку уже в октябре 1867 года газета «Енисейские губернские ведомости» сообщала:

«Красноярский городской суд вызывает для слушания решения сего суда по делу о несостоятельности погетного гражданина Николая Николаевича Мясникова к платежу долгов, его Мясникова и кредиторов его ... (перечислены фамилии 17 человек кредиторов. — В. Ч.)»

Двухэтажный дом с роскошной обстановкой Анна Васильевна Мясникова продала, равно как и другие мясниковские дома и прочее имущество (В. Л. Давыдов весной 1848 года по этому поводу записал: «Вина уже продаются, жаль, что купить не на что»). В 1857–1862 годах в доме располагалась гостиница «Россия» Ивана Краузе. В 1864-м дом якобы намеревался купить М. К. Сидоров. Но на этот же дом уже положил глаз губернатор Замятнин, желая приобрести его для будущей гимназии. Архиепископ Никодим не преминул язвительно заметить: «Но кому учиться в сей гимназии, нельзя набрать и 30 учеников».

В конце концов усадьбой и замечательным каменным двухэтажным домом стал владеть Приказ общественного призрения, в ведении которого находились в том числе больницы, госпитали, приюты. С течением времени дом и вся территория вокруг него превратилась, и уже навсегда, в целый больничный комплекс (впоследствии, вплоть до текущего XXI века, городская больница № 1); любопытно: в описании больницы указано, что под зданием находится «система ходов с красивыми сводами» — они сохранились, очевидно, с мясниковских времен). Яковлевский переулок получил, соответственно, название Больничного. Потом стал называться Гимназическим — в честь мужской гимназии, открывшейся в 1868 году. Но открылась она не в бывшем доме Мясникова, как замысливал Замятнин, а через два квартала от него по переулку в сторону Качи и тоже в двухэтажном каменном доме, но более скромном. Его хорошо видно с Караульной горы. В 1863 году никакой гимназии в этом доме и в помине не было, принадлежал он купцу И. А. Ребикову.

Почти напротив дома Ребикова, с 1868 года ставшего мужской гимназией, через переулок — усадьба Потехина, где в апреле 1881 года начался тот самый катастрофический пожар, в котором сгорело пол-Красноярска (390 домов и разных строений в самой населенной, изначальной части города, т. е. от Гимназического переулка до Стрелки). Пострадала в пожаре и гимназия. Новое ее здание было заложено в 1889 году в этом же квартале, но на Благовещенской улице (ул. Ленина).

À propos

О И. А. Ребикове есть упоминания как о горном инженере. Свое состояние он заработал на золотых приисках. Ничем особым в истории Красноярска отмечен, кажется, не был. Свой дом продал перед отъездом всей семьей в Москву в 1868 году.

Сыну Ребиковых Владимиру было на то время всего два года, и в будущем с городом на Енисее его связывала разве что строка в биографии: «родился в Красноярске». Полное имя сына — Владимир Иванович Ребиков (1866–1920). «Видный представитель модернизма и импрессионизма в современной русской музыке», как пишут о нем в энциклопедиях.

От Благо- родного Собрания — к Острожной Площади

...Но обойдемте же собрание,
Посмотрим весь порядок в нем:
Вот зал, из залы обонянье
Ведет в буфет прямым путем,
А по дороге до буфета
Две комнаты пройдете вы —
В одной журналы и газеты
Санкт-Петербурга и Москвы,
В другой бильярд и дым табачный,
А дальше в комнате — в углу
Идет бостон и шум там страшный,
Беда и пальцам и столу!

*Михаил Бутаков. Панорама.
Красноярск, 1855 г.*

От мясниковской усадьбы с кучером № 13 на облучке мы продолжаем неспешное путешествие по улице Воскресенской. В недалекой перспективе — еще два значительных строения квартала. По левую сторону — особняк Благородного собрания (пр. Мира, 67), по правую — двухэтажное каменное здание почтовой конторы. Предназначенный «для пользы и удовольствия» избранных граждан особняк Благородного собрания был построен в 1854–1858 годах по проекту Гавриила Степановича Батенькова.

Батеньков, кстати, и умер осенью, так и хочется сказать, текущего, 1863 года в городе Калуге. Как известно, Батеньков был членом декабристского движения, арестован в 1825 году и приговорен к каторжным работам. Однако вместо Сибири его заключили на двадцать лет (!) в Алексеевский равелин. После отправили на жительство в Томск, в 1856 году амнистировали. Дворянин, участник Отечественной войны 1812 года, Батеньков имел инженерное образование, занимался работами по устройству того же Томска еще до участия в декабристском Северном обществе. Проект в стиле классицизма здания Благородного собрания для Красноярска он выполнил в начале 1850-х годов по заказу губернатора Падалки. Губернатору рекомендовал его В. А. Давыдов, соучастник Батенькова в деле о «возмущении» в Санкт-Петербурге в декабре 1825-го.

Благородное собрание — что-то вроде общественного клуба, куда пускали не всех. Вход был открыт для дворян, богатых купцов, именитых граждан. Благородные собрания устраивались в губернских городах по типу известного московского Благородного или Дворянского собрания. Члены собрания платили ежегодные взносы, должны были соблюдать устав. Мужчинам следовало посещать собрание во фраках, женщинам — в бальных платьях. В Благородном собрании проводились благотворительные вечера, концерты. Сюда приглашались заезжие знаменитости.

Вот как описывает в газете «Енисейские губернские ведомости» некто Любитель концерт скрипача Долгова (концерт состоялся в ноябре 1867-го, но общая обстановка во время него характерна и для 1863 года):

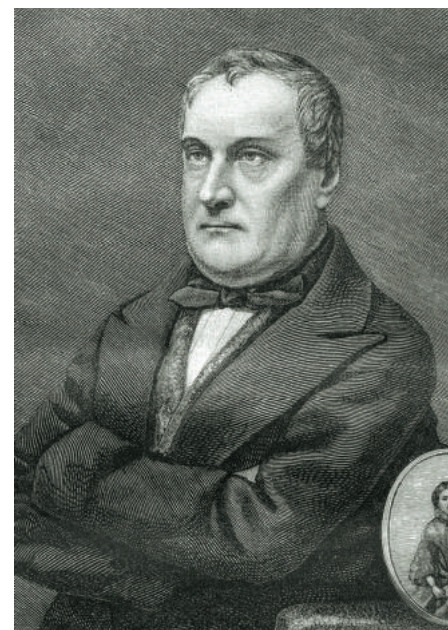
«Разнесенные по городу афиши известили, что 21 г. сего ноября в зале Благородного собрания г. Долгов будет иметь гость дать концерт на скрипке.

*Здания Благородного собрания
и губернской почтовой конторы
(со двора)*

Здание Общественного (бывшего
Благородного) собрания.
Фото начала XX в.

Гавриил Степанович Батеньков

Рады малейшему новому развлечению в Красноярске, мы отправились в собрание в полной однакож уверенности, что судьба пошлет нам едва сносную игру. Нас, признаться, пугала неизвестность имени концертанта в музыкальном мире...

Первые звуки концерта Берго рассеяли наши опасения, а дальнейший ход пьесы уверил, что перед нами не дилетант из так называемых талантов, утешающих родительские сердца, но артист в полном значении этого слова. В зале воцарилась такая тишина, что, казалось, каждый из слушателей притаил дыхание и глотал, как освежающую струю, эти гарующие звуки. Программа, из которой видим гениальные произведения Берио, Гаумана, Арто и Вьетана, дает право вывести заключение о все-

стороннем музыкальном образовании г. Долгова... Игра г. Долгова безукоризненно гиста, строго артистическая, без всяких блесков — без лишних эффектов, каждое выражение понято, обдуманно и передано отчетливо. Певучесть, сила и энергия замечательны, левая рука развита, смычок чрезвычайно долгий.

Отдавая вполне заслуженную похвалу игре г. Долгова, не можем умолчать о изящном и истинно-художественном аккомпанементе на фортепиано, которым поддерживал концерт г. М-ский...

Все, сказанное нами, составляет идиллическую сторону вопроса, теперь перейдем к существенной. Что же получил г. Долгов с концерта за свои хлопоты и труды? Сказать совестно, а утаить невозможно. Скрепя сердце скажем правду — немного, да весьма немного — за отчислением расходов всего 8 руб.!

Чем же объяснить подобное явление? Неужели равнодушием общества? Нет. Красноярское общество любит все изящное и ко всему хорошему относится сочувственно, но оно, что называется, угено и проугено; разные залетные шарлатаны выкрикивали да выпиливали из наших карманов немало целковинов, увозили их далеко, да еще посмеивались над нашим добродушием; вот и пригина, поэтому оно стало недоверчиво и осторожно, да и правду — звезды первой величины редко всходят на красноярском горизонте...

За несколько дней до выступления в Благородном собрании скрипача Долгова в Красноярск приезжала на гастроли труппа актеров «под управлением г. Краузе», следующая из Томска в Иркутск. Труппа сыграла несколько пьес, водевилей и комедий: «Горькая судьбина», «Гувернер», «Гражданский брак», «Новички в любви», «Голь на выдумки хитра» и другие.

Любопытно здесь вот что: спектакли с относительно большим числом актеров уже не могли

быть поставлены в зале Благородного собрания. Где же они проходили? Ответ найдем все в тех же «Енисейских губернских ведомостях»:

«...весьма жаль, что г. Краузе, приехавши к нам в Красноярск со своею труппою, не нашел здесь особого устроенного театра; поему и должен был устроен таковой временный в здании казарм: недостаток помещения, наскоро сделанные авансцена и места для зрителей далеко не могли удовлетворять всем требованиям удобства. А сколько желавших быть в театре, по неимению свободных мест, невольным образом лишились сего удовольствия?

Кстати заметим, что у нас, особенно со времени посещения труппою актеров, стали заметнее поговаривать о постройке театра. Как ни малочисленно население Красноярска сравнительно с другими губернскими городами, и судя по тому кажется нельзя рассчитывать на полную возможность содержания своей постоянной труппы; но тем не менее потребность в театре весьма ощутительна, а потому нельзя не пожелать, чтобы о постройке здесь театра осуществился и поскорее в действительности.

Страшиться за потерю денег для этого дела, по нашему мнению, нет никакого основания; пусть только выстроится театр, и мы уверены, что он не будет круглый год стоять пустым, ибо в том же театральном здании можно давать и концерты и маскарады и музыкальные вечера за известный сбор в пользу самого нововыстроенного театра по примеру того, как это делается во многих губернских городах».

Как известно, здание театра было построено в Красноярске в 1878 году на Острожной площади, переименованной в Театральную. Увы, спустя двадцать лет, в октябре 1898-го театр сгорел дотла...

Но вернемся к Благородному собранию. Горожанам не столь высокого происхождения или достатка в конце концов надоело заглядывать в окна Благородного собрания, за которыми горели свечи, играла музыка, о чем-то вели разговоры известные в городе люди, кавалеры приглашали на танец дам...

И в начале 1870-х в Красноярске создается еще одно собрание — Мещанское, имеющее цель «доставить своим членам, их семьям и гостям возможность проводить свободное время с удобством, приятностью и пользой». Как и следовало ожидать, существование двух клубов, схожих по смыслу своего существования, в небольшом городе привело в недолгом времени к их слиянию. Образовалось Общественное собрание, членами которого могли быть уже все достигшие совершеннолетия, за исключением учащихся, нижних военных чинов, ну и, конечно, всех, кто был осужден или лишен прав. До 1913 года Общественное собрание находилось в здании Благородного собрания.

Для посетителей устраивались балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления, выписывались книги, газеты, журналы. Имелся и буфет, в связи с чем красноярцы свое собрание иногда называли «карточно-распивочно-закусочным заведением».

По поводу праздной красноярской публики епископ Никодим не преминул заметить: «Грустно смотреть на городскую молодежь, вероятно, писцов, подканцеляристов: дерзки, наглы, рассеянны, вертятся, важничают, воображают себя повелителями народа». Прошелся и насчет дам. Нынешние дамы, записал он в дневнике, «наглы и бесстыдны. Губернаторша села на коротенькую софу, где сидел я, со своею копною подолов и юбок; я пересел на стул. Не наглость ли?»

История Благородного — Общественного собрания вобрала в себя множество событий, и не только увеселительных. Так, в 1891 г. здание посетил цесаревич Николай Александрович, будущий Николай II, возвращавшийся через Сибирь из кругосветного путешествия. В честь цесаревича в залах собрания была устроена выставка достижений промышленности, сельского хозяйства Енисейской губернии. Здесь же были представлены некоторые экспонаты Минусинского и Красноярского музеев. В ре-

Губернская почтовая контора. Фото начала XX в.

Почтовый штемпель Красноярска 1865 г.

волюционном 1917-м здание собрания занимал исполком крайсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, затем большевистское издательство «Прис-туп»...

Напротив Благородного собрания — двухэтажное каменное здание, един-ственное, которое возвышается над постройками этой части Воскресенской улицы. Здание — губернская почтовая контора, действующая в городе с начала 1831 года. В 1863 году конторой управлял почтмейстер Марк Мокеевич Матяж. Помощником его служил Ефим Иванович Ведерников, контролер и бухгалтер — Андрей Андре-евич Кугаевский.

Почту везли Сибирским почтовым трактом, шедшим по Енисейской губер-нии от границы с Томской губернией до границы с губернией Иркутской. От Крас-ноярска на север уходил другой тракт — Туруханский почтовый. Транспорт на этом тракте в зависимости от сезона — то лошади, то собачьи нарты и олени упряжки, а то и лодки, а позже пароходы.

В 1863 году в Енисейскую губернию пришло 67189, выслано 66912 писем. На письма (обычно сложенный втрое лист бумаги, с одной стороны собственно письмо) наклеивались почтовые марки (на 1863 год это могли быть марки с номина-лами 10, 20, 30 копеек за лот выпуска 1857–1858 гг.; лот — мера веса, примерно 12,8 грамма). Марки гасились круглым почтовым штемпелем Красноярска, а до февраля 1863 года еще и круглым точечным штемпелем с цифрой в центре 23 — номером, со-ответствующим городу Красноярску.

*Острожная
(будущая Театральная)
площадь*

Рядом с почтовой конторой — почтовая станция, где путешественнику, следуя Сибирским трактом, можно было переночевать, перекусить, выпить чаю.

— Что, барин, дальше едем?

— А давай-ка, братец, свернем направо, в переулок. Хочу на одно зданье взглянуть.

— Это какое же? Там и домов-то немного, Острожная площадь одна только.

— А уездное училище?

— Ну да, училище! Я-то думал, жильцов каких ищите.

— А знаешь ли Суриковых?

— Слышал, но так-то не знаком. Красноярск большущий город, не деревня, со всеми не перезнакомишься.

В Почтамтском переулке по правую сторону — заборы, заборы до самого спуска к Каче, по левую — просторная Острожная площадь. Не площадь, а пустырь. Вдоль площади по обе стороны нечастые избы, дворы, несколько двухэтажных невысоких домов. Пуста площадь. Изъезжена вдоль и поперек. Эшафоты для казней и телесных наказаний, о которых вспоминал В. И. Суриков, возводили на площади всякий раз, лишь когда потребность в том была. После окончания экзекуции или казни эшафот разбирали, видимо, чтобы не удручал горожан.

В уездное училище — одноэтажное белое каменное здание, что на углу Почтамтского переулка и Благовещенской улицы, — Вася Суриков ходил из дома через всю Острожную площадь несколько лет, с 1858 по 1861 год.

À propos

Острожная площадь с эшафотом посреди нее, производимые здесь экзекуции оставили неизгладимый след в памяти В. И. Сурикова. Вот что пишет в книге «Дар бесценный» внучка великого художника Наталья Кончаловская:

«Из окон класса, где учился Вася, видны были площадь и черный эшафот, на котором палач в красной рубаше и широких черных портах высоко над толпой похаживает с плетью. Школьникам была слышна барабанная дробь, которой сопровождалась экзекуция, видна свистящая в воздухе плеть, но редко, сквозь барабанную дробь, слышны были вопли наказуемого, — кричать считалось позором, надо было терпеть молча. Красноярские мальчишки не боялись палачей, они знали их даже по именам: палач Сашка, палач Мишка.

Вася все воспринимал по-своему, необычно, и к эшафоту он относился словно к какой-то суровой исторической необходимости...»

Красноярское уездное училище

Здание бывшего уездного училища
(ул. Ленина, 79 / ул. Перенсона, 26).
Фото 2017 г.

Памятная доска на здании бывшего уезд-
ного училища, где учился В. И. Суриков

Здание училища легко узнаваемое, что в ХХI веке, что в ХIХ, — приземистое, одноэтажное, никаких колонн, портиков, архитектурных украшений. Разве что в 1863 году оно выглядит посolidнее. Но это по той более причине, что вокруг и рядом с училищем или нет никаких строений, или они никак не принижают его своими размерами. А вот бы повстречать рядом с училищем самого Сурикова!

Кстати, летом 1863 года в Красноярске проживал, еще не уехал учитель рисования Николай Васильевич Гребнев (уедет вместе с семейством осенью этого года в Иркутск, где ему обещана более высокооплачиваемая работа). Гребнев — тот самый учитель, кто первым высоко оценил художественное дарование Сурикова. Занимался с ним дополнительно, во внеурочное время, всячески поддерживал его желание поступить учиться в Академию художеств. Рассказывал ему о Саврасове, Пукиреве, Невреве, вместе с которыми обучался в Московском училище живописи и графики. Гребнев продолжал общаться с Суриковым и после того, как тот закончил училище. Брал его с собою на пленэр, «акварельными красками заставлял сверху холма города рисовать... Приносил гравюры, чтобы я с оригинала рисовал. «Благовещение» Боровиковского, «Ангел молитвы» Неффа, рисунки Рафаэля и Тициана. У меня много этих рисунков было», — сообщал сам Суриков в изложении М. Волошина...

С экипажа, остановившегося в Почтамтском переулке наискосок от уездного училища, я напоследок оглядел и Острожную площадь, и Благовещенскую улицу в разные стороны, и само это уездное училище. Вот, подумалось, вдруг откроется дверь...

Дверь и в самом деле отворилась, и на невысокое широкое крыльцо вышли двое: мужчина лет тридцати—тридцати пяти в черном сюртуке, черной шляпе, с мольбертом в руках и подросток. Спустившись с крыльца, они не спеша двинулись по Благовещенской в сторону Стрелки...

— Ну что, барин, дальше поехали? — напомнил о себе извозчик.

— Подожди-ка минутку.

Ну конечно, эти двое — Гребнев и Суриков, кто же еще! Наверняка пошли через мост на Караульную гору рисованием заниматься. Привстав с сиденья, я крикнул:

— Василий Иванович!

Подросток обернулся. Мягкие черты лица, черные волнистые волосы, расчесанные по пробору надвое, редкие усики над верхней губой... Купчик, да и только! Вскользь оглядев экипаж, улицу и здание училища и не поняв, очевидно, кто, кому и зачем кричал, подросток продолжил со своим спутником поход по Благовещенской.

Ну да, какой же он Василий Иванович! Вася, Василий, даже Васька, в конце концов! Он ведь и не догадался, что это к нему по имени-отчеству обращаются! Пятнадцать лет — какой он еще Василий Иванович?!

— Ладно, едем на Воскресенскую!

А о чем, собственно, я мог с ним говорить? О чем расспросить, что рассказать? Сообщить, что его имя прославит Красноярск, а в городе в его честь поставят бронзовый памятник, да и не один даже? Что будут у него правнуки, знаменитые кинематографисты... Стоп! Какие кинематографисты?! Кинематограф-синематограф родится лишь через тридцать лет, в 1895-м, когда братья Люмьер снимут и покажут первый в мире фильм «Прибытие поезда». И как я объясню в 1863-м, что такое кинематограф?! Да и вообще...

— Едем, едем!

Василий Суриков с матерью Прасковьей Федоровной и младшим братом Александром. Фото 1868 г.

КАНТОНИСТ- СКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ГОРОДА

Русские либералы и революционеры, с которыми я здесь встречался, вовсе не являются недоучившимися проповедниками, или бездумными фанатиками, или же людьми, мысли которых трудно понять. Напротив, это обыкновенные, нормальные и вполне понятные люди, а нередко исключительно образованные, рассудительные, умеющие владеть собой — ничем, в сущности, не отличающиеся от нас.

Джордж Кеннан.

Сибирь и ссылка.

Путевые заметки (1885–1886 гг.).

Том 1. СПб., 1999.

И вот вновь Воскресенская — от переулка Почтамтского (ул. Перенсона) до переулка Театрального (ул. Кирова) и далее. Но, между прочим, Театральный переулок в 1863 году вовсе даже не Театральный, каковым он привычно именовался в старые, досоветские времена. И не мог таковым быть по той простой причине, что деревянного здания театра в центре Острожной площади, в честь которого назовут и переулок, и саму площадь, еще и в помине нет. А назывался этот переулок в 1863 году Кантоническим, что требует специального разъяснения. Ну что же, доедем за разъяснением до этого Кантонического переулка — от Почтамтского через один квартал.

К концу XIX — началу XX столетий Воскресенская улица от Почтамтского переулка в сторону Новобазарной площади превратилась в центр города, если считать за таковой улицу, где построены наиболее значительные, дорогие здания, открылись банки и прочие финансовые учреждения, конторы, крупные магазины и лавки, а еще фотографии, аптеки, бытовые мастерские, гостиничные номера. Открылись театр и одна из губернских гимназий...

Но в 1863 году ничего этого еще нет, и улица Воскресенская от переулка Почтамтского вдаль более напоминает городскую окраину. Причем красноярское краеведение тут смущенно умолкает, не имея что-либо рассказать об этом отрезке Воскресенской. Разве что у краеведа Г.В. Ульянова можно найти несколько строк по теме: «В 1820–1850-х годах данный квартал и другой квартал напротив, через дорогу (по обе стороны Воскресенской от переулка Почтамтского до Кантонического, т. е. от ул. Перенсона до ул. Кирова. — В. Ч.), занимали десять деревянных зданий Ремесленного дома. Здесь находились мастерские для ссыльных ремесленников. В 1860-е годы, после закрытия Ремесленного дома, в его строениях размещалась городская пожарная команда. В 1863 г. на месте здания Купеческого собрания (того, что будет возведено по проекту Л. Чернышева; ныне пр. Мира, 71 / ул. Перенсона, 25. — В. Ч.) купец М.К. Сажин построил на свои деньги каменный домик 1-го народного училища».

Каменный домик с довольно привлекательным фасадом (см. соответствующий фрагмент панорамы), столь же отличающийся от обычной избы, как ананас отличается от клубня карто-

феля, и в самом деле обращает на себя внимание на углу Воскресенской и Почтамтского. Вероятно, это и есть, словами из «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири», «каменный дом для народной школы грамотности» Матвея Кузьмича Сажина. Народная школа открылась в сентябре, а в середине лета тут еще последние работы идут.

А вот «десять деревянных зданий Ремесленного дома» вдоль улицы никак насчитать не удалось: насчиталось шесть — три по одну, три по другую сторону улицы, каждое аккуратно напротив другого. Между ними — пустые земли, длинные глухие заборы. Выделяются из прочих два довольно больших дома... Но что это за «ссылные ремесленники»? Скорее, так: ссылкой по месту их ссылки было назначено заниматься ремесленным трудом.

Отыскался на этот счет небольшой фрагмент в «Енисейской губернии» губернатора А. П. Степанова, изданной в 1835 году:

«Шесть больших домов с просторными усадьбами составляют заведение, известное под названием рабочего дома. Он состоит из ссылных и разделяется на семь отделений: плотников и столяров, каменщиков, кузнецов и слесарей, медников и серебрянников, кожевников и шорников, маляров, тернорабочих. В сем ремесленном доме делаются уже не только прекрасные мебели, но даже дрожки».

Миновав весь квартал, который, следуя описанию Степанова, можно было бы посчитать настоящим городом мастеров, мы подъезжаем к переулку, называемому в 1863 году Кантоническим. Это название у переулку самое раннее, присвоенное ему, кажется, в 1830 году. Потом он стал Отделенским, потом Гадаловским. Гадаловским — это уже после того, как И. Г. Гадалов купил под застройку участок по правую, пустоватую сторону Воскресенской,

Дома на ул. Воскресенской от Почтамтского переулка до Кантонического. Первое слева здание, выделяющееся своим фасадом, — народное училище, открывшееся в 1863 г.

Кантонисты. Первая половина XIX в.

снес на нем все и начал возводить большой, в три этажа, дом для универсального магазина и прочих контор. А брат его Н. Г. Гадалов построил, по гадаловской традиции наискосок от дома брата, менее дорогой, но более изящный особняк в стиле, как считается, неоренессанса (тот самый, что в советское время стал «Детским миром»).

Когда посреди Острожной площади появилось деревянное здание театра, переулок сменил название на Театральный. Послереволюционная эпоха привнесла свою топонимику — с 1921 года переулок превратился в улицу Троцкого, с 1929-го — в улицу Солидарности, ну а после убийства С. М. Кирова улица получила имя «нашего Мироныча», как и бесчисленное число поселков, улиц, заводов и проч. по всей стране.

Итак, Кантонический.

— Кантонический... Что это за кантонисты такие?

— Да еврейчата! — полубернувшись, ответил извозчик. — Полячишки еще. Собрали повсюду, вроде как для солдатской выучки, сюда привезли. Дома для них построили. Это давно еще. Не дома — домищи! Муштровали, к ремеслу всякому приучали...

— А теперь что, так и живут здесь?

— Да нет, повыврастали, разъехались. В службу, опять же, служить отправлены...

Для размещения большого училища на шестьсот кантонистов вместе с учителями требовалось немалое помещение. Его и построили в городе — целых три деревянных дома барачного типа на основательных каменных фундаментах. Каждый на двадцать с лишним окон по фасаду. Дома превосходили всю окружающую за-

*Три длинных барака —
дома кантонистов
на Воскресенской улице*

стройку по высоте, даже и нечастые частные особняки в два этажа. А уж в длину их и сравнить в городе почти не с чем было, разве что с гостиными дворами. Один дом за другим, они вытянулись на Воскресенской во всю длину квартала, от переулка Кантонического (ул. Кирова) до переулка Падалкина (ул. Диктатуры Пролетариата). Но крайние дома, первый и третий, имели еще и боковые пристройки — в переулок Кантонический и в переулок Падалкин. Все эти три дома четко отмечены, например, в «Плане Енисейской губернии губернского города Красноярска» 1852 года. Если же дома кантонистов разместить на своих местах в Красноярске XXI века, то будет вот что.

Первый дом разместится на месте универмага «Детский мир» (пр. Мира, 79) и продлится по проспекту еще дальше.

Второй дом встанет ровно там, где находится старое здание педуниверситета (пр. Мира, 83), причем, опять же, в длину он несколько превысит это здание.

Место для третьего дома кантонистов — то, где располагается жилой дом, построенный по проекту В.А. Соколовского в стиле, близком к конструктивизму (пр. Мира, 85). Причем двухэтажный барак кантонистов так точно совпадает со строением Соколовского и по фасаду, и по боковой части, что, кажется, архитектор возводил свой дом прямо по фундаменту барака. Но на самом деле дома кантонистов начали разбирать, раскатывать на бревна

À propos

Поскольку тема «кантонисты в Енисейской губернии» в краеведении практически не отражена, коснемся ее хотя бы вскользь.

Энциклопедия «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года» (т. 2. М., 1996) сообщает: «Кантонисты (от немецкого *Kantonist* — новобранец) в России первой половины XIX в. — малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, принадлежавшие со дня рождения к военному ведомству и в силу своего происхождения обязанные нести военную службу... Указом от 28.8.1827 была распространена натуральная рекрутская повинность на евреев, падавшая главным образом на их неимущие слои...

Всего в 1843–54 в кантонисты взято свыше 29 тысяч еврейских мальчиков. Власти пользовались институтом кантонизма для насильственного обращения еврейских детей в православие... 26.8.1856 император Александр II упразднил институт кантонизма. В 1858 учебные заведения по подготовке кантонистов преобразованы в училища военного ведомства».

Приведем и цитату из книги Н.А. Ореховой и Я.М. Кофмана «Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX — начало 30-х гг. XX вв.)» (Красноярск, 2009 г.):

«По «Уставу о рекрутской повинности и военной службе евреев», подписанному императором Николаем I в августе 1827 г., отменялся денежный залог, которым можно было откупиться от рекрутской повинности, и евреи должны были лично отбывать службу с 12 до 25 лет. Малолетние же евреи (от 12 до 18 лет) обращались в заведения, учреждаемые для приготовления к военной службе», в так называемые «кантоны» — особые батальоны...

В целом продолжительность службы составляла 25 лет как для евреев, так и для христиан. Рекрутов-евреев отправляли на самые дальние окраины Российской империи с целью отвратить их от традиционного религиозно-бытового уклада и приобщить к жизни в русской среде. Из Западной России в Сибирь в правление Николая I привозили каждый год 200–300 подростков 10–14 лет. Не исключено, что некоторые из них прибыли в Красноярск, так как здесь с 1820-х находилось «большое училище кантонистов, число которых простиралось до 572, при нем 20 учителей».

À propos

В 1863 году вспыхнуло новое — не первое, но и — увьи! — не последнее — польское восстание против Российской империи. Помимо Польши оно охватило земли Западной Белоруссии и Украины. Восставшие хотели восстановления Польши в границах 1772 года, вернуть земли, на которых проживали белорусы, украинцы. Восстание подавили в конце 1864 года.

К интересующему нас 1863 году относятся и некоторые страницы обстоятельного трехтомного «Дневника» А. В. Никитенко, историка русской литературы, цензора, академика Петербургской Академии наук. И вот: отдельные записи Никитенко вдруг показались комментарием не только к «делам давно минувших дней», но к самой что ни на есть современности.

Из «Дневника» А. В. Никитенко:

«С кем из умных и честных людей ни говори, все слышишь одно и то же: ужасное время переживает Россия. По делам польским нам угрожает вмешательство Европы, которая с чудовищною ненавистью, кажется, готова растерзать в клочки Россию. А что им сделала Россия? Они забыли 1812 год... Что же это за цивилизация, которая не делает людей ни великодушнее, ни справедливее? Но всего хуже наши домашние враги, эти мелкие журнальные либералы, для которых нет отечества и которые за 25 или 50 лишних подписчиков на издаваемую ими газету готовы проповедовать всякую мерзость, все, что увеличивает наше смятение и горе...» — запись от 19 февраля 1863 г.

«В Европе все опять пустились ругать нас, как говорится, напрапую. Ноты наши очень не понравились. Право, в Европе умных людей меньше, нежели кажется. Там как будто не шутя думали, что Россия согласится на все шесть пунктов, что стоит ей пригрозить и пр. (В июне 1863 г. послы Англии, Франции и Австрии в Петербурге вручили министру иностранных дел А. М. Горчакову ноты с рядом требований по польскому вопросу — так называемыми «шестью пунктами». В ответных нотах Горчаков категорически отверг притязания трех держав вмешиваться во внутренние дела России. — В. Ч.) Но ведь это только в глубине невежества и крайнем тупоумии могли зародиться подобные надежды? Европа хочет у России отнять право развития, цивилизации, право великой державы, добытое ею ценою огромных пожертвований и крови, — и Россия должна уступить, отдать себя на поругание всему миру и истории, и пр. и пр. Это доказывает только одно, что Европа привыкла уступать самому грубому и наглому насилию. Но мы не привыкли...» — запись от 17 июля 1863 г.

Как тут не соотнести попытки вмешательства европейских стран в российские дела времен Никитенко с подобными попытками, объявлением всяческих санкций в наши дни?

если не в конце 1860-х, то в самом начале 1870-х. Ведь уже в 1872 году на месте первого дома кантонистов начал строиться торговый дом (будущий «Детский мир») купца Н. Г. Гадалова. На месте второго в 1881 году был заложен фундамент женской гимназии (будущего педуниверситета). У третьего же дома история оказалась наиболее продолжительной и содержательной.

Из списка казенных и общественных зданий, составленного красноярской городской думой в 1850 году, известно, что к этому времени кантонисты занимали только два первых дома. А в третьем доме размещались городские присутственные места, читай — губернское правление. В середине XIX века губернское правление представляло собой своего рода исполнительную канцелярию при губернаторе. К слову, канцеляристом третьего разряда в 1864 году в губернское правление поступил Василий Суриков.

Иркутский чиновник и литератор В. П. Паршин в своем «Описании пути от Иркутска до Москвы, составленном в 1849 г.» записал впечатление от кантонистского дома: «Присутственные места занимают хотя и обширный, но очень мрачный деревянный дом».

И вот еще одна цитата из «Прогулки по Красноярску» краеведа Г. В. Ульянова: «После закрытия училища кантонистов на месте дома некоторое время действовала пересыльная тюрьма (1850-е — 1885 гг.). Тюрьма несколько раз перемещалась вдоль улицы на запад и закончила свой путь на другом углу этого же квартала». То есть пересыльная тюрьма закончила свое перемещение именно в третьем доме кантонистов, что на углу Воскресенской и Падалькина переулка.

Пересыльная тюрьма и Енисейское губернское правление, орган губернского управления, — в одном здании! Власть и осужденные, преступники под одной крышей!?

Исправительная система в Красноярске оказалась столь неподготовленной к массовому наплыву ссыльных, что содержала их по соседству с чиновниками.

Епископ Никодим в мае 1865 года возмущенно записывает в своем дневнике: «Через Красноярск проходят партии преступников — поляков, осужденных в каторжную работу. Их поместили в здание губернского правления. Видно, в остроге нет места. А острог на 400 человек! Такие тучи преступников стекаются в Сибирь!» В сентябре того же года Никодим продолжает тему: «Польские преступники, содержащиеся в Красноярске (в корпусе, где были присутственные места), взбунтовались. Едва ли не было и смертных случаев. В городе страх и уныние»...

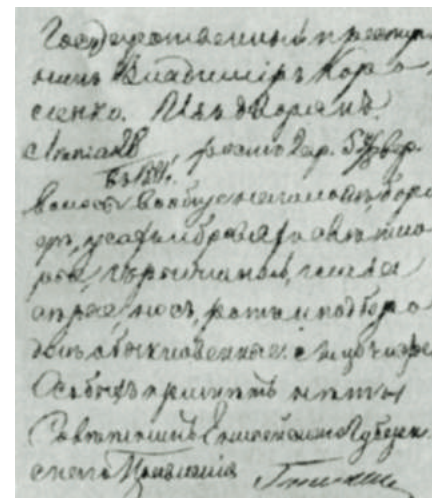
В краеведческой литературе есть сведения о том, что в этой странной по месту своего расположения пересыльной тюрьме летом 1864 года по дороге в вилуйскую ссылку некоторое время содержался Н. Г. Чернышевский. А в 1881 году — писатель В. Г. Короленко по дороге в ссылку в ту же Якутию.

Насчет Короленко — это как-то сомнительно. Во всяком случае, на тех страницах «Истории моего современника», которые посвящены пребыванию Короленко в красноярской тюрьме («Я прожил в Красноярске двенадцать дней»), нет никаких указаний, что это была тюрьма в деревянном корпусе на улице Воскресенской. Короленко содержался в старом большом белом каменном тюремном здании на окраине города. Где, как пишет Владимир Галактионович, он «застал довольно интересных людей», среди которых были такие революционеры, как А. В. Долгушин, С. Н. Южаков и другие.

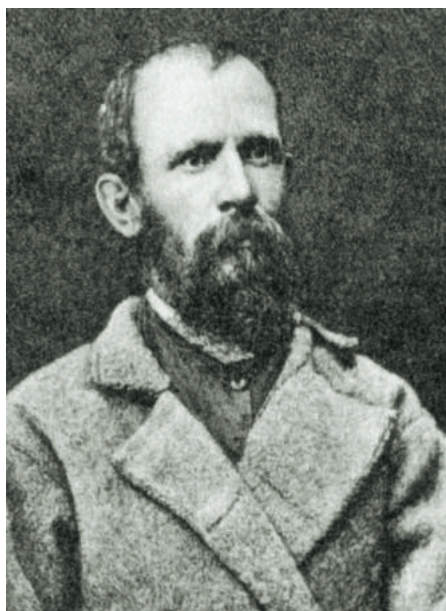
Короленко вспоминает:

«В центре, как самая значительная фигура, стоял Долгушин, именем которого называли один крупный политический процесс (долгушинцы). Он отстал «по болезни» от той политической партии, которая еще при мне прошла через Пермь. Дело долгушинцев было чисто пропагандистское. О терроре еще не было и речи... Его отец был губернским прокурором как раз в Красноярске, и его влиянием, а также лорис-меликовскими веяниями объяснялось то обстоятельство, что Долгушину удалось на время остаться в Красноярске...

Познакомился я с С. Н. Южаковым. Те, кто знал Сергея Николаевича в петербургском периоде его жизни, не представляют себе того ху-

Владимир Галактионович Короленко. Красноярск, 1881 г. Из надписи на обороте фото: «Государственный преступник Владимир Короленко. Из дворян. Лет 28 в 1881 г. Роста 2 ар. 57/8 вер. <...> Особых примет нет. Советник Енисейского губернского правления (подпись)»

Народоволец Ипполит Мышкин

дощавого, огчень живого и изящного молодого теловека, которого я увидел в красноярской тюрьме. Высокий, стройный, одетый с очевидной заботливостью, он производил впечатление изящного джентльмена... Общество в Красноярске собралось симпатичное».

Между прочим, фамилия В.Г. Короленко упоминается в списках известных узников, представленных в исторической экспозиции, созданной в этой тюрьме в наше время.

В пересыльной тюрьме, разместившейся в доме кантонистов (кстати, через отделения губернского правления велось руководство полицией, судами), в первой половине 1860-х начали размещать, как и записал Николай, поляков, осужденных в каторжные работы после польского мятежа 1863 года, потоком шедших в Сибирь. Так, одним из этих поляков был Владимир Баратынский, после отбытия каторги и ссылки прижившийся в Сибири. В Красноярске он служил помощником кассира в Отделении Госбанка. В его воспоминаниях есть строчка: «В конце января (1865 г., во время этапа в Забайкалье. — В. Ч.) мы были в Красноярске, где, простояв три или четыре дня в пересыльной тюрьме, которая в то время вовсе не была похожа на пересыльную тюрьму...» («Русская старина», 1886, № 9). Здание присутственных мест, в котором вдруг взялись размещать ссыльных поляков и прочих осужденных, — такая пересыльная тюрьма, конечно, очень необычна, мягко говоря.

Как делилось помещение бывшего дома кантонистов между губернским правлением и осужденными? Вероятно, правление размещалось все же таки в той части здания, что располагалась вдоль главной улицы города, Воскресенской, а пересыльной тюрьме отводилось боковое крыло здания вдоль переулка Падалкина.

Попадали ли когда-либо дома кантонистов, как и вообще улица Воскресенская в этой части, в объектив фотографа в 1860–1870-е годы? Но первым фотографам города (напомним, фотоателье Г.Х. Кеппеля открылось в 1865 году) мысль снимать дома и улицы нечасто приходила в голову. Дома как дома, что в них интересного? А вот на упоминавшейся выше акварели «Вид Красноярска» 1842 года, приписываемой Алиберу, которая, как указывает историк, «значительно расширяет наши представления об облике Красноярска», дома кантонистов разглядеть можно. Но лишь два дома из трех, что можно отнести к оплошности художника, как-то выпустившего из виду третий дом. А впервые все дома кантонистов, как

и другие ранние здания города, предстают перед нами в подлинном своем виде на фотопанораме 1863 года.

...Наш экипаж во главе с извозчиком № 13 продолжает неспешно следовать по Воскресенской. По левую сторону улицы — длинные высокие бараки с потемневшими от времени бревенчатыми стенами: три строения на целый квартал. Исполненные мрачного величия, они просто-таки подавляют все окружающие дома и домишки с их флигелями, пристройками, сараюшками, амбарами и проч.

Суриков неподалеку жил, а вот не догадался хотя бы в карандашном эскизе запечатлеть эту часть улицы. Впрочем, правая ее сторона вполне обычна. Деревянные дома, два или три каменных... Известно, что в одном из тутошних домов (а именно в доме чиновника В.И. Вавилова; впоследствии на его месте будет построен трехэтажный доходный дом И.З. Либмана, ныне пр. Мира, 96) в 1865 году разместил свою фотографию Г.Х. Кеппель.

Самыми желанными клиентами Кеппеля, приносившими ему постоянный и хороший доход, были как раз ссыльные, каторжане, следующие к месту отбытия наказания через красноярскую тюрьму. Кеппель снимал их в своем ателье по заказу Департамента полиции для архива Енисейского губернского жандармского управления.

Вот один из случаев, когда такая съемка принесла жандармам реальную пользу. В 1881 году Кеппель сфотографировал народовольца Ипполита Мышкина, отправленного на каторгу в Забайкалье. Мышкин с каторги сбежал. И так удачно, что по чужим документам добрался до Владивостока. И уже садился на пароход, отправлявшийся за океан... Но — стоп! Кто-то

из бдительных и внимательных жандармов присмотрелся к одному из пассажиров: «Мышкин? Арестовать его!» Оpoznать Мышкина помогло фото, сделанное в Красноярске Кеппелем.

А герр Кеппель еще и приработок от карточек осужденных имел, продавая их всем желающим. Вот строки из письма одной из покупательниц кеппелевских фото своей знакомой. Письмо датируется 1898 годом: «Я купила и себе карточки. У фотографа карточки всех ссыльных, проходивших через Красноярск с 1882 года. Конечно, продает нелегально. Назови фамилию лиц, которых желаешь приобрести, их у него около 2000...»

А что же расписка, данная Г. Х. Кеппелем вместе с А. Е. Нитрамом в 1882 году, не производить продажу фотокарточек, «снятых с государственных преступников»? Но вот что пишет Н. Николаевский, автор книги «Тюрьма и ссылка» (М., 1898, цитируется по книге Г. Хаита «Поиск продолжается»):

«Так как казна оплачивала первые и наиболее дорогие картотки, то фотография имела возможность продавать их ссыльным по сравнительно дешевой цене. Губернатор разрешил ссыльным покупать свои картотки, посылать их в письмах родным и знакомым...»

Получается, продажа снимков заключенных была в конце концов разрешена!

Самая большая коллекция таких фото собрана, видимо, в Нью-Йорке, в Нью-Йоркской публичной библиотеке, куда они попали через журналиста Д. Кеннана, путешествовавшего по Сибири в 1885-1886 годах, написавшего книгу «Сибирь и ссылка».

НОВО- БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ И ВОКРУГ

На новой площади и около нее предполагается к постройке дом для губернатора, здания для присутственных мест, биржа, дума, богоугодные заведения, семинария и прочее, в настоящее время тут же находятся полиция и частные управы, пожарная часть и прочее.

*Из «Предписания
генерал-губернатора Восточной Сибири
Енисейскому гражданскому губернатору».
1861 г.*

Ну вот, бараки кантонистов позади. Мы подъехали к переулку, недавно названному Падалкиным (ул. Диктатуры Пролетариата) в честь Василия Кирилловича Падалки, Енисейского губернатора, ушедшего в отставку летом 1861 года, память о времени правления которого была еще жива. Одна из жительниц Красноярска вспоминала: «В городе лучше всего стало при Падалке. Вот человек-то был. Никого не боялся. Оденется в само плохое, да и идет в какую хошь трущобу, и полицию в руках держал. Сад он обнес забором, провел дорожки и аллеи устроил, беседки; китайская беседка роскошная была...»

— Падалка прежде, до губернаторства, должно быть, боевым генералом был. Красноярск знал такого... Роста немалого, взгляд свирепый, за словом в карман не лез!

— Кого там! — махнул рукой извозчик, даром что вожжи в другой руке держал. — Роста обыкновенного, даже, можно сказать, мелкого. А слова да... Бывало, так пошлет по непечатному, что только держись!

— А ты что же, знал его?

— Ну как знал? Видел не раз. По нашему извозничьему делу приходилось с его кучерами дело иметь. Рассказывают, шибко пьяниц не терпел. Да все уж знали об этом. Заехал он как-то в лавку к Водовозову купцу штуку материи купить. Приказчики отлучились, а тот еле на ногах стоит по запойному состоянию. Так, веришь ли, как Падалку увидел, вмиг отрезвился! И штуки материи все показал, и цены без ошибки назвал. А едва Падалка уехал — снова пьян сделался!

— Может, Падалка сам раньше запойным был? Бывают такие, что бросят пить, так совсем уж нетерпимыми ко всем пьющим становятся.

— Может и так, — усмехнулся извозчик. — Тпруу!..

Извозчик натянул вожжи, взял в сторону, правее, от наезжавшей навстречу кареты. Не сбавляя ходу, карета, запряженная парой лошадей, на рессорах, проследовала дальше.

— Да тут движение у вас такое, что того и гляди под лошадь попадешь!

— Его преосвященство проехали, владыка Никодим! Знамо, из собора едет...

*Дома на улице Воскресенской
и начало Новобазарной площади*

После Падалкина переулкa перед нами открылось огромное пространство, что называлось Новобазарной, или Новособорной площадью.

Новобазарная — это горстка лавочек, десятка, наверное, полтора деревянных прилавков под крышами на случай дождя или ветра. Никого в них на сей час не было, ни продавцов, ни покупателей, хоть и погода стояла чудесная. Дело в том, что торговля тут шла по базарным дням, коими были назначены пятница и суббота.

От Новособорной — белокаменный собор, больше схожий с католическим, нежели православным, в центре этой площади. Впрочем, какая же это площадь? Поле, довольно кочковатое, через которое вела проселочная по виду дорога. Проливной дождь превращал, конечно, и дорогу, и всю эту, так сказать, площадь в некое место, крайне неприятное не только для прогулок, но и простого, по необходимости, пересечения его из края в край. Между тем основа для поля-площади была такая, что ни в заливной луг, ни в полностью заболоченную местность оно бы никак не превратилось. Ведь раньше здесь стоял крепкий сосновый в основном лес, который сначала красная — сердцем яры, а потом и трудолюбивые их потомки извели на постройку своих изб. А уж первый губернатор Степанов повелел отгородить остатки леса, устроить городской сад.

Почему было бы не водрузить собор посреди Острожной площади? Места там хватало, да и район более обжитой... Так оттого, видимо, и не поставили, что площадь эта — Острожная. Даже если и переименовать ее, то куда же денешь души страдальцев здешних? Сказать по-современному, ауру ее? Казни, жестокие наказания... Вдруг да залетят грешные души под высокие своды, роптать будут о милости, снисхождении, сочувствии, прихожан смущать?..

Последние дома по левую сторону Воскресенской перед Новобазарной (пусть будет это название) площадью — всего пять домов с усадьбами. Как эта часть улицы изменится спустя годы? На месте избы с участком земли за забором, с ко-

À propos

В 1890-м году у Г. Кеппеля очередной переезд, он перебирается со своей фотографией на Благовещенскую улицу. Здесь, «в доме Бусыгина», он продолжает снимать ссыльных, о чем сохранились воспоминания, но уже не народников, уступивших к этому времени свое место на исторической арене марксистам. И происходила эта съемка буквально до последних дней жизни Г. Кеппеля, следовавшей осенью 1900 года.

Вот что сообщает о Кеппеле в одном из своих писем ссыльный марксист М. А. Сильвин: «...На днях умер der alte Kerpel, фотограф, у которого снимаются политические; он уничтожил все карточки (более 800), но все негативы и коллекции фотографий 2000 убийц уцелели. Духовное завещание составлено в пользу женщины, жившей с ним более 30 лет; душеприказчики Тютчев, Гуковский, Ряховский и Калабин перед смертью хотели купить интересные негативы, но он запросил сначала 120 руб., а потом 1000, покупатели отказались. Недешево, во всяком случае, ценное, и душеприказчики думают обратиться к Ломброзо или русским ученым (еще не решено).

Любопытный инцидент в день его смерти: когда наша публика собралась в комнате покойного, вдруг рухнул потолок в комнате, где снимают. Вскоре ввалились солдаты, привели снимать каких-то политических, Орловых и еще кого-то. Гуковский заявил себя хозяином, но во избежание недоразумений предложил солдатам сходить и узнать у начальства, как поступить, что те и сделали, а Орловы пока посидели здесь.

Мы с Фрицем (Ф. В. Ленгником. — В. Ч.) были у старика накануне смерти. Он сначала нас не узнал и принял более чем холодно. Но скоро дело разъяснилось, и мы дружески жали друг другу руки. Жаль старика!»

торой она начинается, встанет деревянный двухэтажный дом. А потом на месте его и следующего дома построят двухэтажное кирпичное здание (пр. Мира, 87 / ул. Диктатуры Пролетариата, 23), в котором будут находиться, сменяя одно на другое, разные торговые заведения, а в 1913 году — квартира Енисейского губернатора И. И. Крафта.

На месте углового деревянного дома, последнего в этом небольшом квартале, братья Даниловы построят большое, тоже угловое одноэтажное кирпичное здание с красивым фасадом. От него, собственно, и начинается Новобазарная площадь, впоследствии ставшая площадью Революции. Переулок Садовый, что ведет от углового здания к городскому саду, придет время, переименуют в улицу Дзержинского — оттого, конечно, что возведут на ней огромный особняк Управления КГБ. А кирпичное угловое здание все еще будет стоять на своем месте. И только где-то после 1957 года оно будет снесено, уступив место строящемуся издательскому комплексу «Красноярский рабочий».

Наиболее интересен для нас деревянный, на пять окон по фасаду, двухэтажный дом, принадлежавший дворянке Высоцкой. В 1863 году он самый большой в квартале. Именно в этот дом в 1881 году с улицы Воскресенской переселился со своей фотографией Г. Х. Кеппель. Сюда стали водить ссыльных для съемки. Вот фрагмент из воспоминаний народника, члена Исполнительного комитета «Народной воли» Николая Буха, осужденного по делам его на полтора десятка лет каторги. Они относятся к 1881 году:

«...Нас группами по 5–6 человек повели по улицам Красноярска в местную фотографию. Улицы Красноярска, по которым нас вели, обрамлялись одноэтажными домиками и длинными дощатыми заборами усадеб. Только изредка попадались деревянные двухэтажные дома. В одном из таких домов находилась фотография. Хозяин ее принял нас любезно, усадил на мягкую мебель своей приемной и разложил перед нами альбомы с многочисленными фотографическими карточками наших товарищей, раньше нас проследовавших в Восточную Сибирь».

Другой народоволец, Александр Прибылев, прибывший в Красноярск с десятью своими соратниками, осужденными по «процессу семнадцати», прошедшему в марте — апреле 1883 года, вспоминал:

«...В Красноярске было обыкновение со всех проходящих в дальнейшую ссылку снять фотографию... Все мы должны были отправиться всей гурьбой в фотографию

Двухэтажный дом, в котором находилось ателье Г. Кеппеля, а затем и «Моментальная фотография Аксельрод», как указывает вывеска на доме

Аксельрода. Нам это доставило только одно удовольствие: выйти из стен тюрьмы для настоящей прогулки по городу, хотя и под конвоем, — казалось нам верхом благополучия, а нагаальство, кроме того, давало нам право заказать фотографу по одному экземпляру карточек для отсылки родным... Путешествие по городу длилось недолго, самого города в сущности мы не видали, ибо фотография находилась где-то на окраине и идти нам приходилось больше пустошами, тем улицами. Все же от города полугалось кое-какое впечатление и, надо сказать правду, не в его пользу. И эта большая деревня, какой представлялся нам Красноярск, уже не была нам в диковинку — пройденные нами города не очень много выигрывали по сравнению с ним.*

«Фотография Аксельрода» — в 1883–1884 годы это была, конечно, фотография Кеппеля на Новобазарной площади, М. Б. Аксельрод мог фотографировать ссыльных как помощник Кеппеля, отчего и остался в их памяти. Сюда из тюрьмы и путь лежал, действительно, «больше пустошами» — через ту же Новобазарную площадь, скорее представлявшую собой большой пустырь.

На Воскресенской помещение фотографии Г. Х. Кеппеля после его перемещения на Благовещенскую займет М. Б. Аксельрод, и фасад дома чуть не во всю его длину украсит вывеска: «Моментальная фотография Аксельрод».

Такая привлекательная особенность фотоателье («моментальная фотография») отражалась и на паспорту. Есть паспорт с текстом на обороте «Мгновенная съемка

«Специальность детских портретов моментальным способом» — один из фирменных знаков фотографии М. Аксельрода

* Сибирские записки. 1916. №3. С. 40.

Кафедральный собор и часть Новобазарной площади

Красноярский
кафедральный
Богородице-
Рождественский собор.
Литография 1890 г.

фотографии Кеппель», есть паспарту Аксельрода с указанием «Специальность детских портретов моментальным способом». Относятся они к концу 1880-х годов (вероятно, можно найти подобные и более ранние). Надо полагать, что в эти годы возможность делать моментальные снимки, т. е. без длительной выдержки, воспринималась как большое новшество в фотографическом деле.

На Воскресенской улице, уткнувшейся в Новобазарную площадь, фотография М.Б. Аксельрода будет находиться до середины 1890-х годов — 1895-го или 1897-го. Есть снимок 1890-х годов, на котором можно видеть фотоателье М.Б. Аксельрода с упомянутой вывеской на фасаде. Потом оно переедет в дом Покровской церкви на Воскресенской улице (пр. Мира, 45).

Но в 1863 году фотографическая будущность квартала, последнего на Воскресенской перед Новобазарной площадью, еще впереди. Ему еще предстоит попасть не только в хронику развития фотографии Красноярска, но и в историю революционного движения в стране, в ту ее горестную часть, что связана с народническо-марксистской ссылкой.

Едем далее по Новобазарной, так называемой площади. Иными словами, по полю, изъезженному так и сяк, с грязными лужицами то там, то сям, а то и участками откровенно непроходимой грязи. Это с Караульной горы Новобазарная площадь выглядит вполне пристойно. Действительность же много непригляднее.

Слева вдали — знаменитый красноярский городской сад — участок смешанного леса в природном своем состоянии, обнесенный, как уже отмечалось, при губернаторе Падалке хорошей оградой, «окрашенную решеткою». Перед входом в сад вытянулся каменный гостиный двор — одноэтажные торговые ряды, даже издали имеющие вид пока что необжитой, не занятые торговыми лавками «по причине отдаленности от центра города».

Справа — Всехсвятская церковь во всей своей красе, всего лишь 43 лет от окончания ее строительства и освящения.

А вот и Богородице-Рождественский собор, творение Константина Тона, автора храма Христа Спасителя в Москве. Между прочим, по проекту того же Тона в соседнем Томске строился Троицкий кафедральный собор. Но, в отличие от красноярского, он возводился по типовому проекту, внешне несколько напоминал храм Христа Спасителя в Москве. Странное совпадение трагических событий: в 1849 году верхние своды уже построенного собора в Красноярске обрушились, а в следующем году такое же несчастье постигло и томский собор, причем четверо рабочих-строителей при этом погибли.

Богородице-Рождественский собор восстановил и достроил за свои деньги купец Сидор Щеголев. Вся история возведения собора много раз описывалась. Можно лишь добавить, что именно

в 1863 году, как писали «Енисейские губернские ведомости», «1-й гильдии купец Исидор Щеголев, по представлению Святейшего Синода, Всемилоостивейше пожалован в 22-й день июня 1863 г. кавалером ордена Св. Анны 2-й степени с Императорскою короною за сооружение в г. Красноярске кафедрального собора».

— А что, службы-то в новом соборе давно идут? — спросил я извозчика.

— Идут! Года уж полтора, а то и поболее. Как Никодим в город приехал, так и начались. Епархию, вишь, организовали...

— Ну да, Енисейская епархия, а Никодим возглавил ее.

— Возглавил! — усмехнулся извозчик. — А Сидор-то Григорьевич? У него свой счет. Епархию открыли, потому что есть собор, так считает. А на чьи деньги его построили? То-то и оно! Расхаживает по собору по-хозяйски! А супружница его, так та, как в кураж войдет, всем духовным в соборе норовит распоряжения давать, будто своей домашней прислуге. Собор-де мой муж выстроил, я тут хозяйка! Даже приказчик Щеголева, что в соборе помощником старосты служит, и тот нос задирает.

Вблизи собор не производил впечатления такого уж грандиозного сооружения. В высоту — ну этажей двенадцать, может быть, четырнадцать, едва ли больше. Хотя для Красноярска 1863 года высота вполне достойная. Католические мотивы во внешнем облике тоже не столь очевидны, как издали. Если смотреть снизу, то никакого католицизма и не разглядеть. Вызолоченные купола на главах, кресты — все сияет, все православное!

Но очень недостает ограды вокруг собора. Это как картина без рамы. Ее, ограду, все тот же Сидор Григорьевич построит в недалгом вре-

Дом, строительство которого купец М. К. Сажин заканчивал в 1863 г.

мени — каменную, с чугунными решетками, тремя чугунными же воротами. В 1867 году он и каменную часовню возведет с восточной стороны от собора. Все-таки Сидор Григорьевич истинным хозяином был, что ни говори. Взялся собор строить — так и достроил его до последнего гвоздя, кирпича или, если продолжать сравнение с картиной, до последнего штриха, мазка кистью.

— Свернем-ка здесь вправо, проедем вдоль во-он тех заборов.

— Как скажете, это нам не затруднительно.

Направо, напротив собора, через поле, т. е. часть площади (в современном Красноярске — сквер им. Сурикова), — большой участок огороженной территории. При-

Всехсвятская церковь и двухэтажный дом, построенный купцом М. К. Сажиним.
Фото начала XX в.

купила его Татьяна Ивановна Щеголева, не уступающая супругу в деловой разворотливости. В 1863 году участок пустует, но в 1870-м Щеголева построит здесь двухэтажный каменный дом специально для городской богадельни — заведения для призора дряхлых, увечных и неизлечимых нищих, как объясняет это слово В. И. Даль. На средства Щеголевой, завещанные ею городу, был куплен уже после ее смерти и следующий двухэтажный деревянный дом — для открытия в нем приюта для девочек. Оба эти учреждения — и богадельня, и приют — еще долго существовали на капитал, специально выделенный Щеголевой.

Если же посчитать, сколько всего Сидор Григорьевич и Татьяна Ивановна Щеголевы пожертвовали на благотворительность, строительство и открытие общественнополезных учреждений, на образование, помощь погорельцам, бедным гражданам, больным и раненым воинам, потратили на церкви, их обустройство и т. д. и т. п., то, наверное, и в самом деле их можно назвать настоящими хозяевами всего того, что было создано, построено с их щедрой помощью. Ну а кураж и спесь, претензии на особое положение супругам Щеголевым, пожалуй, можно и простить, припомнив все сделанное ими для Красноярска и его жителей. На этом щеголевскую тему, можно считать, мы всю «проехали» в нашем путешествии по Красноярску. Хотя семейству Щеголевых стоило бы посвятить значительно более обстоятельный рассказ.

...Где-то впереди, кажется, стучат молотки. Так оно и есть: в одну линию с огражденной территорией, принадлежащей Т. И. Щеголевой, достраивается основательный двухэтажный кирпичный дом в классических традициях, как сказал бы архитектор. Часть строительных лесов не убраны, но сам дом построен, над крышей подняты стропила, здесь еще трудятся плотники. Очевидно, к осени строительство дома будет полностью завершено.

А я ведь бывал в этом доме! Вспомнились 1970-е где-то годы: тогда этот дом как-то пониже выглядел, осел, видимо, за сто с лишним лет в землю. Называли его о ту пору Домом колхозника. На первом этаже, слева, от самого края, столовая располагалась, ступеньки вниз шли, кажется. Столовая так себе. Да и время было не очень на разнообразие в еде обильное, в столовых еще и каждый четверг рыбным днем объявлялся... Дом этот, который вот сейчас, в 1863 году, достраивается, был в одночасье снесен в середине 1980-х. Был и нет, несмотря на всю его многосодержательную историю...

À propos

О купце Матвее Кузьмиче Сажине, строителе дома, известно немного, вот лишь некоторые подробности.

В «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» (т. 2, Новосибирск, 2013) о нем сказано: «Сажин Матвей Кузьмич (р.1824) — красноярский купец 1-й гильдии (1870), затем 2-й гильдии (1882). Занимался золотопромышленностью, но в 1883 из-за неразработанности его рудник в Мариинском округе был зачислен в казну; с торгов за долги разным лицам продано два дома Сажина, оцененных в 18215 р. Кандидат в городские судьи (1871–1873), построил в городе каменный дом для народной школы грамотности (1863). Семья насчитывала 7 человек».

Народная школа — это та самая, что на углу Воскресенской и Почтамтского переулка. Строил Сажин по контракту, заключенному с городской думой, и Гостиный двор на Старобазарной площади. Осенью 1864 года Сажин откроет собственный чугуно-литейный завод; взглянуть на него приедут епископ Никодим вместе с протоиереем. Может быть, здесь и отольют чугунную ограду для собора?

Весной 1865 года, после утверждения Енисейским губернатором плана на застройку зданий при архиерейском доме, подряд на их возведение получил тоже Сажин. Под его руководством строились деревянные дом для епископа с домовою церковью, дом для братии, кухня, баня, корпуса холодных строений.

В 1871 году Сажин построил и придорожную часовню у Троицкой церкви.

К сожалению, о последних годах жизни М. К. Сажина, о том, где умер, похоронен, сведений нет.

*Здание, где располагались
пожарная и полицейская части*

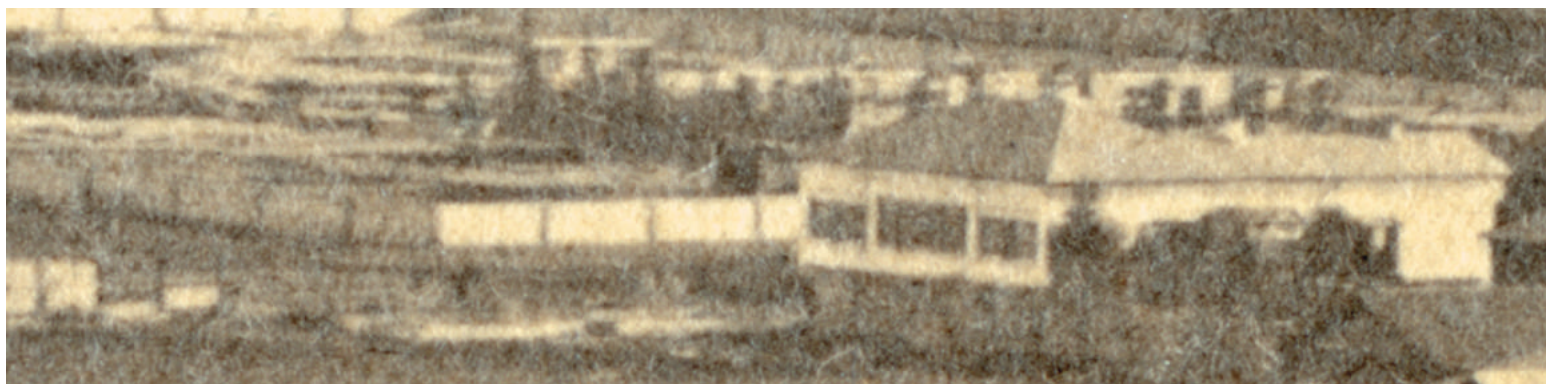
Впрочем, об этом доме и тех, кто жил или останавливался в нем, уже было сказано в первой части книги. Подчеркнем лишь особенное значение его в определении точной даты фотопанорамы — 1863 год.

После дома Сажина поворачиваем налево, едем, опять же, вдоль большой огороженной незастроенной территории. И только в ее центральной части — двухэтажное здание (низ каменный, верх деревянный) с высокой башней-каланчой — пожарная часть. Здесь же располагалась и полицейская часть. Тутешним огнеборцам выпало принять участие в тушении пожара 1881 года. Но увы! — пожаротушительная техника того времени была такова (а вернее, ее совсем не было), что пожарникам при всей их отваге и мужестве оставалось только издали смотреть, как огненная стихия пожирает дом за домом...

Но вот мы подъезжаем к дому с особенной историей — он и через сотню с лишним лет после 1863 года будет стоять на своем месте. Единственный уцелевший из всех современных ему зданий вокруг Новобазарной площади, начиная от Богородице-Рождественского собора в центре ее, Всехсвятской церкви в северо-западной части.

Это дом Василия Дмитриевича Касьянова, назначенного протоиереем Кафедрального собора в 1862 году, вскоре после его открытия. Дом построил купец И. И. Токарев и передал его собору. Касьянов был, можно сказать, потомственным священником. И отец его, и дед, и прадед, и прапрадед являлись священниками, служили в церкви села Пировского. В церковную службу с малых лет определен был и Василий Касьянов. После окончания духовного училища, духовной семинарии в Иркутске приступил к службе в Енисейске. С 1857 года он служил протоиереем Воскресенского собора в Красноярске.

*Дом протоиерея В. Д. Касьянова
и огражденная территория
будущего Архирейского дома*

В доме у Новобазарной площади Касьянов со всем семейством прожил до своей кончины осенью 1897 года. Похоронили Василия Дмитриевича в ограде собора, как и Сидора Григорьевича Щеголева и супругу его Татьяну Ивановну. Собор, как известно, был разрушен и снесен большевиками в 1936 году, все захоронения при соборе уничтожили. А дом Касьянова устоял.

В конце 1894 года престарелый Касьянов получает телеграмму из Петербурга: в Красноярск выезжает внук протоиерея Петруша Красилов. По поводу этого неожиданного приезда он записывает в дневнике: «Куда, с кем, зачем, неизвестно. Опять на мои хлеба — полное огорчение?!» Петр Красилов с молодых лет проникся революционными идеями и к 24 годам превратился в законченного марксиста. В 1894-м его, студента Петербургского университета, за распространение революционной литературы выслали в Красноярск на три года под надзор полиции.

Что внук — «вольница-внук», как называл его Касьянов, — что внучки Евгения и Елизавета, жившие в доме протоиерея, своими поступками, поведением не очень-то радовали. Внучки — нигилистки, внук — бунтарь. «Я огорчен до болезненности, не мог спокойно спать. Во внуках не видно никакой церковности», — записывает Касьянов в дневнике. Венчание Петра Красикова с невестой Викторией Пржигодской прошло «не по-нашему, не по-людски, не по-современному». Молодежь в доме Касьянова устраивает вечеринки, веселится до полуночи и за полночь. При этом случается и такое: один из гостей, записывает Касьянов в дневнике, очутился «в ложнице (спальне. — В. Ч.)» девицы Евгении. Меня это смутило, и я часа три не спал... Э-эх, небось, думал протоиерей, ворочаясь с боку на бок, что же это за молодежь пошла! И ведь и слова не скажи...

Как известно, ссыльный Владимир Ульянов до отъезда в Минусинск около двух месяцев, с 4 марта по 30 апреля 1897 года, пробыл в Красноярске. Авторы книги о Петре Красикове А. Гиндин и Г. Гиндин сообщают:

Дом-музей П. А. Красикова. Рисунок Н. Музыкантовой. 1989 г.

В. Д. Касьянов с дочерью Елизаветой.
Фото второй половины 1860-х гг.

Студент Петр Краси́ков

«У Краси́кова с первых же дней приезда Владимира Ильича установились с ним теплые, дружественные отношения. Владимир Ильич быстро убедился, что имеет дело с единомышленником, готовым к дальнейшей политической борьбе за претворение в жизнь идей марксизма...»

Частым гостем Владимир Ильич был и в доме на Соборной площади, на квартире у Петра Ананьевича. Здесь в семейной обстановке они говорили о путях создания пролетарской партии, о том, как вести социал-демократическую работу в самом Красноярске».

Если так, то В. Д. Касьянов вполне мог видеть ссыльного Ульянова и даже коротко поговорить с ним. А вообще 1897 год — последний год жизни Касьянова, в сентябре он — опора всей семьи — умирает...

По воспоминаниям Пелагеи Губчевской, фельдшерицы, воспитанницы протоиерея, жившей несколько лет в его доме, Василия Дмитриевича хоронил весь город, и только Петра Краси́кова по какой-то причине на похоронах не было. «П. А. на поминальный обед пришел с товарищами. Наследства не нашли. Что было в доме — во дворе — следить за продажей было некому. Кучер продавал лошадей и все дворовое. П. А. продал дедушкину богатую библиотеку Юдину». Г. В. Юдин купил и рукопись дневника В. Д. Касьянова, который он вел в 1870–1897 годах. Благодаря чему содержательный дневник этот и уцелел, может быть. А спустя много лет, в 2012 году, был издан в двух томах с обстоятельными комментариями.

Спустя месяц все семейство Краси́ковых попросили освободить дом, принадлежавший Кафедральному собору. Петр Краси́ков с женой и малолетним ребенком перебрался на съемную квартиру на улице Узенькой (ул. К. Маркса).

Худо ли, бедно ли, дом, в котором проживал В. Д. Касьянов, достоял и до советской власти, и до того времени, когда на нем появилась мемориальная доска с текстом: «В этом доме на квартире ссыльного марксиста П. А. Краси́кова в середине сентября 1898 года жил Владимир Ильич Ленин», правда, с ошибкой в тексте. В книжечке «Историко-революционные памятники и музеи города Красноярска», изданной в 1966 году, ошибка повторилась: «Квартиру П. А. Краси́кова В. И. Ленин посещал в марте-апреле 1897 года, а с 11 по 20 сентября 1898 года В. И. Ленин здесь жил». В переизданной в 1978 году книжке ошибка наконец была исправлена: «Владимир Ильич бывал в квартире П. А. Краси́кова в марте-апреле 1897 года, а в сен-

тябре 1898 года В. И. Ленин останавливался у Красикова, жившего уже на другой квартире».

В апреле 1970 года в доме Касьянова — Красикова (ул. Ленина, 124) открывается музей. Почему в апреле 1970-го — ныне, наверное, многие и не догадаются. Но в год создания музея вся страна знала и даже пела о том, что ровно сто лет назад:

*«В маленьком и тихом городе Симбирске,
Там, где катит волны мать российских рек,
Всем народам мира дорогой и близкий
Родился великий человек!»*

В 1870 году, кстати, родился и Петр Ананьевич Красиков.

Дом-музей П. А. Красикова долгое время оставался одним из главных историко-революционных памятников Красноярск, филиалом краевого краеведческого музея. Но в начале 2014 года, уже в новую эпоху, когда Ульянов-Ленин потерял свой высокий официальный статус, на этот дом предъявила претензии православная церковь, в эту эпоху, наоборот, вновь обретшая немалую силу, в том числе административно-хозяйственную, и влияние. В лице Красноярской епархии она объявила о своем намерении «добиваться от властей передачи городского дома-музея революционера Петра Красикова в ведение духовного центра, организованного в честь его деда — священника Василия Касьянова»...

...А вот если сделать еще одно фантастическое допущение, представить, что Василий Касьянов не умер в 1897-м, но погрузился в летаргический сон, из которого он вышел через сто с лишним лет. Что подумает Касьянов, не увидев на привычном месте Кафедральный собор? Не обнаружив, как ни всматривайся, Всех-святскую церковь с кладбищем за основательной оградой и многие здания окрест? Решит, наверное, что в какой-то год и день случилась немыслимая катастрофа, сравнимая с землетрясением, падением огромного метеорита, вражеским нашествием вроде татаро-монгольского.

Нельзя же, в самом деле, будучи в здравом уме, вообразить, что снесено все это не неким «могучим ураганом», а руками тех же, в сущности, прихожан собора, жителей города. И не хва-

«Владимир Ульянов (Ленин)», рисунок художника А. Н. Никулина со снимка 1897 г.

В 1920-е гг. снимок хранился в бумагах Енисейского губернатора в Истпарте Енисейского губкома РКП(б). Рисунок был напечатан в довольно редком журнале «Сибирь» (1925, № 3), издававшемся в Новониколаевске.

Но данный снимок — не сибирский, как можно было бы предположить. Он выполнен в Московском охранном отделении, вероятно, при аресте Ульянова-Ленина, до отправки его в Сибирь.

тил ли бы нашего священника кондратий, узнай он, что незнакомец, приятель внука Петруши, мелькнувший однажды в дверном проеме в его собственном доме, и затеял ту великую бучу, в которой были переломаны, снесены и соборы с церквями, и многие иные строения и дворцы, сгнуло неисчислимо народу — купцов, мещан, лиц военного звания, священнослужителей и просто служащих, крестьян, фабричных рабочих и т. п.

К месту или нет, но в завершение некоторого отступления от познавательного историко-краеведческого путешествия по городу очень хочется привести небольшой фрагмент из одного довольно редкого источника.

Был такой Александр Николаевич Наумов, землевладелец, предводитель дворянства Самарской губернии, почетный гражданин Самары, ставший членом Государственного Совета, в 1915–1916 годах — министр земледелия. После Октябрьской революции жил в Крыму, в 1920 году эмигрировал. Умер в 1950 году в Ницце. В свое время Наумов учился в Симбирской классической гимназии и все шесть лет учебы сидел за одной партой не с кем-нибудь, а с Владимиром Ульяновым! В 1887 году Ульянов завершил гимназию первым учеником с золотой медалью. Наумов чуть уступил — закончил гимназию с серебряной медалью. В дальнейшем пути медалистов разошлись, и значительно.

Наумов написал обширные воспоминания, которые уже после его смерти были изданы в США, в последующем не переиздавались

(А.Н. Наумов. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2-х кн. Нью-Йорк, 1954). Конечно, на их страницах он не мог не коснуться хотя бы чуть и гимназиста, ставшего впоследствии всемирно известным вождем всех трудящихся. Вот что писал Наумов:

«Еще в те отдаленные времена Ульянов казался всем окружающим его каким-то особенным. Предчувствия наши нас не обманули. Прошло много лет, и судьба в самом деле исключительным образом отметила моего тихого и скромного школьного товарища, превративши его в мировую известность, в знаменитую отныне историческую личность — Владимира «Ильи» Ульянова-Ленина, сумевшего в 1917 году выхватить из рук безвольного Временного Правительства власть, в несколько лет путем непрерывного кровавого террора стереть старую Россию, превратив ее в СССР-ию, и произвести над ней небывалый в истории человечества опыт — насаждения коммунистического строя на началах III Интернационала. Ныне положен он в своем нелепом надгробном Московском мавзолее на Красной площади для вечно отдыха от всего им содеянного...

...Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно-сложное и тяжелое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканной сверху донизу России сможет лишь такой же недюжинный ум и талант, каким обладал отошедший ныне в историю гениальный разрушитель Ленин».

В словах о «исковерканной сверху донизу России» и есть ответ на вопрос, что же за катастрофа приключилась однажды со страной.

Пожалуй, наше путешествие по Красноярску 1863 года от Старобазарной площади до Новобазарной протяженностью около двух с половиной километров, близится к завершению. Однако есть еще на Новобазарной площади объекты, у которых невозможно не приостановиться. Ну вот — напротив усадьбы протоиерея Касьянова огороженная территория, причем немалая, где, видать по всему, намечается большое строительство. Нам, красноярцам из будущего, нетрудно догадаться, для чего предназначается этот участок городской земли. Здесь во всю почти ширину квартала вытянется архиерейский дом с двумя дюжинами узких окон по верхнему этажу, с золоченым крестом над домовою церковью. Не дом — а этакий дреднот, оплот православия!

Но именно такой, основательный, из кирпича, архиерейский дом начнут возводить лишь в конце 1880-х. А в 1863 году на огороженной территории, где можно видеть складированные бревна, прочий стройматериал, будет создаваться архиерейский дом пока что, по недостатку средств, в деревянном исполнении.

В.Д. Касьянов заметил по этому поводу: епископ Никодим «исходатайствовал прекрасное место для архиерейского дома и построил деревянный дом». Никодим же в августе 1865 года сделал такую запись в своем дневнике: «Вечером ездил на кладбищенскую гору, был у часовни, любовался моим домом: возвышается над другими, и есть один из самых крупных деревянных, кроме казарм и присутственных мест»...

— Дальше-то куда? — спросил извозчик.

— Да вот, думаю... Если в сторону Афонтовой горы, то ехать через ту часть города, что Тербиловкой, кажется, зовется. Это где конокрады, скупщики краденого селятся. А еще чаерезы — грабители обозов, идущих из Китая с чаем.

— Тербиловка... Придумают же! Про чаерезов не слышал, врать не буду. Ежели начнут чай из Китая возить, так и чаерезы, должно быть, объявятся, — усмехнулся извозчик. — Вы, барин, будто все наперед знаете! А покражи и прочий мордобой у нас повсеместно, по всему городу случаются, это уж исстари так заведено!

— Здесь еще неподалеку декабрист жил. Давыдов Василий Львович, — припомнил я.

КОНЕЦ ПУТИ

В общем постройке Красноярска довольно аляповаты и зачастую рядом с хорошим каменным домом ютятся убогая хижина, что разумеется, отражается очень неблагоприятно на впечатлении нового человека. Красив Красноярск, если на него посмотреть в летнюю пору с противоположного берега Енисея: здесь взору наблюдателя представляются верхушки колоколен и крыши больших зданий, и весь город, окутанный горами с едва очерченными мягкими линиями, кажется обширным, величавым...

Великий путь.

*Виды Сибири и Великой Сибирской
железной дороги.*

Красноярск, 1899.

*Дом, в котором будет размещаться
духовная консистория*

— Это который из Петербурга высланный, против царя выступал? Жил! Не один, с семейством своим жил. Да его уже давно на гору снесли, на кладбище. Семейство после уехало из города. Чего им тут делать?! Случаем, не сродственник вы ему? Вспомнили о нем...

— Нет, не родственник. Давай-ка вот у того дома приостановимся.

— А-а, это дом известный, значительный!

Мы подъехали к двухэтажному деревянному дому, стоявшему несколько отдельно, во главе, так сказать, немалой усадьбы с большим садом, флигелем, разными хозяйственными постройками. Насчет этого дома я, конечно, «наперед» знаю. Но по порядку.

В 1863 году дом принадлежит чиновнику А. Ф. Расчектаеву. В предыдущем, 1862-м он был подремонтирован, обновлен. «Дом стал — игрушка», записал епископ Никодим, побывавший в доме в гостях. А проживал в доме не кто иной, как Павел Николаевич Замятнин, генерал-губернатор Енисейской губернии! Вскоре соседом губернатора стал и сам Никодим, переехав в новопостроенный архиерейский дом.

В августе 1864 года, по записи Никодима, случилась «Великолепная иллюминация перед домом губернатора (мне видно: мы почти соседи). Иллюминация по поводу свадьбы старшей дочери Варвары, вышедшей замуж за полковника, командира Енисейского казачьего полка Ив. Ив. Корха». Молодая семья не останется в доме губернатора, хотя места в доме было достаточно. Молодожены снимут квартиру на втором этаже усадьбы семьи

*Дом на краю Новобазарной площади, где проживал
губернатор П. Н. Замятнин, а впоследствии
жили ссыльные*

Владимир Викторович Лесевич

Сергей Николаевич Южаков

Суриковых. У юного Василия Сурикова отношения с постояльцами сложились вполне дружеские. Отправляясь в конце 1868 года в Санкт-Петербург на учебу в Академию художеств, он пишет с дороги письмо домой, в котором передает поклон близким и знакомым и в том числе «Корху с Варварой Павловной».

В 1868 году губернаторство П.Н. Замятина закончилось, вскоре из Красноярска он уезжает. Уехали следом и полковник Иван Иванович Корх с Варварой. О доме же, где жил П.Н. Замятин, рассказ хотелось бы несколько продолжить.

...В 1880 году в Красноярске образовалась целая колония ссыльных из более чем сорока человек. Попали они на берега Енисея разными этапами, осуждены по разным делам. Общее у них одно — высланы в Сибирь они были административным порядком и по прибытии в Красноярск препровождались «в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, и он имел полное право рассовать нас по одиночке на необъятной, подчиненной ему площади, куда входили губернии — Енисейская и Иркутская и Якутская область», как писал ссыльный литератор, революционер-народник И.П. Белоконский в воспоминаниях «В местах отдаленных». Целому ряду лиц неожиданно разрешили поселиться и отбывать срок наказания в Красноярске. «По слухам, — пишет И.П. Белоконский, — виновником этого сюрприза был енисейский губернатор Лохвицкий, который, говорили, поручился за всех тех административных ссыльных, относительно которых не было особых распоряжений».

Так, среди тех, кто оставался в ссылке в Красноярске осенью 1880 года, были и люди известные. Помимо того же И.П. Белоконского — Л.П. Симиренко, будущий знаменитый ученый-садовод, В.В. Лесевич, известный философ, сотрудник петербургского литературного журнала «Отечественные записки», С.Н. Южаков, публицист, социолог, под его редакцией в 1900-1905 годах будет издаваться «Большая энциклопедия» в 22 томах. Эту энциклопедию так и называют — южаковская.

Но причем здесь дом, в котором жил губернатор П.Н. Замятин?

Продитируем еще раз И.П. Белоконского:

«...Тут же выяснилось, что Сергей Николаевич нанимает квартиру на Базарной площади, в нижнем этаже дома Замятина, а верхний этаж снял уже Лесевич...

Переходя к обыденной части жизни ссыльных в Красноярске, прежде всего нагну с своей квартиры. В верхнем этаже дома Замятина, о котором я упоминал, жили:

Немногие красноярцы, покупающие на рынке яблоки сорта «Симиренко», знают, что его автор Лев Платонович Симиренко (1855–1920) отбывал ссылку в Красноярске за участие в студенческие годы в революционном движении. Вернувшись на родную Украину, Симиренко полностью посвятил себя развитию садоводческого дела. К сожалению, в январе 1920-го он трагически погиб, застреленный бандитом в собственном доме...

Владимир Викторович Лесевит, его жена Лидия Парменовна, малютка-дочь Юлия или Юлуся, как мы ее называли, и квартирант Лесевитей — Яков Николаевич Шульгин; в нижнем — Сергей Николаевич Южаков, его жена Елизавета Михайловна, грудной ребенок Коля и, в качестве квартиранта, я. Главными персонажами нашей квартиры были, конечно, Сергей Николаевич и Владимир Викторович.

...И с Южаковым и с Лесевитом приехали добровольно их жены, не имевшие заметного политического прошлого.

...В Сибирь Лесевит приехал уже с крупным научным и литературным именем... И в Красноярске он продолжал свои научные занятия, имея в своем распоряжении превосходную библиотеку, которую привез с собою из России, и выписывал много русских и иностранных газет и книг...

Владимир Викторович вел необыкновенно правильный и трезвый умеренный образ жизни. Он не пил, не курил, соблюдал гигиену, совершал прогулки, руководствуясь при этом показаниями термометра и барометра...

С. Н. Южаков представлял совершенную противоположность В. В. Лесевиту. Если последнего можно было сравнить с углем немецкого типа, то первый был густейшей воды русский человек. Живой, общительный, он не проглотил бы провести напролет ночь и изрядно выпить в компании, не придерживаясь никакой правильности и систематичности ни в жизни, и ни в работе. В зависимости от настроения, то работал он запоем, то ничего не делал...

Итак, выходит, что все эти замечательные люди снимали жилье, проживали в «доме Замятина» (правильно Замятни́на: пропуск буквы в его фамилии — дело обычное, такое встречается даже и в официальных документах тех лет). Вряд ли речь идет о каком другом доме, все совпадает: и место расположения (Базарная площадь), и то, что дом двухэтажный. А название за ним сохранялось, вероятно, и спустя десять с лишним лет после отъезда Замятни́на из Красноярска. Квартиры в этом доме стали сдаваться в аренду, и в 1880 году так называемый «дом Замятина» был довольно плотно заселен.

«Дом Замятина» иной раз напоминал некий клуб, где происходили собрания ссыльных, работала библиотека, устраивались вечера танцев и даже выпускались рукописные газеты.

И. П. Белоко́нский вспоминает:

Здание на углу
пр. Мира, 101, и ул. Горького,
где находилась усадьба и дом,
в котором жил
губернатор Замятнин,
квартировали ссыльные
народовольцы

«...Ввиду редкого радушия и благожелательности Лесевитей, а также благодаря тому, что они были обеспечены средствами, полугали много газет и журналов, вели обширную переписку с Россией, — квартира их служила центром ссыльной жизни, причем нередко у Лесевитей устраивались и своеобразные «балы»...

Было у нас и еще одно развлечение, возникшее по инициативе В. В. Лесевига. Он подал мысль издавать рукописную газету под названием «Гони зайца дальше». Название мотивировалось целью, которая заключалась в том, чтобы газета, заполненная интересными для ссыльных сведениями, быстро переходила из рук в руки. Но как только появился первый № «Гони зайца дальше», П. З. Попов начал «издавать» другую газету, кажется, «Административный ссыльный», в котором завел полемику с «Зайцем»...

Описание жизни ссыльных в «доме Замятина» можно продолжать и далее. Но наша цель — лишь задержать внимание читателя на одном из зданий Красноярска, добавить еще один штрих к общей истории жизни города в последние десятилетия XIX столетия. Тем более что дом этот в некие времена был снесен, а в 1863 году вот он, перед нами.

На карте современного Красноярска место, где стоял «дом Замятина» вместе со всею усадьбой, — это угол проспекта Мира и улицы Горького. Здесь возвыша-

ется большой «сталинский» пятиэтажный дом (пр. Мира, 101), построенный в 1937–1938, очевидно, годы, когда улица Сталина, как тогда назывался проспект Мира, начинала застраиваться новыми домами. Причем застраивалась улица не подряд, дом к дому, а как-то выборочно, то здесь, то там. Тогда и сносилась старая деревянная застройка, в том числе, вероятно, был снесен и «дом Замятина», где жили когда-то веселые ссыльные — горячо спорили, обсуждая новости, читали запрещенные книжки, сочиняли статьи в столичные журналы, слегка, надо думать, употребляли легкие вина и готовили побег...

Что же, здесь, на краю Новобазарной площади, мы, пожалуй, и закончим свое путешествие.

— Ну вот и приехали! — сказал я извозчику. — Держи гривенник, как договаривались, и еще алтын, три копейки то есть. И... прощай, извозчик номер 13!

— Благодарствую, барин! Ежели еще понадобится — так с нашим удовольствием! Знаете, где искать.

— Да нет, вряд ли когда еще свидимся... Прощай!

Я сошел с экипажа. Извозчик, понукнув лошадь, развернулся и направился через площадь в обратный путь.

Оглядимся напоследок еще раз.

По Архиерейскому переулку, хотя не уверен, что он так назывался в 1863 году (а в далеком будущем его назовут улицей Горького), напротив городского парка об-

*Южная окраина Красноярска —
будущая Теребиловка*

рацал на себя внимание каменный дом с мезонином. Построил его надворный советник Лобковский. Впоследствии в нем разместится Енисейская духовная консистория. За домом с мезонином в сторону Енисея и к западу, в направлении Афонтовой горы, — обычные одноэтажные избы, дома, иногда в два этажа, заборы, сараи, огороды... Сохранились эти дома на много лет — и ничем особым они бы не отличались от домов на какой-нибудь старой городской улочке в начале XXI века. Сохранился ведь дом, где жил В.Д. Касьянов, и никак по нему не скажешь, что ровесник он и Кафедрального собора, от которого и следа не осталось, и другой красноярской старины.

Эту часть Красноярска не затронет пожар 1881 года, огненный смерч пойдет в сторону Стрелки. В середине 1890-х, когда к Красноярску подводили Сибирскую железную дорогу, построили железнодорожный мост через Енисей, в городе появилось много пришлого народа — строителей, каменщиков, железнодорожников. На склоне Афонтовой горы образовалась Николаевка, где селились главным образом рабочие, служащие на железной дороге. Большим предместьем стала и часть города от Новобазарной площади до железнодорожного вокзала, достигшая, видимо, того уровня нехорошей славы, что и получила название Тербиловки...

Кто из нас хотя бы однажды, не прикидывал, где, в какую эпоху, в какое время ему хотелось бы пожить взамен своего наскучившего времени. Наверное, еще в юные годы одни примеряли на себя пиратские одежды, другим казался в пору камзол мушкетера. Не исключаю, что кому-то хотелось бы стать жителем древнего

Рима или Афин времен Плутарха. А кто-то выбрал бы, к примеру, эпоху Екатерины II.

Мне же, вспоминается, в какое-то время чрезвычайно привлекательной эпохой представлялась вторая половина XIX века. Когда еще сохранялись черты милой старины, восходящие к предыдущему столетию. В дворянских усадьбах с их заросшими прудами и вишневыми садами, к которым хоть уже и приглядывались экономические люди, но еще шла жизнь.

Земля казалась огромной, отчасти совсем неизведанной. Причем до такой степени, что Ливингстон, уже проживший полтора десятка лет в Южной Африке, как-то всерьез потерялся в ее тропических пространствах. Отыскал его Стенли, чем весьма прославился. А Миклухо-Маклая в этом же 1871 году поначалу едва ли не съели папуасы Новой Гвинеи. Но при всем при том шаги прогресса были вполне ощутимы. Северную Америку уже можно было от Атлантики до Тихого океана проехать по железной дороге. Строились планы по сооружению Великого Сибирского пути. Атлантику пересекали океанские пароходы. В 1863 году Жюль Верн, полный творческих замыслов, выпустил свой первый роман «Пять недель на воздушном шаре». В промышленное производство был запущен первый в мире автомобиль, изобретенный Карлом Бенцем. А англичане придумали унитаз в его современном виде. Словом, эпоха, с одной стороны, сохраняла некую па-

триархальность, приятную добропорядочность, с другой стороны, удивляла достижениями науки и техники, обеспечивала больший, нежели прежде, комфорт.

В этой эпохе, повторюсь, хотелось бы пожить.

Ну и вот — путешествие по городу завершается. А желал бы я остаться здесь, в Красноярске 1863 года, во второй половине XIX века?

Я посмотрел на ближние дома, на Енисей и отроги Куйсумского хребта, знакомые очертания Такмака — этот же Такмак и из моего окна хорошо виден в современном Красноярске. Низкий, совершенно пустынный берег Енисея... Десятилетия пройдут, прежде чем подведут сюда рельсы Великого Сибирского пути и стальным поясом мост соединит два берега, Сибирь Западную с Восточной...

Вдруг вспомнилось о неотложных делах, запланированных на завтра: слесарь насчет труб должен подойти, да и в газету нужно материал передать... Нет, надо возвращаться!

Все-таки самое интересное время ожидает нас впереди. И самая непредсказуемая, таинственная, неожиданная, сулящая всяческие сурпризы эпоха — это наше будущее! И не поучаствовать в нем, отказаться от него, пропустить хотя бы ту малую часть его, что прожить суждено тебе, было бы глупостью непростительной!

Назад — в свое время, в неведомое будущее!

Именной указатель

- Аксельрод М. Б. 5, 15, 16, 18–21, 95, 96
Аксельрод П. Б. 19, 20
Аксельрод Р. О. 14–18
Аксельрод Ф. М. 15
Акунин Борис 4, 40
Айгустов Н. А. 58
Александр I 37
Александр II 36
Алексей Александрович, великий князь 8
Алексей Михайлович, царь 40
Алибер И. П. 38–40, 90
Арбеков 55
Аржаных О. П. 25
Арсеньев К. К. 74
Арто Ж. Д. 77
- Баратынский В. Л. 88
Бархатова Е. В. 29, 34
Батеньков Г. С. 37, 76, 77
Бауман А. О. 26
Башкиров Ф. 18
Безносиков М. С. 13
Белова М. Г. 69, 70
Белокопский И. П. 107, 109
Беляев А. П. 65
Бенардаки Д. Е. 31
Бенц Карл 112
Берио Ш. О. 77
Бик С. Д. 15
Бобков Л. А. 15
Бологовский Я. Д. 58
Боровиковский Л. А. 82
Брагин Р. В. 20
Брандис 29, 31
Брингаузен 45
Брэм А. Э. 27
Брэн 26–28
Брюллов Карл 51
Бусыгин 94
- Бутаков М. А. 76
Бутаевич-Петрашевский М. В. 7, 59–61, 63
Бух Н. К. 94
Быконя Г. Ф. 40
- Вавилов В. И. 22, 91
Василенок И. И. 15
Васильев А. Г. 21
Васильев М. А. 51
Васильев С. Ф. 57, 58
Ведерников Е. И. 80
Верн Жюль 112
Владимиров Е. И. 16
Водовозов 92
Волконский С. Г. 11
Волошин М. А. 56, 82
Вонаго Л. Ю. 7, 15, 20, 21,
Высоцкая 94
Вьетан А. 77
- Гадалов Н. Г. 54, 55, 65–67, 86, 88
Гадалов И. Г. 65–67, 85
Гадаловы 54
Гауман Т. 76
Гесте В. И. 47
Гиндин А. М. 101
Гиндин Г. М. 101
Гирс А. Н. 58
Глинка М. И. 48
Гмелин И. Г. 9
Горчаков А. М. 88
Гофман А. К. 22–25, 27, 31, 32,
Гофман М. А. 25
Гофман Э. К. 25
Гребнев Н. В. 82, 83
Гржебин З. И. 19
Григоров И. А. 31
Григоровская М. Н. 6, 20
Губчевская П. 102
- Гудков П. К. 67
Гуковский И. Э. 94
Гусева М. А. 59
- Давиньон А. 10, 11
Давыдов В. Л. 11, 73, 75, 76, 105
Давыдов В. Ф. 58
Дагер Л. Ж. 4, 5
Даль В. И. 99
Даниловы 8, 94
Дмитриев П. Н. 21
Долгов 76–78
Долгушин А. В. 89
Достоевский Ф. М. 59, 60
Дубенской А. 55
- Екатерина II 45, 112
Ермак 4
Ефимов Д. П. 20
- Завадский А. Л. 13
Замятин П. Н. 7, 12, 36, 45, 48, 60, 61, 63, 64, 69, 70, 75, 103–107, 108–110
Замятнина В. П. 103, 107
Замятнина Е. П. 12
Зелинский И. И. 49–51
Зельманович М. Х. 54
Злобков А. М. 15, 17
- Иноземцев 38
- Калабин Н. П. 94
Каминер 23
Каразин Н. Н. 20
Касьянов В. Д. 8, 24, 100–103, 105, 111
Кеннан Дж. 84, 91
Кеппель Г. Х. 9–14, 16–19, 22, 24, 69, 90, 91, 94–96
Кипренский О. А. 48
- Киров С. М. 86
Кокорев И. Т. 62
Комаров А. Ф. 20
Коновалов И. И. 63–65, 67, 69
Кончаловская Н. П. 42, 81
Корнаков С. И. 15
Короленко В. Г. 89, 90
Корсаков М. С. 36
Корх И. И. 107
Корчинский Е. К. 15
Кофман Я. М. 87
Кохановская М. Я. 71
Кохановский Ю. М. 15, 20, 21
Красиков И. 62
Красиков П. А. 8, 101–104
Красикова Евг. А. 101
Красикова Ел. А. 101
Краузе 78
Краузе И. 75
Крафт И. И. 94
Кугаевский А. А. 80
Кузмин 17, 18
Кузнецов А. П. 52
Кузнецов И. К. 51
Кузнецов П. И. 7, 36, 38, 45, 51–55
Кузнецов С. Я. 67
Кузнецова Е. П. 51, 52, 54
Кузнецов-Красноярский И. П. 51, 52
Кусков И. В. 13
Кытманов А. И. 34
Кювье Ж. Л. 51
- Лавинский А. С. 48
Ланин В. В. 27, 28
Ларионов П. И. 13
Ларионовы 46, 47
Латкин Н. В. 48
Ленгник Ф. В. 94
Ленин (Ульянов) В. И. 19, 101–104

- Лесевич В. В. 107–109
 Лесевич Л. П. 108
 Лесевич Ю. 108
 Либман И. З. 15, 91
 Ливингстон Д. 112
 Литвинов М. Я. 14
 Лобковский 111
 Ломброзо Ч. 94
 Лопатин А. А. 12
 Лопатин А. Н. 12
 Лопатин И. А. 12, 34
 Лопатин П. А. 34
 Лохвицкий А. Д. 9, 107
 Лухтанская Ф. Д. 5, 15
 Лухтанский И. А. 15
 Люмбер, братья 83
- Маков Л. С. 27
 Матвеева К. И. 53, 55
 Матханова Н. П. 29, 34
 Матяж М. М. 80
 Медведев С. И. 22–24, 31
 Миклухо-Маклай Н. Н. 112
 Миллер Г. Ф. 9
 Михайлов К. 65
 М-ский 78
 Музыкантова Н. 101
 Муравьев-Амурский Н. Н. 48, 60
 Мыльников Вл. П. 27
 Мышкин И. Н. 90, 91
 Мясников А. К. 74
 Мясников И. К. 74
 Мясников И. Ф. 74
 Мясников Никита Ф. 72, 73
 Мясников Николай Ф. 72, 73
 Мясников Н. Н. 74, 75
 Мясникова А. В. 72, 73, 75
- Набгольц 20
 Наттерер А. И. 49
 Наттерер Н. И. 49, 50
 Наттерер Ф. И. 49, 51
 Наттерер Э. И. 49
 Наумов А. Н. 104
 Небольсин И. П. 14
- Неврев Н. В. 82
 Нефф Т. А. 82
 Никитенко А. В. 88
 Никодим, епископ 7, 11, 44, 48, 57, 60, 61, 65, 68–70, 74, 75, 79, 89, 90, 92, 97, 106
 Николай, наследник престола 8, 79
 Николай I 61, 87
 Никулин А. Н. 103
 Нитрам А. Е. 12, 14, 17–19, 27, 70, 91
 Нови Б. С. 20
 Новодержкин И. Г. 15
 Ньепс Ж. Н. 5
- Орехова Н. А. 87
 Орловы 94
 Охотников 55
- Падалка В. К. 74, 76, 92
 Паллас П.-С. 9
 Пантелеев Л. Ф. 36, 63
 Парфентьев И. Ф. 39, 73
 Паршин В. П. 88
 Паткуль А. В. 31
 Плутарх 112
 Поджио А. В. 11
 Поздеев А. Г. 55
 Поллак П. 5
 Поляков В. Г. 25
 Попов 15
 Попов П. З. 109
 Потехин Е. И. 75
 Потехин И. 62
 Потылицын Л. 62
 Пржигодская В. А. 101
 Прибылев А. В. 94
 Пукирев В. В. 82
 Пушкин А. С. 4, 48
 Пушкина Н. Н. 4
- Радищев А. Н. 45, 46
 Расчектаев А. Ф. 106
 Рафаэль Санти 82
- Ребигов В. И. 75
 Ребигов И. А. 75
 Резанов Н. П. 44, 46
 Риккер К. Л. 26, 28, 29, 31, 34
 Рогель Ю. А. 15
 Робинсон П. 63
 Родюков Г. О. 45, 46
 Родюков И. Г. 46, 69
 Родюковы 46, 47
 Рубинчик О. 17
 Рутченко М. А. 56
 Рязанова 31
 Ряховский Н. А. 94
- Саврасов А. К. 82
 Сажин М. К. 8, 28, 84, 85, 98–100
 Светлицкий К. Н. 8
 Сидоров М. К. 48–50, 69, 75
 Сильвин М. А. 19, 94
 Симиренко А. П. 107, 108
 Сколков Ф. И. 71
 Смирнов А. А. 71
 Смирнова Ц. И. 50
 Соколовский В. А. 71, 87
 Ставровский Н. А. 20
 Стасов Вл. В. 26, 27
 Стасов В. П. 47
 Стенли Г. М. 112
 Степанов А. П. 6, 44, 46, 59, 67, 70, 85, 93
 Суворин А. С. 20
 Суворов А. А. 63
 Суриков В. И. 4, 7, 40, 55, 81–83, 88, 107
 Суриков А. И. 83
 Сурикова П. Ф. 83
 Суриковы 81, 107
 Суханов И. Я. 47, 48, 50, 69
- Тальбот Ф. 5
 Терских Е. 70
 Терской А. П. 59
 Тициан 82
 Токарев И. И. 100
 Томашкевич И. Р. 20
- Тон К. А. 97
 Тютчев Н. С. 94
- Ульянов Г. В. 84, 88
 Упаткин И. Е. 15, 17
- Фадеев А. А. 8
 Федор Кузьмич 37
 Федоров Н. В. 21
 Фельдман М. Е. 11, 12
 Феррейн В. К. 50
- Хаит Г. Е. 17, 19, 91
 Хаймович Г. О. 71
 Хозяинов И. М. 40
 Хромов С. Ф. 37
- Цукерман Г. Э. 54
- Черепанов С. К. 31
 Черкашин 55
 Черносивитов Р. А. 61
 Чернышев Л. А. 54, 84
 Чернышевский Н. Г. 36, 89
 Чихачев П. А. 72
- Шадрин Н. С. 21
 Шапиро М. А. 15, 20, 21
 Шапиро Н. А. 20, 21
 Шашков С. С. 37
 Щеголев С. Г. 8, 48, 68, 97–99, 101
 Щеголева Т. И. 8, 48, 50, 54, 68, 99, 101
 Швикарт 49
 Шерер 20
 Шипова Т. 9
 Шмидт Ф. Б. 33
 Шульгин Я. Н. 108
 Юдин Г. В. 5, 37, 54, 102
 Южаков С. Н. 89, 107, 108
 Южакова Е. М. 108
 Южаков Коля 108
 Юзефов В. И. 27, 28
 Юшков 55
 Яковлев Б. В. 19

Топографический указатель

	СТАРОЕ НАЗВАНИЕ	НОВОЕ НАЗВАНИЕ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
<i>А</i>	Аптека (первая в городе частная аптека, располагавшаяся в здании Приказа общественного призрения на ул. Воскресенской)	пр. Мира, 14
	Архиерейский пер.	ул. Горького
<i>Б</i>	Базарная ул.	ул. Каратанова
	Благовещенская ул.	ул. Ленина
	Благовещенский пер.	ул. 9-го Января
	Благовещенский собор	ул. Ленина, 15
	Благородное собрание	пр. Мира, 67
	Богородице-Рождественский (Кафедральный) собор	разрушен в 1936 г.
	Большекачинская ул.	ул. Марковского
<i>В</i>	Владимирская площадь	находилась на пересечении ул. Воскресенской (пр. Мира) и пер. Дубенского (ул. Парижской Коммуны)
	Воскресенская ул.	пр. Мира
	Воскресенский собор	разрушен в 1950-е гг.
	Всехсвятская церковь	разрушена в 1930-е гг.
<i>Г</i>	Гостиный двор	ул. Маркса, 6. Здание Государственного архива Красноярского края
<i>Д</i>	Дома на Большекачинской	находились главным образом на ул. Большекачинской (ул. Марковского) на протяжении от Благовещенского собора до Покровского пер. (ул. Сурикова)
	Дом Беловой М. Г.	пр. Мира, 54
	Дом Васильева С. Ф.	пр. Мира, 21–23
	Дом Высоцкой	находился на нечетной стороне ул. Воскресенской (пр. Мира) на участке от пер. Падалкина (ул. Диктатуры Пролетариата) до пер. Садового (ул. Дзержинского)
	Дом Гадалова И. Г.	пр. Мира, 31 / ул. Парижской Коммуны, 22
	Дом Гадалова Н. Г.	пр. Мира, 33 / ул. Парижской Коммуны, 17

	СТАРОЕ НАЗВАНИЕ	НОВОЕ НАЗВАНИЕ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
	Дом, где располагалась квартира П. Н. Замятнина	ныне на этом месте здание на пр. Мира, 101
	Дом городской думы, городской управы	ныне район пр. Мира, 4–6
	Дома кантонистов	располагались на нечетной стороне ул. Воскресенской (пр. Мира) от пер. Отделенского (ул. Кирова) до пер. Падалкина (ул. Диктатуры Пролетариата)
	Дом Касьянова В. Д.	ул. Ленина, 124
	Дом Коновалова И. И.	пр. Мира, 46–48
	Дом Кузнецова С. Я.	пр. Мира, 35
	Дом Ларионовых	ул. Ленина, 3
	Дом Лобковского (Духовная консистория)	ныне здесь жилой дом с магазинами на первом этаже, ул. Карла Маркса, 155
	Дом Мясникова Н. Ф.	пр. Мира, 61
	Дом, построенный Сажиним М. К. на ул. Всехсвятской	ул. Красной Армии, 18, снесен в 1980-е гг.
	Дом Ребикова И. А.	ул. Вейнбаума, 36
	Дом Родюковых	находился на углу ул. Воскресенской (пр. Мира) и ул. Базарной
	Дом Сколкова Ф. И.	пр. Мира, 45 / ул. Сурикова, 27
	Дом Терского А. П.	пр. Мира, 29
	Дубенского, пер.	ул. Парижской Коммуны
	Дом 1-го народного училища	ныне на этом месте находится здание Малой сцены театра им. Пушкина, пр. Мира, 71
<i>З</i>	Здание Казенной палаты, Губернского казначейства	ныне на его месте жилой дом, на первом этаже которого расположен отдел искусства XX–XXI вв. Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова, пр. Мира, 12
<i>К</i>	Кузнецовское подворье	расположено в глубине квартала между дд. 20–24 на пр. Мира
<i>Л</i>	Лютеранская кирха	находилась на ул. Воскресенской (пр. Мира) на четной стороне между Благовещенским пер. (ул. 9-го января) и пер. Дубенского (ул. Парижской Коммуны)
<i>М</i>	Малокачинская ул.	ул. Лебедевой
	Мясные ряды	находились на взвозе выше Покровского моста (моста через Качу по ул. Сурикова)
<i>Н</i>	Новобазарная (Новособорная) площадь	площадь Революции

	СТАРОЕ НАЗВАНИЕ	НОВОЕ НАЗВАНИЕ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
<i>О</i>	Особняк И. Я. Суханова (Щеголевское училище)	пр. Мира, 9
	Острожная площадь	ныне здесь расположен стадион «Локомотив»
	Отделенский (Кантонический) пер.	ул. Кирова
<i>П</i>	Падалкин переулок	ул. Диктатуры Пролетариата
	Покровский мост	мост по ул. Сурикова
	Покровский переулок	ул. Сурикова
	Покровский собор	пр. Мира, 58 / ул. Сурикова, 26
	Почтамтский переулок	ул. Перенсона
	Почтовая станция, контора	ныне здесь находятся сквер и часть корпуса Сибирского государственного технологического университета на пр. Мира
	Ремесленные дома	располагались на ул. Воскресенской (пр. Мира) между Почтамтским пер. (ул. Перенсона) и Отделенским пер. (ул. Кирова)
<i>С</i>	Старобазарная площадь	площадь Мира
<i>Т</i>	Теребиловка, предместье	находилось между Новобазарной площадью (площадь Революции) и железной дорогой
<i>У</i>	Уездное училище	ул. Ленина, 79
	Усадьба Потехина	ул. Вейнбаума, 21–23
<i>Я</i>	Яковлевский (Больничный) пер.	ул. Вейнбаума

Библиография

ЛИТЕРАТУРА

Белокопский И. П. Отрывки из воспоминаний // Голос минувшего, 1914, № 3, 4.

Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, Ленинградское отд., 1977.

Давыдов В. А. Сочинения, письма. — Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2004. — (Серия «Полярная звезда»).

Волошин М. А. Василий Иванович Суриков. Л.: Художник РСФСР, 1985.

Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898): Рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск: ООО «Поликор», 2016.

Гиндин А. М., Гиндин Г. М. Петр Кра-
сиков: Жизнь и революционная деятельность. Красноярск: Кн. изд-во, 1972.

История Красноярска: Документы и материалы XVII — первая половина XIX вв. / Сост. Г. Ф. Быконя. 2-е изд., дополненное и переработанное. Красноярск: ПИК «Офсет», 2000.

Клеопов И. А. Лопатин: Очерк жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1964.

Короленко В. Г. История моего современника. Книга третья. Т. III–IV. М. — Л.: Academia, 1931.

Красноярск и красноярцы. Красноярск: Кн. изд-во, 1978.

Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 годы. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016.

Морозов С. Русские путешественники-фотографы. М.: Географгиз, 1953.

Никитенко А. В. Дневник: В трех томах. Том 2. 1858–1965. Л.: Гослитиздат. Ленинградское отд., 1955.

Пантелеев А. Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1958.

Поллак Питер. Из истории фотографии. М.: Планета, 1983.

Протоиерей Василий Дмитриевич Касьянов: Из дневников 1870–1897 гг. В двух книгах. Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь», 2012.

Стасов В. В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1885.

Сысоева А. А. Во славу любезного Отечества: Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010.

Ульянов Г. В. Прогулки по Красноярску // Красноярск: Путеводитель по городу. Красноярск: ООО МИКЦ «Спектр», 2001.

Хаит Г. Е. Поиск продолжается: Утраты. Находки. Исследования. Красноярск: Кн. изд-во, 1970.

Шелгунов Н. В., Шелгунова А. П., Михайлов М. А. Воспоминания: В двух томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1967.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: В двух томах. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012–2013.

Юзефов В. И. Годы и друзья старого Николаевска: Сборник очерков и новелл о Николаевске. Хабаровск, 2005.

Яковлев Б. В. Ленин в Красноярске: Документальный очерк. М.: Политиздат, 1965.

ПЕРИОДИКА

Енисейские губернские ведомости. 1864, 1867 гг.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

ГАКК. Ф. 595. Оп. 1, Д. 85, 530, 1484, 5640, 6939; Оп. 5, Д. 235.

ГАКК. Ф. 561. Оп. 1. ДД. 148–171 (Воспоминания, дневники епископа Енисейского и Красноярского Никодима).

РУКОПИСИ

Смирнова Ц. И. Мои воспоминания. 1926, 1928. Рукопись. Частный архив.

Содержание

Часть 1. ПАНОРАМА КРАСНОЯРСКА 1863 ГОДА

Заглянуть в прошлое	4
Город в «длинном» формате	6
Первые фотографии и фотоателье Красноярска	9
Кто автор фотопанорамы?	22
Фотографические виды сибирских местностей	26

Часть 2. ПЕШКОМ В ИСТОРИЮ

Из отрывного календаря на 1863 год	36
Город с Караульной горы	38
Путешествие начинается	42
В экипаже с извозчиком № 13	62
От Благородного собрания — к Острожной площади	76
Кантонистский след в истории города	84
Новобазарная площадь и вокруг	92
Конец пути	105
Именной указатель	113
Топографический указатель	115
Библиография	118

ББК 63.3(2Рос-4Крн-2Красноярск)52
УДК 94(571.51)”18”

Ч-12 Чагин В. В. «Минувшее проходит предо мною...»: Путешествие в 1863 год. — Красноярск:
ООО «Издательство Поликор», 2017. — 120 с.: ил.

ISBN 978-5-6040122-1-5

Поводом к написанию книги послужила находка подлинника большой фотопанорамы города Красноярска, датируемой 1863 г. Книга рассказывает о первых красноярских фотографах, о городе, каким он был во второй половине XIX в., его жителях.

Редактор: В. В. Васильев.

Корректурa: З. В. Зимина.

Верстка: А. В. Ульверт.

Подписано в печать 27.11.2017.

Номер заказа 39428.

Формат 100 × 70 / 12.

Бумага офсетная. Тираж 1200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Полихром».

Красноярск, ул. Дубровинского, 58,

тел. (391) 227-77-53,

www.polikor.ru.

© В. В. Чагин, текст. 2017 г.

© ООО «Издательство Поликор», 2017 г.